

ЕКАТЕРИНА ШВАРЦ

ТЫ МОЙ
ВЫИГРЫШ

Пролог

Пролог

Дым сигарет заволакивал зал, создавая еще более мрачную атмосферу. Небольшая группа людей, стоящая вокруг круглого стола, внимательно следила за двумя мужчинами. Один, молодой, красивый, спокойно сидел за столом и следил за своим оппонентом. Второй, примерно такого же возраста, лихорадочно смотрел по сторонам. В центре стола лежала внушительная гора денежных банкнот.

— Поднимаю ставку, — первый бросил туда еще пару пачек денежных банкнот.

Второй ошарашенно посмотрел на это. Он знал, что Макс прекрасный игрок, но часто он выигрывал, умея прекрасно блефовать. Сегодня Виктор не мог проиграть. В начале вечера карта совершенно к нему не шла, но последние пару сдач все начало налаживаться. У него идеальная карта — он победит, мужчина был в этом уверен на все сто процентов.) Но ему нечем повышать. Все, что у него было, уже лежало на игральном столе.

Виктор глянул на свою руку. Кольцо! Он снял обручальное кольцо и бросил его в кучу.

— Принимаю.

Макс ухмыльнулся. А потом молча открыл карты. Нет! Виктор готов был завывать. Он проиграл. Все проиграл! Снова...

— Сегодня не твой вечер, Витек, как и всегда.

Виктор озлобленно посмотрел на Максима. Когда-то они были лучшими друзьями, но это было в прошлом.

— Я еще отыграюсь, — проговорил он со злостью.

— Конечно, — Макс оскалился в улыбке, — но сперва расплатись с этими долгами.

— Долгами, — Виктор не понимал. — Все перед тобой на столе, бери.

— Считаешь меня дураком, Левша? Думаешь, последняя моя ставка могла быть перекрыта твоим жалким колечком? Не-е-ет, — он растянул слово и, не отрываясь, посмотрел на оппонента, — вместе со своим кольцом ты поставил на кон свой брак, а значит, и свою

жену.

— Что? — до Виктора, кажется, начал доходить ход мыслей Максима. — Что ты несешь? Какой брак? Какая Жена?

— Какой брак? Какая жена? — Максим откинулся на стуле и закурил, но взгляда от Виктора не оторвал. — Я про Лизу и ваш брак, которому... сейчас вспомню... аж целых десять лет.

Виктор смотрел на Макса и никак не мог поверить в происходящее. Неужели он действительно хочет забрать его жену в уплату долга?

— Ты шутишь, — проговорил Виктор.

— Нет, — сталь в голосе Макса полоснула по сердцу заставив Виктора сгорбиться от страха, — я сейчас серьезен как никогда. Либо твоя жена переходит в мое полное пользование на, скажем, месяц, я сегодня добрый, либо она сегодня станет вдовой. Решать тебе.

После его слов двое крепких парней встали за спиной Виктора. Липкий страх прошелся по спине мужчины. Он не хотел умирать. Он слишком молод, чтобы лишиться жизни. С Лизой ничего такого не случится... Она ведь ему должна... Если бы не он, где бы она была сейчас... Виктор нервно сглотнул.

— Хорошо, я согласен.

— Я в тебе не сомневался, — Макс окинул его взглядом, полным презрения, — пошел прочь. За своим выигрышем я приеду сам. Ей не смей ничего говорить, понял?

— Да.

Виктор быстро вскочил и со всех ног пустился на выход. Он был счастлив, что так легко отделался.

Максим встал и молча пошел в свой кабинет. Его никто не останавливал. Он закрыл за собой дверь на ключ. Сел за рабочий стол. Снова закурил. Налил себе в стакан виски... Рука потянулась к ящичку верхнего стола. Он открыл его и достал старую фотографию в рамке.

На него привычно смотрели трое подростков: два парня и девушка. Эту фотографию его отец сделал, когда Макс, Виктор и Лиза учились в одиннадцатом классе...

Он с силой бросил рамку в стену и залпом выпил алкоголь.

Время пришло... я готов отомстить тебе за все, Лиза.

Глава 1. Лиза

Я устало закатила тележку с товаром на склад. До конца рабочей смены еще несколько часов, но мысленно мое тело уже было дома, потому что завтра начнется отпуск. Как я его ждала! Сегодня весь день не отрывала глаз от наручных часов. Считала не минуты, а секунды! Загудел звонок вызова кассира на кассу. Оставив товар, поспешила в торговый зал.

Уже три года как я работаю продавцом-кассиром в одном из супермаркетов крупной торговой сети. Пришла сюда только из-за стабильной и хорошей зарплаты. Нам с Виктором просто необходимы были деньги для оплаты кредитов.

Тяжелый вздох вырвался из моей груди. Последние десять лет я только и делаю, что живу «в кредит». Первые семь лет постоянно работала, спала по несколько часов в сутки, чтобы заработать как можно больше. Но судьба улыбнулась мне — удалось устроиться в магазин. Здесь было чуть легче. Устойчивый график: два дня через два. Стабильная зарплата, которую никогда не задерживали. Расположение магазина рядом с домом.

Подойдя к кассе, увидела, что покупателей нет. Удивленно посмотрела на директора магазина. Молодой, высокий брюнет имел вид балагура, но был строгим и справедливым начальником. Его уважали и любили.

— Сереж, ты чего меня звал? — спросила его.

— Лиз, ты закончила с выкладкой товара? — вместо ответа задал он вопрос.

— Да, осталось лишнее на склад убрать.

— Хорошо. Заканчивай и можешь идти домой, — проговорил он с улыбкой.

— Как домой? — опешила. — У меня еще не закончился рабочий день...

— Иди, я сегодня добрый. Отпускаю тебя, с завтрашнего дня все равно в отпуск уходишь. Это тебе бонус за хорошую работу.

— Спасибо.

Я так жалобно пролепетала это слово, что Сережа даже засмеялся. Ну а я быстро поспешила закончить незавершенное дело. Как же хорошо! Приду сегодня домой пораньше и приготовлю чего-нибудь вкусного. Может, и Виктор сегодня приедет с вахты...

Виктор... муж... попробовала отогнать нахлынувшую неприязнь. И хотя мы уже десять лет прожили вместе, я не могла привыкнуть к нему, не смогла полюбить его.

Десять лет назад, когда умер мой ребенок, а Максим отвернулся от меня, я несколько раз пыталась наложить на себя руки. Жить не хотелось вообще. Но не дали... Откачали. А потом эта страшная история с квартирой бабушки, которой завладели «черные» риелторы. Я пыталась найти деньги, чтобы выкупить жилье, но никто не помог. В банке не давали кредит — безработная, без образования и места жительства. Помог Виктор, школьный друг. Он занял у брата большую сумму. Я выкупила квартиру.

За это я была благодарна парню. Если бы он не протянул руку помощи, то я бы давно умерла... Я начала работать. Копила деньги, чтобы отдать долг Виктору. Через полгода он сделал мне предложение. Я понимала, что рано или поздно это произойдет. Чувствовала. Знала, что он ко мне испытывает еще со школы нежные чувства, но упорно гнала это осознание. Попросила дать мне день, чтобы подумать. Всю ночь проревела в подушку. Жизнь давно для меня остановилась, еще там, в роддоме. Но тело почему-то до сих пор жило... Мне совершенно не хотелось замуж за Виктора, сердце продолжало принадлежать другому... Выбора не было. Я задолжала парню не только финансы и собиралась ответить благодарностью на благодарность.

Свадьба была простой. Гостей позвали мало. Мы зажили в квартире, которую мне удалось отвоевать. Виктор ездил в Москву и работал там охранником вахтой. Вся его зарплата уходила на долг брату. Через пару лет парень не выдержал напора родственника и взял кредит в банке под квартиру. Я не роптала. Честно, я безвольно надеялась, что так будет лучше. Теперь вся зарплата Виктора уходила в банк, а мне приходилось содержать семью.

Хотя... нас сложно было назвать семьей. Первое время я еще пыталась отвечать на чувства Виктора. Видела, что его школьная любовь ко мне переросла в большое чувство, но это было так невыносимо. Секс с мужем был испытанием. Тело помнило другие

руки и губы, даже спустя долгое время... Постепенно понятие супружеский долг пропало в нашей семье совсем.

Но выбора не было, приходилось жить дальше. До конца оплаты кредита осталось полгода, и я твердо решила, что подам на развод. Больше так жить у меня не осталось сил...

С этими мыслями я возвращалась домой. Открыла дверь. Вошла. В прихожей валялась обувь: мужская и женская. Дальше в коридоре были разбросаны вещи. Пошла вглубь квартиры. Передо мной предстала банальная картина — Виктор голый лежал на кровати, а на нем всю прыгала такая же голая девица.

— Давай. Давай, детка, скачи сильнее! — орал он.

Я устало прижалась к стене. От увиденного мне не стало больно или плохо. Я давно поняла, что у Вити есть другие женщины, но мне было обидно, что он притащил ее сюда.

Муж заметил меня не сразу. Быстро вскочил на кровати, скидывая с себя девицу. Та взвизгнула и попыталась прикрыться простыней.

— У тебя есть час, чтобы собрать вещи, — проговорила я Виктору и устало побрела на кухню.

Но дойти туда не смогла. Меня с силой развернули и больно ударили спиной о стену. Виктор схватил меня за грудки и ударил снова.

— Не дожدهшься, милая, я здесь прописан. Я батрачу уже долбаные десять лет на эту квартиру. Это ты выметайся отсюда!

Я попыталась вырваться. Но он ударил меня головой о стену. Перед глазами все поплыло.

— Как ты меня достала, — плевал мне в лицо Виктор, — фригидная сука. Наконец-то я от тебя избавлюсь. Макс оказал мне прекрасную услугу.

Попыталась сфокусировать взгляд на Викторе.

— Что ты сказал? При чем тут он?

— Да при всем! — рычал муж. — Урод, что б он сдох! Унизил меня, но ничего, скоро он и на тебе отыграется.

Виктор на секунду отпустил меня. Я попыталась вырваться, но сильная пощечина снова откинула меня назад к стене. Я тихонько сползла по твердой поверхности на пол. Мои глаза начали

закрывать. Картинка перед глазами поплыла. Как сквозь туман я услышала, что кого-то бьют. Инстинктивно сжалась и попыталась прикрыться руками, мне и так было очень плохо, новой порции побоев я не выдержу. Но тут до меня донесся мужской стон. А потом голос другого мужчины:

— Эх, Витек, Витек, я же просил ничего не говорить. Видно, придется отрезать тебе язык, но я тебя прощу, — раздался смех. — А вот за то, что испортил мою игрушку, — злобно продолжил незнакомец, — придется ответить сейчас.

Игрушку? Это он о той бабе, которая прыгала на Вите? Стоп! Витька сказал, что Макс оказал ему услугу... Какую? Она связана со мной?

«Нет, Лизка, — уговариваю я себя, — не открывай глаза! Притворись, что ты без сознания, может, он уйдет». Но глаза против воли резко распахиваются сами. Так и есть. Это он. Мой кошмар, мой страх, мой единственный и до сих пор любимый человек — Максим Старов...

Он, не отрывая от меня злого взгляда серых глаз, с силой ударил мужа ногой в живот. Виктор заскулил, как раненая собака. «Так ему и надо!» — пронеслось в моей голове. Сегодня был первый случай, когда муж поднял на меня руку. Это было дико для меня. И больно. Хотя я понимала, что это неправильно, все равно была рада, что супруг тоже получил свою порцию.

— Итак, — Максим присел на корточки, схватил Витю за волосы и задрал его голову, чтобы смотреть ему в глаза, — ты испортил внешний вид моей вещи, распустил руки...

Вещи? До меня смутно стало доходить, что речь идет обо мне. Господи, да что происходит? А Макс заносит руку для нового удара.

— Нет! Остановись, ты его убьешь! — сама не знаю, как эти слова вырвались из моей груди.

Становиться свидетельницей жестокой расправы я не хотела. Максим окинул меня взглядом полным ненависти и презрения. Не выпуская из руки голову Вити, он зашипел от нескрываемой злости:

— Не убивать? Жалко стало? А когда он тебя чуть по стенке не размазал, тебе было его жалко? А когда он бабу в вашей постели трахал, ты пожалела его? Или, может, тебе было его жалко, когда он проиграл тебя в карты как вещь?

Тирада, которую Макс обрушил на меня, больно ударила по натянутым нервам. Но последняя фраза вызвала у меня смех.

— Проиграл в карты? — я улыбнулась. — Что за бред ты несешь, Старов?

— Я тебе хоть когда-нибудь врал? — лед в каждом его слове.

Улыбка сползла с моего лица. Лучше бы он меня кулаком ударил, чем этими словами.

— Нет, — ответила глухо.

— Твой муж — игрок, Лиза, — на его лице появляется злая улыбка, — игрок, которому постоянно не везет, но он все равно играет. Видишь ли, в последний раз у него не хватило средств, чтобы расплатиться с долгами. Он расплатился тобой.

— Этого не может быть, — этот нелепый фарс не укладывался в голове.

Старов с силой дернул мужа за волосы, отчего тот застонал.

— Говори, Витек, — произнес он с издевкой, — правда это или ложь.

— Правда, — почти выплюнул это слово мой супруг. — Ты теперь принадлежишь ему.

От услышанного по моей спине побежал холодный пот. Это дикость! Мы в двадцать первом веке живем, люди! У нас демократия и свобода личности! Я не вещь, чтобы меня проигрывать. С трудом встала на ноги. Голова кружилась. В глазах замелькали мушки. К горлу подкатила тошнота. Сжала посильней зубы и направилась к выходу. В этом цирке я находиться не собираюсь.

— Уходишь, не жаль его? — очередная издевка слетела с губ Макса.

— Мне плевать, делайте, что хотите, я в этом не собираюсь участвовать.

Я обошла мужчин и подошла к открытой двери.

— Что ж, Витек, как видишь, твоя жена отказалась отрабатывать твой долг. Придется тебе самому расплатиться со мной.

А дальше я услышала звук снимающего с предохранителя пистолета...

Глава 2. Максим

Скачано с сайта knigomania.org

Я всегда ношу с собой оружие... Нет, не так. Последние восемь лет я ношу с собой пистолет. И хотя я не использовал его ни разу по назначению, с ним мне спокойнее. Он дает ощущение безопасности. Почему? За два года, которые провел в Чечне, я не то что привык к оружию, я с ним сросся. Потому что там цена твоей жизни — это стоимость патрона, который бешеный кавказец выпустил в тебя, то есть копейки. Единственная возможность хоть как-то продлить себе жизнь — не выпускать оружие, а еще срастись с бронежилетом и каской. Правда, и это не всегда помогало... Я столько раз смотрел в глаза смерти, столько раз думал, что все, конец, но судьба вырывала меня из костлявых рук. Только не понимаю до сих пор, для чего она это делала? Почему не давала умереть? Я ведь сознательно искал смерти после предательства Лизы. Но, видимо, Богу видней.

Не хотел сегодня приходить сюда. Слишком много воспоминаний связано с этой квартирой. Слишком больно понимать, что здесь, в этом месте, где между мной и ней столько всего произошло, она теперь живет с ним. Радуется, смеется, готовит ему еду, спит с ним... Но внутренние демоны жаждали исполнения мести все сильнее, с той самой минуты, как закончилась игра. И теперь понимаю — поступил правильно. Не пришел бы сегодня, этот урод убил бы ее.

Всегда презирал мужчин, которые бьют женщин. Эти недоделки не могут называться даже мужиками. Они никто. Поднять руку на женщину низко, подло. Он заведомо понимает, что соперник не даст ему отпор, и пользуется этим. Повышает свою самооценку, эго, унижая и принося боль другому. Ненавижу таких козлов.

Я всегда знал, что Витек с червоточиной внутри, поэтому никогда ему не доверял. Другом называл, но близко к себе не подпускал. Как оказалось — не зря.

Увидел, как он ее бьет, и думал, не сдержусь. Думал, убью эту тварь сразу, на месте. Никто не смеет бить Лизу! Как бы я ее ненавидел, как бы не желал унижить — бить не позволю ни себе, ни другому. Ударил Витька пару раз, спуская злость немного, но понимал, что он еще ответит за свой поступок. Мы с ним потом поговорим «по-мужски».

В мои планы не входило его убивать. Да и зачем вешать на себя труп. Блефовал, но она повелась. Как только сказал, что убью его, Лиза

остановилась. Повернулась и внимательно посмотрела на меня. Я ждал в ее взгляде чего угодно, но не того, что увидел в ее прекрасных карих глазах. Обреченность, безразличие, боль... Ни грамма злости, ненависти... Почему?

— Не трогай его... — проговорила она тихо. — Я отработаю долг.

— Я не сомневался, — нарочно напускаю в голос сарказм или нет? — Ты же ради своего лю-би-мо-го в лепешку расшибешься?

Она ничего не ответила. Просто посмотрела на меня все тем же взглядом. А мне почему-то противно стало от самого себя...

— Мы потом с тобой договорим, Витек.

Встал и собирался выйти, но не смог себя сдержать — ударил его ногой в живот.

— Не думай сбежать, падаль, я тебя везде найду.

Тот завыл и сжался на полу. Подошел к Лизе, схватил за локоть. Она на меня и не взглянула. Ее взгляд устремлен на корчащегося на полу Витька.

— Собери свои вещи, чтобы завтра тебя здесь уже не было, — сказала ему безэмоционально. — Ключи отдашь соседке.

А потом ее ноги подкосились, и она начала падать. Я поймал ее тело почти у самого пола. Она посмотрела на меня затуманенным взглядом.

— За что мне это все? — слетело с губ Лизы, а потом потеряла сознание.

Даже не стал раздумывать, что делать. Быстро отнес ее в свою машину. Хорошо, что я сегодня без охраны. Лишние глаза мне сейчас не нужны. Никто не должен видеть, как жестокий, бесчувственный Старов Максим по прозвищу — Старый бережно и аккуратно несет женщину в машину. Как потихоньку укладывает ее на сиденье. Как неотрывно смотрит на ее лицо.

Черт! Я знал, что находиться с ней будет тяжело, но не думал, что настолько. Я все эти годы неотрывно следил за ней. Сколько раз я шел за ней в темноте, когда она бежала домой с работы. Бесчисленное количество раз караулил ее у подъезда, чтобы

поговорить с ней, но ни разу не смог выйти из машины. Потому что знал — стоит мне увидеть Лизу, и я либо все прощу, либо убью прямо на месте, вырвав голыми руками ее черное сердце.

Но это не все. Когда мне становилось совсем плохо, когда демоны прошлого одолевали меня окончательно, и я заливал себя под завязку алкоголем — я ехал к ее дому и, как придурок, смотрел на окна квартиры, в котором мой бывший друг трахал мою бывшую девушку. Тварь! Как я ее ненавижу, гадина!

Отрываю взгляд от дороги и смотрю на нее. На щеке Лизы наливается синяк. Сильно же он ее приложил. Бросил быстрый взгляд на дорогу и снова возвратился к ней. Почти не изменилась... Густые светло-русые волосы коротко отстрижены, а раньше ее косе завидовали все девчонки в школе. На лице ни грамма косметики, а она ей и не нужна. У Лизы от природы густые брови идеальной формы, прекрасные карие глаза, чуть припухлые алые губы... Такая же худенькая, как и раньше, пока нес до машины — даже не устал. Тростинка... Пальцы потянулись к ее лицу. Нет. Отдернул руку. Нельзя поддаваться. Я должен ее наказать. Сжал обеими руками руль, взглядом впился в дорогу. Сосредоточенность позволила быстро добраться до больницы. Я прекрасно понимал, что поездка к медикам вызовет вопросы, но, когда ты сын самого богатого человека в городе, да и при этом мэра, вопросов не будет. Ну и мои связи открывали мне везде зеленый свет. К тому же был у меня в больнице свой человечек, который всегда поможет.

С Васькой Климкиным мы познакомились, когда я вернулся из армии. Пережитое в Чечне не отпускало, наваливаясь каждую ночь, как липкая черная жижа, пытающаяся утащить меня на дно. Чтобы хоть немного забыться, я пил. Но в пьяном угаре не соображал, что делал. В один раз я вышел во двор из окна второго этажа. Чудом не переломал ноги — падение смягчил снег. Но порезы и сломанную руку заработал. Васька меня «заштопал», а попутно узнал, что меня толкнуло на этот подвиг.

Так он и стал моим «мозгоправом». То, что не удавалось сделать высококвалифицированным психологам, смог исправить обычный травматолог местной больницы. Он не просто помог мне пережить прошлое, он заставил меня жить настоящим. Но, когда мне становится снова плохо, я иду к нему. Друг мне никогда не отказывает. Я знал, что он сегодня на дежурстве, поэтому позвонил

ему и предупредил о приезде. Васька ждал нас на улице, дымя сигаретой.

— Привет, что там у тебя стряслось? Опять решил прошлое вспомнить? — спросил он, внимательно наблюдая за мной.

— Привет! Нет, сотрясение мозга.

— Для такого диагноза ты выглядишь бодро.

— Не у меня, — я открыл дверцу машины и показал ему Лизу. — У нее.

— Это та девушка? — Васька все знал о Лизе, я ему рассказывал.

— Да, — подтвердил я. — Ее несколько раз ударили головой о стену. Она в обморок потом упала.

— Я, конечно, знаю, что тебе срывает порой крышу, и ты кидаешься в драку, но чтобы женщину так избить... ты полный придурок, Старый, — в голосе Климкина осуждение.

— Что? — теряю я на время дар речи. — Ты подумал, что это я ее?

— Конечно, ты одержим жаждой мести к ней, это очевидное.

— Это ты придурок! — не выдержал я. — Ее муж избил, я ее спас.

— Понятно, извини, — сконфуженно произнес он.

— Ладно, — ему можно со мной так разговаривать. — Поможешь?

— Помогу, что с тобой делать. Оставляй ее до утра, завтра позвоню, расскажу, что да как.

— Хорошо.

Васька погрузил Лизу на каталку, позвал медработников, и они увезли ее в здание больницы. Я еще некоторое время топтался на улице, не спеша куря сигарету. А ведь он прав. Я не просто мог ударить Лизу, я жажду ее убить. И что меня до сих пор сдерживает — сам не знаю. Мысли прервал звонок мобильного. Отец. Только его сейчас не хватало.

— Слушаю, — ответил как можно грубее.

— Где тебя носит? — в его голосе грубости не меньше, чем в моем.

— Алиса до тебя не может дозвониться. Ты должен быть с ней сегодня на приеме у Духовых.

— Моя жена не может до меня дозвониться, поэтому мой папочка любезно помогает ей? — просто изливаюсь цинизмом я.

— Прекрати паясничать! Ты не пацан! Не заставляй меня применять грубую силу.

Ох, как будто я этого боюсь! Молча отключился, не собираясь продолжать разговор. На моем мобильном нет ни одного пропущенного от жены, значит, эта сука наврала моему отцу, чтобы он надавил на меня. Внутри поднимается волна злости. Что ж надо срочно провести воспитательную беседу с моей зарвавшейся женушкой. А завтра я заберу Лизу из больницы. Настанет ее очередь отвечать за свои поступки.

Глава 3. Лиза

Приходить в себя было тяжело. Нет, точнее возвращаться в реальность совсем не хотелось. Если бы сейчас кто-то предложил мне остаться в коме всю сознательную жизнь — я бы, не задумываясь, согласилась. Плевать, что мое брренное тело будет лежать подключенным к куче аппаратов, а еду станут вливать через трубку — все это не важно. Я пыталась умереть, пыталась уйти из этого гнилого мира к моему малышу, но не дали, заставляли вновь и вновь жить. Влачить жалкое существование. Да и самоубийство не выход. Предрассудки (а может, истинная правда), привитые в нас с детства, говорят, что самоубийцам нет входа в царство Божье... Наивная, до сих пор верю, что после смерти смогу увидеть своего мальчика... На мне столько грязи, меня к нему ни за что не подпустят. А он там, у Господа под крылышком...

Из глаз потекли слезы. Соленая влага побежала по щекам, оставляя мокрые следы... Попыталась открыть глаза.

— Первый раз вижу, чтобы пациент начинал плакать, а потом открывал глаза, — мужской голос рядом заставил сфокусировать взгляд. — Доброе утро, Лиза, рад, что вы пришли в себя.

На меня смотрел мужчина примерно сорока лет одетый в белый халат. Доктор? Где я? В больнице? В голове пронесся ворох вопросов. Словно чувствуя их, мужчина продолжил:

— Вчера вас привезли в местную больницу с сотрясением мозга. Мы провели осмотр. С вами все хорошо, но ближайшие дни вам нужен

покой и отдых.

— Как я сюда попала? — спросила сиплым голосом.

— Вас привез Максим, — ответил, внимательно за мной наблюдая.

Максим... Он его знает и, видимо, хорошо. Тут в голове вспыхнул вчерашний вечер... Витя, измена, побои, карточный долг, мое согласие... Резко стало нечем дышать. Попыталась сесть на кровати, но тут же упала обратно на матрас. Перед глазами все поплыло, а к горлу подступила тошнота. Врач бросился ко мне.

— Лиза, успокойтесь, вам сейчас лучше не делать резких движений. Просто лежите и отдыхайте. Хорошо?

— Хорошо, — согласилась я с ним и замолкла, отворачивая голову к стене.

Он некоторое время еще стоял рядом, а потом вышел. А я погрузилась в свой мир, полный боли и мучений, мир, имя которому Максим Старов....

Я знала, что рано или поздно он придет ко мне. Максим всю жизнь был упертым. Если что-то решил — по головам мог идти. Плевал на принципы, моральные устои. Все эти годы я ждала... Хотя... сначала ждала. Даже встретиться с ним пыталась. Хотела его увидеть, поговорить, но он был не досягаем. Потом смирилась и принялась ждать его. В каждом шорохе, в каждой тени за спиной видела его. Понимала, что брошенные им в тот день угрозы рано или поздно будут исполнены.

В некоторых странах человека приговаривают к смертной казни, но приводят приговор в исполнение не сразу. Приговоренный может несколько лет ждать своего момента, а потом неожиданно раз — и все. Пока он дождетсЯ своего часа, просто сойдет с ума, а может, сам наложит на себя руки.

Помереть мне не дали, от сумасшествия тоже лечили, так что оставалось тупо ждать часа икс. И вот он наступил. Мой палач пришел ко мне — выносить свой вердикт.

Я не верю, что Витя специально поставил меня на кон, Максим определенно его вынудил — это особая извращенная форма мести. Был ли у меня выбор отказаться? Конечно, был, но быть повинной в смерти еще одного человека я не готова морально. А платить мне все равно пришлось бы. Максим еще тогда решил — во всем виновата

я...

Слабость в теле, лекарство в крови заставили меня снова погрузиться в сон.

Вынырнула из него от звуков разговора. Прислушалась. За дверью Максим и тот доктор.

— Как она? — спрашивает Старов.

— Лучше, но ей бы пару дней в стационаре полежать... — говорит медленно доктор.

— Нет, я сейчас ее заберу. Отвезу за город, там в себя придет, — четко проговаривает Макс.

— Старый, — а доктор его очень хорошо знает, — что бы ты ни задумал, это не решение. Мы говорили с тобой об этом много раз — отпусти прошлое, живи настоящим. У тебя семья: жена, ребенок, стабильное будущее. Зачем она тебе?

— Ты знаешь прекрасно, у меня не жизнь, а искалеченное отражение. И это все из-за нее. Я должен с ней расплатиться за прошлое.

— Это ничего не исправит, — не унимается доктор.

— Зато меня сделает счастливым, — жестко произносит Старов.

Дверь в мою палату резко открылась. Сталь во взгляде Максима буквально разрезает меня на кусочки. Я смотрю на него, а вижу другое — жить мне осталось совсем немного. И в голове его слова из прошлого: «Ты сдохнешь, сука, в муках сдохнешь за моего умершего сына».

Глава 4. Максим

Я зол. Со вчерашнего дня злость во мне не угасает. Она с каждой минутой полыхает все сильнее и сильнее. После того, как оставил Лизу в больнице, поехал домой. Понимал, что разговора с отцом не избежать. Это для других он принципиальный и честный политик, образцовый семьянин, отзывчивый человек, но я знаю его истинное лицо. И оно, отнюдь, не так бело. Он не руководит нашим городом, а правит им. В его руках вся власть, ему подчиняются все. Отцу даже деньги из казны воровать не надо — половина криминальных доходов и так идет ему, потому что всей этой грязью занимаюсь я.

Да, да! Я всегда был бельмом на его глазу, всю жизнь шел поперек его слова. А теперь прикрываю его зад по всем фронтам. Нашлась работа для неблагодарного сына.

Моя ненависть шла из детства, когда он пытался воспитать меня по своему образу и подобию. А я был заражен максимализмом дяди, который вместо военного училища поступил на актерский факультет и всю жизнь провел в труппах районных театров. Эта была не жизнь, а скитания, но в его глазах всегда горело счастье от того, что он делает родное ему занятие.

А еще я отвернулся от отца после того, как застукал его в кабинете с нашей няней. Образ сильного и преданного отца вмиг померк перед глазами. Теперь каждым своим поступком я старался сделать ему больно. Отчасти это выходило. И, хотя отец часто наказывал меня, я был ему благодарен — он вытащил меня из ада, в который я загнал себя после армии, предательства Лизы и смерти сына. По его настоянию я женился на Алиске, у нас родился Ванька. Пусть я не люблю жену, но сын для меня святое. За это я и прикрывал отца.

Разговор между нами как всегда был не из приятных. Его очередное поучение о том, что семья — это святое, нужно учитывать мнение других, вывели меня из себя.

— Я смотрю, ты учитывал наше мнение, когда трх***л няню в своем кабинете?! — плевал я ему в лицо. — Или учитываешь мнение мамы, когда отдыхаешь в сауне с проститутками из моего клуба?

— Заткнись, щенок! — взревел отец. — Не тебе мне указывать, что делать.

— Конечно, папочка, ты же у нас здесь начальник, мэр, — издевательски произнес я, — а я так, шавка на побегушках.

Он буравит меня взглядом. Убил бы, да нельзя.

— Значит, так, — сказал он, — в выходные улетаешь с семьей на отдых. Это не обсуждается.

— А почему не завтра, сейчас? Почему ты опять все решаешь за меня? — внутри все кипит от гнева.

— Потому что дома надо чаще бывать, тогда будешь сам решать, — отчеканил он.

— Извини, времени мало. Дела твои незаконные проворачиваю, —

опять нарываюсь я. — Зачем отдых? Мы только месяц назад отдыхали.

— Затем, — он начал говорить спокойнее, — что я скоро снова стану дедом, а ты отцом.

— Что?

— Ты все прекрасно слышал.

Отцом... Я обожаю детей, готов со своим ребенком часами сидеть. Когда Алиска Ваньку родила, я сам его кормил и подгузники менял. Кто бы увидел — с ума сошел. Меня все знают как злого, безбашенного мерзавца, а тут такое. Но почему-то внутри грызет какой-то червяк сомнения... Почему я узнаю об этом не от жены, а от своего отца?

Разговор с Алисой не клеился с самого начала... Она полностью ушла в счастливое ожидание будущего малыша... Не могу слушать ее розовые сопли. Собрался и поехал в клуб. Плевал я на все эти приемы.

Привычно разруливал дела. Думал о ребенке... Но мысли улетали в другое место... К Лизе.

Интересно, не уйди я тогда в армию, родился бы наш малыш? А может, у нас были бы еще дети? Внутри разлилась горечь, растекаясь по венам и поджигая чуть утихнувший костер. Мать твою! Одной мысли об этой суке достаточно, чтобы вывести меня из себя.

Спустился в бар и выпил. Напился до беспамятства. Подцепил какую-то девицу и повел в кабинет. Я не интересовался ее мнением, мне плевать на то, кто она, как зовут. Мне нужно выпустить пар. Беру ее прямо на своем рабочем столе, но не вижу лица девушки, вместо нее перед моими глазами стоит Лиза... будь она проклята...

Сегодняшнее утро началось с жуткой головной боли и истеричных криков Алиски. Ну почему Бог наделил некоторых женщин таким громким голосом и полным отсутствием мозгов? Неужели она не понимает своими куриными мозгами, что мне сейчас определенно не до ее истерики. Не понимает, орет дальше:

— Старов, ты обнаглел в корень! Тебе плевать на нашу семью: меня, детей. Есть только ты и твои шлюхи! Я устала! Я все расскажу твоему отцу, пусть он предпринимает мер...

Договорить она не успела, моя рука сжалась вокруг ее горла.

Голубенькие глазки Алисы мигом наполнились страхом. Она открывала рот, чтобы схватить воздух, но только смешно хлопала накаченными губами.

— Милая, — говорю ей так, что она даже перестает пытаться вдохнуть воздух, — если ты еще раз, запомни, еще один только раз посмеешь открыть свой красивый ротик и пожаловаться отцу, я сделаю так, что ты больше никогда не согласишься на мир своими очаровательными глазками.

Она хлопает наращенными ресницами, из ее глаз текут слезы. Ослабеваю хватку на горле, давая ей возможность вдохнуть хоть немного кислорода.

— Я мать твоего ребенка, — сипло говорит она, — и жду от тебя еще одного.

— Правда? — с издевкой произнес я. — Как же хорошо, что ты нормально мне это сказала только сейчас. Из вчерашнего твоего бреда я понял только одно — нужно очень много денег для нашего будущего малыша. А вот моему папочке ты почему-то не замедлила сказать о беременности. Или ты забыла, что мы семья?

На лице Алисы появилась растерянность. Она усиленно пыталась придумать, что мне сказать.

— Я думала, он заставит тебя одуматься и вернуться ко мне, — наконец выдала она.

Из моей груди вырвался смех. Я начал смеяться. Отпустил ее. Алиса попятилась от меня.

— Вернуться к тебе? Я тебя умоляю! Ты прекрасно с самого начала знала — нет никаких мы, есть я, ты и мои деньги.

— Я люблю тебя! — завопила она.

— Ложь! — начинаю звереть. — Ты любишь только мой счет с кучей денег на нем и все!

— Я родила тебе ребенка!

— Гарантию твоего благополучия! Меньше рассказывай своим милым подругам о том, как выгодно вышла замуж. У них очень сильно развязывается язык, когда я их имею.

— Ненавижу тебя! — завизжала она. — Ублюдок! Ты мне всю жизнь

сломал!

— Прекрасно! — моя злость достигла предела. — Так я освобожу тебя от своего присутствия в твоей жизни. Развод сейчас дело быстрое.

Она моментально побледнела и кинулась мне на грудь.

— Максимка, миленький, прости меня, прости. Это все гормоны. Ты же понимаешь, — молила она меня, — я не специально. Я больше ничего не скажу твоему отцу, умоляю, прости меня.

Оттолкнул ее от себя — надоела эта постоянная фальшь. Но понимаю, что выбора нет. У нас сын растет, скоро еще малыш появится, не могу лишиться детей матери.

— Я тебя предупредил — еще раз пожалуешься на меня отцу, отберу детей и выгоню на улицу голой.

Она затрясла головой, как китайский болванчик, соглашаясь с моими словами. Отвернулся от нее и направился в ванну. Холодная вода принесла мнимое облегчение ненадолго. Но, видимо, сегодня высшие силы решили вывести меня из себя. В гостиной мой пятилетний сын строил замок из нового конструктора. Я помог ему в строительстве.

— Завтра мы с тобой, Вань, в бассейн едем, — сказал я ему между делом.

— Не-е, пап, я завтра с дедом поеду... по делам, — с гордостью заявил мой сын.

— Каким?

— Садик открывать, мне разрешат ленточку перерезать, деда сказал.

Внутри все скрежет от злости. Бл***ь, я же просил его не трогать мою семью. Я не желаю, чтобы мой ребенок с детства был у всех на виду. Чтобы с детства был приучен к всеобщему вниманию и обожанию.

— Понятно, — со скрипом произнес я.

Доведенный до предела, я поехал в больницу. Хорошо, что еще не встретил сегодня отца, иначе бы точно съездил ему по морде.

По дороге успел немного успокоиться, но Васька меня снова завел, доброжелатель херов. Заступиться он за нее решил! Ух!

Захожу в ее палату. Лежит. Смотрит на меня, но взгляд мутный, как будто куда-то в прошлое смотрит. Что, милая, вспомнила свои грехи? Правильно, пришло время за них отвечать. Подошел к ней ближе, посмотрел в упор.

— Сейчас быстро оденешься и поедешь со мной, — отдал ей указание, — поняла?

Лиза только кивнула.

— Макс, — вклинился Васька, — я бы не советовал...

— А я бы не советовал мне мешать, — оборвал я его. — Напиши все медицинские предназначения на листке.

— Хорошо, — он не спорит, знает меня прекрасно, — только мне ей укол надо сделать еще один.

— Делай, в коридоре подожду.

Сперва хотел в палате остаться, но понял — увижу, как она переодевается, и сорвусь... Да бл**ь, я до сих пор ее хочу! Так хочу, что зубы от похоти сводит, а член колом встает от одного воспоминания о ее теле. Жду, пока она соберется, а сам минуты считаю, почему так долго? Наконец, она выходит. Бледная, с синяками под глазами, смотрит на меня и начинает падать. А я снова ее ловлю.

— Она не сможет дойти до машины, я тебе говорил, — пояснил друг.

— Донесу, — огрызнулся я. — Все написал? Клади мне в карман.

Он послушно запихнул листок в мой карман. Я попрощался с ним и понес Лизу в машину. Она молчала. Только руками меня за шею обхватила. Но не прижималась, как будто старалась сохранить дистанцию. А мне в нос ее запах ударил. Дьявол! Она меня одним своим ароматом убивает. Рушит все стены из возведенной мной ненависти.

На автомате усадил ее в машину на заднее сидение, рядом с собой не выдержу, сорвусь. Устремил все внимание на дорогу, чтобы хоть как-то отвлечься.

Я с самого начала знал, куда отвезу Лизу. Это место за городом я присмотрел еще давно, когда мы с ней вместе были. Думал построить нам дом здесь. Не вышло... Но дом все равно построил. Приезжал сюда, когда совсем туго становилось, когда мысли о ней на куски

рвали, и пытался избавиться от наваждения...

Пока мы ехали, она уснула. Бережно, чтобы не разбудить, взял ее на руки и занес в дом. В комнате аккуратно раздел до белья. Меня уже ощутимо потряхивало.

Стоп, Макс, стоп! Ты поклялся, жизнью поклялся, что больше не притронешься к ней, не позволишь плотским желаниям взять верх над разумом. Не могу бороться... Рука сама потянулась к ней. Коснулся волос... Провел пальцами по плечу, груди, животу... Тростинка, моя тростинка... Взгляд упал на ее губы... накинусь на них... целую ее, а сам на куски душу свою рву. Не могу! Не могу я без нее! Господи, помоги!

Внизу послышался стук закрываемой двери. Просто отскочил от Лизы. Если сейчас не уйду, то все, что я задумал с ней совершить, не произойдет. Прахом рассыплется, потому что я ей все прощу, только чтобы моей снова была... все прощу... даже смерть нашего малыша...

Глава 5. Лиза

Скачано с сайта knigomania.org

Я не ведала, что решил Максим. В чем заключается «отработка» долга мне тоже не известно. Пять дней назад я пришла в себя в одной из комнат загородного дома. Тот доктор, когда Максим вышел, сделал мне укол снотворного, которое и заставило меня уснуть в машине. Я ему за это благодарна.

За эти дни Максим не появился ни разу. Но это не означало, что он привез меня и забыл. За моим здоровьем следила Нина Григорьевна — женщине было шестьдесят лет, но она умело делала уколы, а еще прекрасно готовила и следила за домом. Со мной она была немногословна. Да и я не особо шла на контакт. Меня вдруг охватила какая-то апатия, накрыло чувством неизбежного. Ничего не интересовало, будущее стало безразлично.

Сегодня мне удалось нормально, без тошноты и головокружения, встать. Привела себя в человеческий вид (моя одежда чудом оказалась в этом доме), позавтракала. И теперь, удобно усевшись в большое кресло, смотрела в окно. В голове мысли текли тихой неспешной рекой, унося к истокам моей жизни...

В детстве мы все верим в сказки, ждем чуда. Вырастая, мы теряем эту веру. У кого-то она теряется постепенно, растворяясь в реалиях жизни, а у кого-то эта вера разбивается как хрустальная ваза, обдавая вас осколками разбитых надежд. Для меня чудеса закончились в день смерти моих родителей. Молодые, полные жизни, они ушли из этого мира быстро — в их машину на полной скорости влетел бензовоз. Водителю бензовоза чудом удалось спастись, а вот мои папа и мама умерли мгновенно. Потом, как бы страшно не звучало, я буду завидовать их мгновенной смерти.

А в тот день для маленькой десятилетней девочки мир из цветного и прекрасного превратился в черный и злой.

Жалость... Ненавижу это чувство. Меня все жалели, а я озлобленным волчонком хотела на них кинуться. Жалость разъедает людей, она превращает их в наркоманов: они выделены из основной массы человеческого потока, на них постоянно обращают внимание, говорят про них — это становится зависимостью для некоторых. Вот я какой, пожалейте меня! Но для некоторых жалость становится стимулом жить дальше, бороться с ней и с миром.

Многое ли может ребенок? Многое! Обиженная на несправедливый мир, я решила, что вырасту и стану судьей. Это решение пришло ко мне после суда, на котором решали меру наказания для водителя бензовоза. В зале было много народу — такой резонансный случай. Многие шептались. Краем уха до меня долетали их голоса. Вот тогда-то я услышала фамилию — Старовы. Виновнику аварии, в которой погибли мои родители, дали три года условно! У него, как оказалось, были «влиятельные» родственники. Но когда зачитывали приговор, судья сказал о хороших характеристиках виновного и о детях, находящихся на его иждивение. Бабушка на суде плакала. А я в упор смотрела на человека, который убил моих родителей, и понимала — нет предела ненависти в сердце человека.

С того дня я шла к своей цели. С головой ушла в учебу. Бабуля думала, что так я пытаюсь уйти от горечи потери, отчасти она была права. Школа, в которой я училась, была самой обычной. Я уговорила бабушку перевести меня в гимназию. Мотивировала это тем, что хочу получить больше знаний. Бабуля согласилась.

Первое сентября для меня, восьмиклассницы, прошло в стенах новой

школы. Сначала было тяжело: новые учителя, углубленное преподавание, новые одноклассники. Многие из очень богатых семей. Для подростка не быть принятым сверстниками очень сложно. Меня встретили прохладно. Особо не трогали, но и радости не было. Не обращала внимания. Последние четыре года я была одиночкой. Из класса я хорошо общалась только с Витькой Левшиным. Мы с ним за одной партой сидели. Но все изменилось в один день.

С самого начала я знала, что в моем классе учится Максим Старов. В городе только у одной семьи была такая фамилия. И семья эта была очень богатой и влиятельной. Сопоставить факты оказалось несложно — он один из тех, кто причастен к несправедливости в моей жизни. Я заранее его возненавидела.

Максим отсутствовал весь первый месяц обучения — отдыхал в каком-то лагере.

В тот день я привычно сидела перед началом уроков и повторяла домашнее задание по литературе. Вити до сих пор не было, поэтому за партой я была одна. Ребята обсуждали какой-то фильм, девчонки трепались о вещах. Неожиданно в классе стало тихо, а потом раздались радостные голоса:

— Старый, привет! Ну, наконец-то! Мы тебя уже не ждали!

Девчонки вообще визжали от радости. Заинтересованная причиной их веселья я оторвалась от учебника и подняла голову. Встретилась с заинтересованным взглядом серых глаз и... утонула в них. Я добровольно привязала к своей шее веревку и прыгнула в глубокий омут. Он смотрел на меня, не отрываясь. Нагло изучал. А я усилием воли отвела глаза и уставилась в учебник. Уже не понимая, что читаю.

Я слышала, как ему поспешно объяснили, кто я такая, добавляя при этом нелестные эпитеты в мой адрес. Мне было без разницы. На страницах учебника я видела только серые омуты его глаз.

Соседний стул за моей партой отодвинули. Подняла взгляд. Старов спокойно занял место рядом со мной.

— Вообще-то я сижу не одна! — возмутилась я.

— Да, ты сидишь не одна — теперь ты сидишь только со мной! — в его голосе уже тогда было столько власти. — И злить меня не советую, тростинка.

Надо ли говорить, что с того самого дня я всегда сидела только с ним за одной партой.

Воспоминания прервались шумом подъезжающей машины. Я встала и выглянула в окно. Максим приехал. Опустилась снова в кресло. Он появился в комнате через несколько минут. Медленно подошел к креслу. Я сделала глубокий вдох, легкие обжег его запах. Острые древесные нотки дорогого парфюма, усиленные морозом. Внутри все сжалось от боли. Мой мужчина! Так пах всегда мой мужчина!

Максим присел рядом со мной на корточки и смотрит в упор. Какой же он красивый! Пальцы на руках начало покалывать от желания прикоснуться к нему. Разбуженные воспоминаниями чувства разрывали меня... Я поддалась желанию и коснулась пальцами его щеки. Он удивился, по глазам видно. Макс закрыл их на несколько секунд. Его дыхание остановилось. Сама перестала дышать. Водила по его лицу пальцами, впитывая в себя его тепло... Родной, любимый когда-то... предавший, отказавшийся от меня... быстро отдернула руку и вжалась в кресло.

Моя резкая перемена не осталась незамеченной. Максим тоже изменился. Как ежик, выпустил иголки.

— Поправилась? — бросил он грубо и, не дожидаясь моего ответа, продолжил. — Прекрасно! Пора начинать отработку.

Его взгляд изучал мое тело. А на мне только короткий домашний халат одет — в доме тепло.

— Я не буду с тобой спать, — огрызнулась я.

Он недолго смотрел на меня, а потом громко смеялся. Его веселье росло с каждой минутой, а мне почему-то хотелось еще сильнее в кресло вжаться.

— Спать? — произнес он с таким льдом в голосе, что я поежилась от мнимого холода. — Неужели ты думаешь, что мне нужно твоё тело? Нет, милая моя, я больше никогда не притронусь к тебе! Запомни это. Я не подбираю объедки!

Он не бил меня физически, но морально ударил так больно, что дышать стало сложно.

— Если хочешь расплатиться своим телом, — продолжал он

издеваться, — я могу это устроить — у меня есть пара знакомых, которые не прочь развлечься с проституткой.

Я молчала, глотая обиду. Знаю, он зол, в таком состоянии его лучше не трогать.

— Но я более милостив. Отработаешь мне другим способом — с сегодняшнего дня ты новая няня моего сына. Принимайся за свои обязанности.

Глава 6. Максим

Я не этого хотел для нее. Она должна была по-другому отрабатывать наказание. Жаждал унижить Лизу, сломать. Думал, привезу ее в клуб, заставлю раздеваться перед толстыми, обнаглевшими от шальных денег, мужиками, которые будут лапать ее своими сальными пальцами. Однако судьба распорядилась иначе.

Сразу после того, как я привез Лизу в дом, мне пришлось вылететь с семьей на отдых. Как я не хотел! Но спорить с отцом не стал. Да и Алиску не хотел расстраивать — беременная же. Но отдых не шел. Я постоянно был на взводе. Всем своим естеством рвался домой. Понимал, что это безумие, но мне просто необходимо было, чтобы Лиза находилась рядом. Я жаждал ее!

Прошло пять дней, но я не замечал окружающего мира. Пока в один из вечеров не пришел в комнату к сыну, которую он занимал со своей няней. Ванька сидел на полу и спокойно катал машинки.

— Вань, а ты чего один? — спросил я, присаживаясь рядом с сыном.

— Где Люся?

— Мы с ней играем в разведчиков, — важно ответил ребенок.

— Это как? — не поминал я.

— Ну она ушла на разведку, а я сижу и штаб охраняю. Вот так, пап!

— И куда на разведку ушла тетя?

— Не знаю, но она с собой маму хотела взять. Она скоро придет и принесет мне награду.

Сын весь засиял. А у меня внутри засвистел чайник, наполненный кипящей злостью. Взял Ваньку на руки.

— Мы с тобой тоже пойдем на разведку, хочешь?

— Очень! — возликовал ребенок.

Уверенно направился с сыном к себе в номер. За эти дни я бывал в нем только ночью, предпочитая проводить день вместе с сыном у бассейна, а вечера в баре — это помогало не думать о Лизе.

Ожидаемо застал Люсю в нашем с Алисой номере.

Я был категорически против того, чтобы лучшая подруга Алисы стала няней нашего ребенка. Но жена в слезы умоляла взять именно ее, мотивируя это тем, что своего ребенка она доверит только близкому человеку. Насела на меня тогда так, что я согласился. Люся работала няней уже четыре года, но без особого усердия. Я терпел. Она исправно пыталась залезть ко мне в койку, но я постоянно ее выкидывал оттуда — не хочу опускаться до уровня своего отца. Да, изменяю жене, но ее я сразу предупредил — верности не жди. А вот в своем доме разврат разводить не собираюсь.

Картина, представшая пред глазами, чуть не превратила меня в разъяренного зверя, останавливал только Ванька на моих руках. Алиса и Люся сидели на кровати и спокойно потягивали вино из бокалов, закусывая его конфетами и фруктами. Когда я открыл дверь, они заливисто смеялись над чем-то. Меня захлестнуло от злости. Ладно эта дура подруга пьет, хотя какое ладно... Она няня моего сына, должна исполнять в первую очередь свои прямые обязанности — следить за ребенком, а не хлебать вино. А вот что выделяет моя, к слову сказать, беременная жена? Или не беременная?

— Празднуете? — проговорил я тихо, но сам ощутил холод в своем голосе.

Они синхронно обернулись и посмотрели на меня. На лице Люси проскользнул испуг, но он быстро сменился наглостью и ехидством. Она с вызовом посмотрела на меня и сделала глоток из бокала, облизнув после этого свои пухлые губы.

А вот женушка моментально побелела. Она бросила быстрый взгляд на бокал, видимо соображая, куда бы его деть, чтобы я не заметил — никуда, я все прекрасно видел. Осознавая, что выхода нет, она опустила голову и молчала.

— У тебя час, чтобы собрать вещи, милая, — все так же спокойно обратился к жене. — А ты, — смотрю в наглые глаза Люси, — уволена. Добираться отсюда будешь сама, как сможешь.

— Что? — ее лицо вытянулось. — Ты псих! На какие деньги я полечу назад?!

На крики этой дуры не обратил внимания. Вышел и громко хлопнул дверью.

— Пап, а мы домой едем? — задал вопрос мой сын.

— Да, — ответил ему.

— Хорошо, — он улыбнулся, — мне жара надоела, я к бабушке хочу.

Желание сына вызвало смех. Мы спустились вниз. Попросил администратора забронировать нам билеты на ближайший рейс до дома. Он услужливо выполнил просьбу, подогретую купюрой.

— Па, а няня с нами не летит? — очередной вопрос от Ваньки.

— Нет. Она больше не твоя няня.

— Значит, она больше не будет запрещать мне шуметь и раскидывать игрушки? — не унимался сын.

— Нет, но шуметь правда нехорошо, как и разбрасывать везде игрушки, — поучал его я.

— Эх... а у меня будет новая няня?

Его вопрос поставил меня в тупик. Перед глазами всплыло лицо Лизы. Вот оно решение! Осенило меня.

— Будет, сын — у тебя скоро появится очень хорошая няня!

Я заранее понимал — для нее это будет тяжело: жить в моем доме, с моей семьей, и понимать, что она потеряла это все. Так за богатством гналась, а ничего не нажила. Пусть теперь локти кусает!

Но увидел ее бледную, с пустым взглядом, и чуть не раскололся от нахлынувших снова чувств. Моя, моя женщина!

Я ее когда в школе в первый день увидел, секунды стало достаточно, чтобы понять — вот та, которая станет моей судьбой. За ней хоть в ад, хоть в рай. Как в любовных романах пишут — истинная пара. Кроме нее никто не нужен был. Я ею дышал, жил!.. А Лизке это не нужно было...

Ее рука коснулась моей щеки... Думал сдохну от этой ласки. Столько

лет не чувствовать ее тепла, не вдыхать запаха любимой женщины, не касаться... А она руку отдернула. Брезгует! Вмиг загорелся. Смотрю на нее, а она дальше издевается.

— Я не буду с тобой спать, — огрызается.

Не смог себя сдержать. Прорвало. Она не брезгует, дура, боится! Думает, я ее заставлю отрабатывать должок через постель! Не-е-ет! У меня для тебя другое приготовлено.

— Но я более милостив. Отработаешь другим способом — с сегодняшнего дня ты новая няня моего сына. Принимайся за свои обязанности.

Лиза побледнела еще сильнее. Вжалась в кресло, закусил нижнюю губу. Закрыла глаза и перестала дышать. Ей больно... Кожей ощутил ее боль... И внутри стало паршиво... Мне от ее боли плохо. Меня скрутило. Бумеранг наказания, который я бросил в Лизу, прилетел ко мне и ударил в разы сильнее. Я нервно сглотнул, видя, как по ее щеке скатилась одинокая слеза... Я равнодушен к женским слезам, они не вызывают во мне ничего. Но только Лиза могла менять меня в один миг своими мокрыми дорожками на щеках.

Я сорвался. Бросился к ней и накрыл ее губы в диком, больном поцелуе. Он не Лизе нужен был, а мне! Чтобы хоть на минуту забыть, какая я сволочь, как ломаю ее. Целую, разрывая себя на куски... родные, самые желанные губы на свете... сколько раз я целовал их во сне, сколько раз пытался забыть, целуя других... не смог... не научился...

Лиза никак не отреагировала. Сидела как статуя... но постепенно чуть робко начала отвечать. Я углубил поцелуй, сплетая наши языки в безумном танце. Мне крышу сорвало. Как же я хочу ее. Здесь, прямо сейчас. И плевать на все. Я сдался... Рука проникла под халат. Коснулась упругой груди... Рычу от того, что нет сил ждать. Ее стон сорвал последние преграды...

— Папа, папа, ты где? — голос сына обухом ударил по голове, возвращая к реальности.

Резко оторвался от нее. Если задержусь еще хоть на секунду, не смогу справиться с собой. Глаза Лизы полны удивления. Она судорожно поправляла на себе халат, хватая при этом воздух, как рыба. Отвернулся от нее и оперся руками о подоконник окна. Мне нужно прийти в себя, у меня, мать твою, одуренный стояк. Вспомнил

армию. Тот ужас всегда помогал мне отрезвить немного нервы. Желание начало спадать, хотя эрекция не спешила уходить.

Повернулся и пошел на голос сына. Он стоял у двери соседней с Лизой комнаты. Той, которая должна была стать детской для наших с ней детей... символично...

— Я здесь, Вань, — ответил сыну.

— Ты в прятки играешь? — улыбнулся он.

— Почти, — подошел к нему и взял на руки.

— И я хочу! А зачем мы сюда приехали?

— Знакомиться с твоей новой няней.

Малыш посмотрел на меня недоверчиво. Ванька плохо реагирует на чужих людей. Но выбора нет. С ним на руках вернулся в комнату к Лизе. Она стояла у окна. По ее выпрямленной спине было видно — она нервничает и очень сильно.

— Это Лиза, — нарушаю я тишину, — твоя няня, Вань.

Лиза вздрогнула, словно мой голос оглушил ее. Но через пару секунд повернула к нам голову. На ее лице улыбка, она приветливо смотрит на меня и сына, и только глаза выдают правду — моя месть удалась: ей больно, очень больно. И мне от этого совершенно не радостно на душе, а гадко и мерзко от самого себя...

Я весь день проторчал в кабинете загородного дома. Несколько раз порывался уехать, но не решался оставлять Лизу наедине с Ванькой, хотя в доме была Нина Григорьевна, а на улице находилась охрана. И рядом с ней и сыном быть не мог... Трясло, как в лихорадке.

Все эти годы, следя за ней, я видел, что она так и не родила. Эта тварь ненавидит детей, они ей не нужны, убеждал я себя. Ее сердце не способно любить кого-то больше себя любимой. У нее напрочь отсутствует материнский инстинкт. Но, весь день наблюдая, как Лиза ладит с моим сыном, я понимал — все мои выстроенные мосты из убеждений и ненависти рушатся, осыпаясь гигантским камнепадом.

Ванька, который сначала с опаской на нее смотрел, уже через пару минут сидел у нее на руках и весело щебетал. На меня сын даже не обратил внимания. Смотреть на то, как Лиза держит моего ребенка на

руках, как внимательно его слушает, что-то говорит, объясняет, долго я не смог. У меня внутри все в тугой узел свернулось от боли. Я стремительно вышел. Закрылся в кабинете. За день покинул его только пару раз, чтобы снова и снова наткаться на них, и, задыхаясь, убегать в кабинет, где умирающим в дикой агонии зверем рычать от внутренней боли...

Лизка! Что же ты, мать твою, с нами сделала! Это нашего сына ты должна была так держать на руках. Ему рассказывать сказки, кормить обедом и помогать строить большой замок! Наши дети должны были наполнить этот дом смехом и радостью. Здесь бы царили любовь и мир. А вместо этого ты замужем за ублюдком, который над тобой издевается, который обманывает тебя. А я женат на нелюбимой женщине, которая мне рождает детей... Нет нас, разрушено предательством и ложью...

Решив сделать Лизу няней Ваньки, я хотел ее сломать, причинить боль, а сломал себя. Качусь стремительно в ад, из которого так долго вылезал. Меня как будто пытаются раскаленным железом, прижигая кожу вновь и вновь, стоит мне только подумать о ней и сыне... Я не знаю, сколько смогу продержаться, но выбранная месть не кажется мне уже такой замечательной.

Телефонные звонки отвлекают от тяжелых мыслей, не давая снова уйти в бездну моего безумия. Работа помогает немного отвлечься, ненадолго выбросить из головы больные воспоминания.

На часах уже десять вечера. Захваченные с собой документы просмотрены. Все отчеты проверены, указания на завтра разданы. Смысла тянуть дальше нет времени, выбираюсь из своего добровольного заточения. В доме тихо. Свет приглушен. Понимая, что не должен этого делать, все равно отправился на поиски Лизы и Вани.

Я нашел их быстро. Они были в детской комнате. Сын уже спал, а Лиза сидела рядом и смотрела на него, улыбаясь. В руках книга со сказками. Взглянул на ее лицо, воздух вышибает из легких. В ее глазах столько нежности, любви, радости. И то все к моему сыну. Я интуитивно почувствовал исходящую от нее ауру тепла и доброты. Невидимые теплые нити тянулись от нее в разные стороны. Мне до боли в пальцах хотелось прикоснуться к этому волшебству.

Ну как здесь остаться спокойным! Тихо подошел к ней. Коснулся

плеча. Она вздрогнула и повернулась. Плескавшиеся до этого в ее глазах чувства быстро сменились отчаянием и болью. Волшебство, разрушенное моим вторжением, растворилось. Реальность накрыла нас с головой... Она мой враг, я ее палач, и между нами бездна...

Лиза встала и тихо вышла из комнаты. Я пошел за ней. Преследовал, как волк добычу. Она ускорила шаг, потом побежала, а я был не в силах ее отпустить. Бросился следом. Лиза понеслась вниз по лестнице, но на последней ступеньке споткнулась и упала. Подлетел к ней, бережно поднял. Она смотрела на меня глазами, полными слез, и тихо молила:

— Что ты хочешь, Максим? Скажи, что я должна сделать, чтобы ты оставил меня в покое? Я не вынесу долго твоих издевательств...

А у меня слов нет... Чего я хочу? Раньше мести, а сейчас... Взгляд упал на ее губы... А в голове слова мои о том, что мне ее тело не нужно... Дьявол! Я знаю, чего хочу...

Глава 7. Лиза

Мне хотелось сегодня умереть. Снова вернулись те мысли, загнанные глубоко на задворки моего сознания. Когда Максим сказал, что теперь я няня его сыну, время будто остановилось. Внутри что-то оборвалось. Стало пусто. Только боль осталась и рана, сочащаяся черной кровью... Какого это: потерять ребенка от любимого человека, а потом воспитывать его дитя от другой женщины? Лучше не знать... Потому что это не передать словами, не пережить даже человеку с устойчивой психикой... А мне как быть? Я еще до сих пор в кошмарах слышу крик моего родившегося сына...

Дети не виноваты в поступках своих родителей. Как можно злиться и мстить маленькому человечку, который толком еще не понимает где добро, а где зло?

Когда Максима увидела с сыном, мне показалось, что сердце без анестезии вырезали из груди — так скрутило. Макс добился желаемого — его месть хуже китайских пыток, изощренная, превращающая человека в ничто.

Его сын похож на него: то же выражение лица, те же глаза. И от этого еще невыносимее. Я всегда терзалась одной мыслью: на кого был бы похож наш сын? Но детям не нужна суровая правда жизни, поэтому с натянутым на лице весельем я познакомилась с парнем.

И влюбилась в него сразу! Ну а как его не полюбить! Тихий, не по годам рассудительный, но по-детски наивный Ванька покорила меня сразу. Для меня, не сумевшей растратить свою материнскую любовь, это стало живой водой, вернувшей меня к существованию.

Отключилась от внешнего мира полностью, мы весь день провели так, как положено проводить его родителям и детям: игры, шалости, разговоры. Спасибо Максиму, он не вмешивался в наш маленький рай...

Да, я поступила цинично... На месте Ваньки сначала видела своего малыша... Меня буквально трясло от этой мысли. Но потом я поняла — это предательство по отношению к моему мальчику: он другой был бы, а сейчас есть Ванька, который совершенно не причем.

За приятной возней пролетел день. Парень совершенно отказывался спать, если я не прочитаю ему сказку. Не устояла! Ванька заснул уже на первой странице о похождениях Кота в сапогах. Но я читала дальше. Волшебная магия разливалась в комнате... Она лечила мою истерзанную душу, мое разорванное сердце. Страдания, поедавшие меня эти годы, затихли. Дышать стало легче. Затея Максима со мной в роли няни не казалась уже такой дикой. Наоборот. Поняла, что хочу этого. Да! Пусть я буду воспитывать чужого ребенка, но мне будет кому дарить свою любовь...

Все закончилось в один миг. Стоило Максиму меня коснуться. Реальность острым лезвием полоснула по коже. Его тяжелый взгляд бил сильнее слов. Не позволит. Не разрешит. Будет дальше меня мучить. Я знаю его прекрасно. Максим умеет находить больное место у противника и бить по нему постоянно.

«Бежать», — только одно слово пронеслось в моей голове, потому что сейчас накатит новая волна унижений. Вышла из комнаты, пошла прочь, побежала, но он кинулся за мной. Мне не скрыться, не спастись. Найдёт везде. И только одно мучает: почему столько лет ждал? Что мешало привести месть в исполнение раньше?

Боль от неудачного падения окончательно добила меня. Слезы, так долго просившиеся наружу, наконец получили свободу. Макс бережно поднял меня и поставил на ноги, прижимая к себе. А я даже оттолкнуть его не могла — так морально истощена, что и физических сил нет. Уперла руки ему в грудь, моля с отчаянием:

— Что ты хочешь, Максим? Скажи, что я должна сделать, чтобы ты

оставил меня в покое? Я не вынесу долго твоих издевательств...

Молчит... Смотрит в упор и ничего не говорит. А слов и не надо. Все и так видно. Я видела голод плоти во взгляде Максима. Слышала его тяжелое дыхание.

Молчание затягивалось. Но разум уже дал ответ на мои вопросы — Макс хочет меня, ему мало унижить морально, нужно еще и физически. И самое противное, что я приму его, позволю заняться со мной сексом. Я десять лет жила роботом, не получая оргазма. От секса с мужем было небольшое физическое облегчение, но не было удовольствия, я не парила в небесах... Я голодна, жажду получить, наконец, запретное...

И это тоже его месть. Максим знает, как влияет на меня, что делает со мной. И пользуется этим...

Макс нервно сглотнул. Его взгляд переместился к губам. Мои руки, упертые ему в грудь, ощутили, как напряжено его тело.

— Прости, — тихо сорвалось с его губ.

А потом он поцеловал меня. Но не набросился, как днем, нет, сейчас поцелуй был нежен, даже робок. Макс словно исследовал мои губы, чуть касаясь их своими. Меня захватила эта нежность. Не переставала плакать, но уже не с такой силой оттолкнула его от себя. Максим положил мне одну руку на затылок, а другой крепче прижал к себе. И я ощутила, как он возбужден.

Поцелуй с каждой секундой становился все жарче, меня начало трясти. Почему я позволяю этому человеку ломать меня снова и снова?

Неожиданно Максим резко оттолкнул меня от себя и со злостью заорал:

— Уходи! Пошла прочь!

Пару секунд смотрела на него, а потом со всех ног бросилась наверх, в свою комнату. Противна! Вот почему он меня прогнал. А я, дура sentimentalная, опять чуть не поддалась ему. Забежала по лестнице и остановилась, чтобы чуть отдышаться. До меня долетел звук разбиваемого стекла и крик Максима:

— Ненавижу!

Он никогда не сможет меня простить...

Глава 8. Максим

Я пытался! Я боролся! Бл***дь, кому я вру? Ни х***я не пытался! Только услышал в ее голосе мольбу, посмотрел в заплаканные глаза и все — гори оно синим пламенем, умру, если не поцелую.

Тростинка... дрожит в моих руках, вижу, как боится, а сама тянется ко мне. К сердцу моему тянется, протягивая к нему руки. И я ей его открываю. Крушу все возведенные мной стены, только чтобы позволить ей еще раз одарить меня своей нежностью.

«Прости, прости меня», — молю мысленно и не замечаю, как произношу это вслух. Губ ее коснулся, боясь спугнуть, оттолкнуть, но на самом деле не желая причинять очередную боль... Лиза сопротивлялась недолго, чувствовал, как натянутое тело расслабляется. И вот она уже сама прижимается ко мне. Мне крышу чуть окончательно не снесло. Почувствовал себя пьяным только от одного поцелуя. Еле сдержал себя... А потом из самого потаенного уголка вылезла эта сука ненависть. Она ехидно смеялась над моим провалом. Отрезвление наступило мгновенно.

— Уходи! Пошла прочь! — зарычал на нее, отталкивая.

А сам хотел сильнее к себе прижать. Смотрел в глаза Лизы, и противно становилось от того, что там видел отражение монстра — себя, пытающегося причинить ей очередную порцию боли. Лиза убежала. А я начал крушить все вокруг, потому что ненавидел сейчас не ее, а себя — жалкое подобие мужика, который не может совершить настоящий поступок, просто отпустив любимую, не причиняя ей боль.

Схватил какую-то вазу и с силой запустил в стену:

— Ненавижу! — заорал во всю глотку.

Ненавижу эту сраную жизнь! На автомате побрел в кабинет. Достал бутылку с водкой. Она припасена на самый отвратный случай, как сегодня. Начал пить прямо из горла, чтобы алкоголь прижег раны внутри. Подействовал, как анестезия. Но облегчения практически нет. Обессиленно упал в кресло. Продолжал пить снова и снова, накачивая себя отравой, а сам улетал мыслями туда, в прошлое...

Мой отец постоянно говорил: «Нужно всегда подстраиваться под

обстоятельства, но никогда под них не прогибаться».

Так он всю жизнь и жил. В период, когда Советский Союз медленно исходил в агонии, мой отец всю жизнь занимался спекуляцией. Это приносило доход, но было опасным делом. Ну а стоило пасть власти коммунистов, и наступить долгожданной демократии, тут он развернулся с размахом. Ловко маневрируя между новой властью и разборками криминальных авторитетов, он быстро разбогател, став самым богатым человеком в городе.

Наш дом был похож на замок: за высоким забором, с кучей охранников должна была быть сказка, которой на самом деле не было. Любовь отца прошла к моей матери сразу, с появлением в его жизни больших денег. Он не приводил домой баб, не заводил себе открыто любовниц, но всегда ей изменял. И если в детстве я боготворил отца, то, как только подрос и узнал все реалии жизни, люто возненавидел. Видя постоянные страдания матери, которая продолжала любить этого козла, я с каждым днем превращался в волчонка, который в один день должен был перегрызть ему глотку.

Отец боролся со мной: когда был ребенком, ругал; порой лупил, а с моим взрослением наказывал сильнее — не давал денег; запирали в детских лагерях. Но мне было плевать, пока этот урод не нашел мое слабое место — мать. Он начал издеваться над ней, заставляя меня таким образом быть ему послушным. И я был. Готовый в любую минуту сорваться с цепи, я послушно выполнял его приказы, внутри умирая от ненависти.

Для меня мать была всем: опорой, отдушиной, самым близким и дорогим человеком. Только с ней я делился сокровенным. Именно она первая узнала о Лизе. В тот день, когда я встретил Лизку в школе, мама поняла, что в моей жизни появился еще один важный для меня человек. И она искренне радовалась. А я, как ребенок, захлеб рассказывал о девочке с длинной косой и шоколадными глазами...

Это была любовь с первого взгляда, с первой минуты, секунды... Просто внутри что-то щелкнуло — моя! И все тут.

Я с ней хотел быть круглые сутки рядом. А она меня близко не подпускала. Если с тем, что за одной партой сидеть с ней теперь буду только я, Лиза смирилась, то насчет остального присутствия в ее жизни она была против. Но меня это только сильнее раззадоривало. Устав от постоянного внимания девушек, я искал живую и

настоящую, как Лиза. Для нее изменял себя, делая таким, который ей нужен.

Начал учиться! Надо было видеть лицо папаши, когда в моем дневнике стали появляться четверки и даже пятерки! Он от удивления говорить не мог. А я шел дальше. Лизка много времени проводила в библиотеке, штурмуя книгу за книгой. Я делал тоже самое. Выбирая те разделы, которые нравились ей, я мог часами сидеть и любоваться, как она читает или пишет, или просто сидит. Мне было плевать, что делать, лишь бы рядом с ней.

Лиза не разрешала провожать ее до дома. Но я все равно шел за ней. На расстоянии, как охранник, оберегал ее. Она не пускала меня в свой круг друзей, а я настойчиво бился в стену ее отчуждения. И постепенно стена начала разрушаться, крошиться от моего натиска. Я стал замечать в глазах Лизы нежность по отношению ко мне.

Я ликовал! Душа пела. Одиннадцатый класс мы закончили уже рука об руку. Она стала моей девушкой, хотя мысленно я давно считал ее своей женой. Отец противился нашим отношениям, но не лез в них пока, считая это моей очередной дурью. А мама поддерживала. Рядом была, пока в один день ее не стало. Она просто не проснулась. Врачи потом скажут — оторвался тромб. Но я ничего не хотел слышать. Жить не хотел. Умер самый родной для меня человек. Если бы не Лизка... не знаю что было бы.

Она меня вытащила, спасла. Я пил жутко. С отцом пару раз чуть не подрался, виня его в смерти матери. А моя тростинка рядом была, к жизни возвращала... эх, знал бы, зачем ей это все нужно было, лег бы с матерью в одну могилу... а тогда...

После смерти матери отец взялся за меня всерьез. Решил сделать из сына идеал, сам-то он собрался идти в политику. Ему был нужен воспитанный, правильный сын, которого можно удачно женить на дочке своего спонсора или партнера, обеспечить себе надежный тыл.

— Нам не нужна это голытьба, — кричал он по поводу Лизы. — Поиграл, потрх***ся и ладно. Какое будущее у тебя с ней будет? Никакого! Нужно вперед смотреть, а не назад.

А мне начхать на него было. Я даже дома тогда не жил, мы с Лизой у ее бабушки давно проживали. Но отец не унимался. Он как всегда решил бить по больному, но матери теперь не было, а была Лиза...

Мы жили с ней открыто, плюя на законы морали, но я не домогался

моей девочки. Да, хотел ее дико, жутко, несколько раз в день мог онанировать, но на ее честь не покушался. А еще не изменял. Вспоминаю и смешно становится — я у нее первым был, а она у меня. Это бред по нормам современного времени, но тогда я на все был готов ради нее. Вот и ждал нашего совершеннолетия. Конечно, мы тогда не очень понимали, что такое предохраняться. Да и зачем, если считали себя мужем и женой, только без регистрации в ЗАГСе.

Лиза была на втором месяце, когда мне принесли повестку в армию. Откосить не было возможности. (Отец определенно подсуетился. Он последние месяцы меня всеми силами пытался вернуть в лоно «семьи»). Да я и не пытался. Знал, что Лиза будет ждать. Только очень переживал, как она теперь с маленьким будет без меня. Но она заверяла, что все будет хорошо.

Подошел день, когда меня забирали. Лиза с друзьями провожали меня у военкомата. До сих пор помню ее голубое платье с ромашками. Она ничего не говорила, только жалась ко мне сильнее. А мне слов и не нужно было — я сердцем все слышал. Потом нас, призывников, увели. Бросил на нее прощальный взгляд — она плакала и губами прошептала:

— Люблю тебя...

— И я тебя, — ответил ей без звука.

Ждал с другими ребятами, когда нас распределят. Но вышедший офицер назвал только мою фамилию и велел идти за ним. Послушно выполнил приказ. Он привел меня к кабинету, открыл дверь, пропуская вперед. Внутри сидел мой отец и внимательно за мной наблюдал. Я зашел, дверь закрылась. Мы с ним один на один.

— Решил отдать долг Родине, сынок? — начал он без приветствия.

— А тебе какое дело? — огрызнулся я.

— Не дерзи, — зарычал отец. — Хуже будет.

— И что ты мне сделаешь? — выдал с ухмылкой.

— Тебе... — он сделал паузу, — не знаю, а вот твоей беременной Лизе могу кое-что сделать, ах да, не я, мои ребята, — сально засмеялся он.

— Только попробуй, урод, — зашипел я, готовый броситься.

— Ну-ну, успокойся и слушай, — проговорил он серьезно. — Сейчас

ты выйдешь отсюда со мной, сядешь в машину и поедешь в наш дом, а там будешь вести себя как положено сыну. Про свою девку забудь. Иначе...

— Иначе, папочка?

— Ты пойдешь служить, как и хотел, но зашлют тебя далеко-далеко, откуда твоя «любимая» может тебя и не дожждаться.

— Плевать, — не поддавался я на его угрозы, — я верю ей. Она дождется.

— Как знать, сын, как знать. Оттуда ты вернешься, но вот как? Сейчас так много народу в Чечню отправляют.

Я почувствовал, как холодеют руки. Мать твою, он режет меня по живому. Войной, сволочь, пугает. Лишь бы только заполучить меня.

— Ничего, — решительно ответил я, — повоюем.

— Дурак! Сдохнешь там! — заорал он и вскочил с места.

— Без твоей помощи похоронят, папа, — ответил ему и вышел, хлопнув дверью.

Юношеский максимализм вместе со злостью на отца двигал мной. Согласись я тогда на его предложение, может, все было иначе?

Меня кинули в самое пекло. Точнее в самый ад. Погнал в самые потаенные глубины воспоминания об армии, если они сейчас вырвутся — это полная ж***а. Минимум на неделю выпаду из привычной жизни. То, что было там, нельзя передать словами. Война — это не повод, чтобы ею гордиться, это тяжелое испытание. Умирать не страшно. Страшно видеть, как умирают другие. Страшно ждать, когда наступит твоя очередь...

Тяжело было первые месяцы. Мне, привыкшему к чистой, сытой жизни было дико не мыться несколько суток, жрать консервы и спать, сжимая в руках автомат. Но человек привыкает ко всему. И я втянулся. Самым тяжелым было Лизино молчание. Я писал ей каждую неделю, но она не отвечала... Это сейчас можно позвонить в любое время, а тогда телефоны были только у избранных.

Понимал, что ее молчание это, скорее всего, работа моего отца. Но могло быть и не так. Может, беременность протекает плохо. Может, у нее какие-то проблемы с бабушкой, женщина она уже очень пожилая и часто болеет. А может... Слишком много этих «может» роилось в

моей голове. По ночам они, как шакалы, окружали и ехидно скалились, предчувствуя добычу. Я гнал их, но с приходом темноты они возвращались вновь. Пытался не думать о доме, Лизке, нашем ребенком, понимал — сойду от этих мыслей с ума. Видел, как людям сносит крышу от страха умереть, от тоски по дому. Были те, которые просто кидались под пули.

Но я хотел жить! Ради нее хотел жить! Только для Лизы...

От друзей приходили скудные письма. Мужчине сложно писать много. Письмо для женщины еще может получиться большим, но для друга — хватит и пары слов, чтобы передать главное. Мне писали многие. Жалели, переживали, ждали домой. Но никто о ней и словом не обмолвился.

Пока мой лучший друг Петька Митин не написал, что ее видели в баре с Левшой и не один раз. Порвал письмо к чертям. Несколько часов не мог успокоиться. Рычал, кулаки в кровь о стены сбил. Ложь! Не могла она так поступить... Но в армии другие законы. Слишком многих бросают, не выдержав разлуки. Не я первый, не мне быть последнему. Мы никогда с Лизой не расставались так надолго. Испугалась, что меня убьют, а она с ребенком одна останется? Нет! Это все отец мой подстраивает. Уверен!

Но от него за все эти полгода не весточки, не звоночка... Смирился? Вряд ли, и все же... Петька не будет мне врать. Он один единственный был в курсе всего. Я ему верил, как себе. И Лизка не писала...

А потом начались письма от других ребят. И там одно и то же: Лиза встречается с Витьком. Не верил, рвал письма. Ночью волком выл, потому что перед глазами она вставала в объятиях другого. Зерно сомнения попало в благодатную почву. Я жаждал правды! У меня напрочь отключались мозги. Хотел из армии рвануть, чтобы увидеть Лизу...

Не потребовалось... По срокам она должна была родить. Ждал этого, как дембеля. Думал, что хоть как-то весточку пошлет. Меня вызвали в штаб. Не шел, летел туда. В кабинете, помимо начальника увидел отца. Внутри как-то все замерло от нехорошего предчувствия. Начальник вышел.

Отец подошел ко мне и молча, без приветствия, обнял. Сжал сильно. Я невольно ответил на его объятия. Каким бы гадом он не был — это

мой отец. Тот, кто дал мне жизнь, научил многому, не смотря на мое поведение, помогал... Он разомкнул объятия и осмотрел меня с ног до головы. В его глазах была тоска и переживание.

— Здравствуй, Максим, — произнес отец глухим голосом.

— Привет, — поздоровался с ним.

— Изменился ты... возмужал, заматерел...

— Жизнь заставила.

— Понимаю, — он присел на стул. — Домой не хочешь?

— Хочу, — не видел смысла врать, — но, сам понимаешь, не могу.

— Да... если хочешь, я помогу, — начал было папа.

— А что взамен? — взбрыкнулся вмиг я.

— Ничего, — спокойно ответил он. — Макс, я просто хочу, чтобы ты вернулся домой и все. Я ни буду тебя не к чему принуждать, будешь жить так, как посчитаешь нужным. Знаешь, я многое переосмыслил после твоего призыва. Да, я изменял твоей матери, но любил ее все равно. Когда она умерла, это меня сильно подкосило. Я понял, сколько дров наломал. Сын, возвращайся домой, с начальством твоим все улажу... У меня кроме тебя никого больше нет.

— У тебя есть внук или внучка, — зачем-то говорю ему я.

Лицо отца немного побледнело. Он сжал губы в тонкую полоску и тихо проговорил:

— Ты все равно узнаешь... Твой ребенок умер при родах... Лиза... она тебя не дождалась, начала встречаться с вашим одноклассником. Ее часто стали видеть с ним в барах. Я беседовал с врачом, который принимал у нее роды. Твой сын задохнулся еще в утробе...

Я не помню, что было потом. Он еще не успел договорить, а у меня ослепила яркая белая вспышка... пришел в себя от удара о бетонный пол. Меня четверо здоровых парней держали, а начальник вокруг отца бегал, лицо которого было похоже на кровавое месиво. Это потом ко мне начнут возвращаться воспоминания... Я не поверил ему, от такой жуткой лжи просто озверел, поэтому накинулся на отца и избил его. Но отец не защищался. Он принимал удары, позволяя мне выплеснуть на себя накопленную боль. Это заставило меня задуматься. А врет ли он?

Попросил отца устроить мне разговор с Лизой. Не знаю, чего это ему стоило. Но через сутки я, наконец, смог услышать ее голос:

— Алло.

— Лиза, — говорил, а самого трясло, как в лихорадке от одного ее голоса — это я, Максим.

— Максим... — голос как у пьяной, мать твою.

— Да, почему ты мне не писала? Что с тобой, малыш?

— Со мной? Все хорошо. Не писала... я так устала, извини, хочу спать.

Она еле говорила. У меня внутри все похолодело от предчувствия.

— Как там наш малыш? — произнес на одном дыхании.

— Малыш... ребенок... — долгая тишина в трубке. — Он умер, — ответила она каким-то загробным голосом.

Я вспыхнул мгновенно, как факел, от правды:

— Ты сдохнешь, сука, в муках сдохнешь за моего умершего сына!

Орал, кричал, долбил телефонную трубку, из которой доносились гудки. Ломал все, что под руку попало. Мечтая только об одном — добраться сейчас до нее и вырвать суке сердце. Хорошо, что меня после этого звонка на пару дней в карцер посадили. Отсиделся в холодном помещении, отрезвил голову, заморозил сердце. Я не принял предложение отца. Знал, приду сейчас домой и просто убью ее. Нет, она не заслуживает легкой смерти. Ей будет уготована другая судьба.

Отслужил следующий год верой и правдой Родине. Мечтая в тайне умереть от очередной пули, не знал, как жить дальше. Возвращение домой не принесло облегчения. Только приехал, как узнал о ее свадьбе с Левшой. В тот же день отец меня увез за границу, где я жил в постоянном пьяном угаре, где родилось мое окончательное желание уничтожить Лизу...

Все эти десять лет верил: в холоде бетона карцера я навсегда похоронил чувства к ней, закопал и поставил могильную плиту. И до сегодняшнего дня плита стояла крепко... а теперь она начала трескаться...

Глава 9. Лиза

Я не могла уснуть. Да и как это сделать, если подушка уже насквозь мокрая от слез, а они и не думают останавливаться. И перед глазами Максим стоит...

Столько лет я пыталась смириться, научиться жить без него. Жить научилась, но вырвать из сердца не смогла. Он стал не просто моей первой любовью, Макс — моя единственная любовь. Не знаю, что будет дальше, но сердце навсегда останется принадлежать ему. Он своего добился.

Я улыбнулась сквозь слезы. Как Максим меня добивался! От воспоминаний дух захватило. С первых минут знакомства Старов дал понять — или я с ним буду, или ни с кем. Меня это, конечно, взбесило. Кто он такой? Возомнил себя царем? Не замечала его, игнорировала все разговоры и предложения, поступающие от него, но за партой, правда, с ним сидела.

Я помнила о причастности его семьи к делу моих родителей. Поэтому старалась убить на корню его попытки стать друзьями. Меня бесила его настойчивость: куда бы я не пошла, что бы не делала, он был везде. Это злило. Но и вода точит камень. Постепенно я привыкла к его постоянному присутствию рядом. Мне нравилось, что он молчит и просто смотрит на меня. Ходит рядом, но не приближается. Он словно давал мне время привыкнуть, завоевывал меня потихоньку.

Какая девушка устоит, да еще в подростковом возрасте, когда ее добивается первый парень школы! И я сдалась. Мы начали встречаться. С каждым днем Максим раскрывался для меня с совершенно другой стороны. Это с виду он был жестким, порой циничным не по годам. И только я знала — за всей этой злостью скрывается ребенок, которого предал родной отец, которого просто не любили.

Максим не любил, когда с ним спорили, указывали, что делать, как жить. Эту реакцию он выработал в себе для отца, но она перетекла в жизнь. Но со мной он так не поступал. Прислушивался, советовался, старался поступить так, чтобы нам обоим было хорошо.

Его отец был против наших отношений с самого начала. Я это видела, знала. Но тогда это было неважно. Да и за все время Семен Анатольевич ни разу не удостоил меня встречей или разговором.

Нас поддерживала его мама. Чистый и добрый человек, который

напоминал мне мою бабушку. Я искренне ее полюбила. А когда она умерла, плакала по-настоящему. Максим страдал сильно. На людях он держался, но наедине плакал, уткнувшись мне в плечо.

— Ну почему Бог отнимает у нас самых дорогих людей, Лиз? — спрашивал он.

— Не знаю, — у меня не было ответа на его вопрос. — Я задавалась этим вопросом не единожды, после того, как потеряла своих родителей.

— Жизнь не справедлива.

Да, не справедлива и жестока. После смерти матери Максим окончательно разругался с отцом. И я была одной из причин этой ссоры. Он рассказал мне, определенно опуская подробности. Мы стали жить вместе, планируя наше будущее. Спасибо бабушке, она нам помогала. Мне удалось поступить в институт на юридическое отделение — моя мечта обещала сбыться. А вот Максим даже в техникум не смог подать документы. Семен Анатольевич так решил наказать сына.

Старов-младший не испугался. Нашел работу обычным грузчиком. Я поддерживала его. Понимала, для выросшего в достатке парня, тяжелая физическая работа — испытание. Но он все стойко выдерживал. Вечерами сидел со мной и учил конспекты, помогал с учебой.

За все время нашей дружбы Максим не позволял себе ничего лишнего, хотя я, чего греха таить, мечтала о близости с ним. Он, как законопослушный гражданин, ждал моего совершеннолетия. А потом я стала его женщиной во всем понимание этого слова. Когда день с его рутиной отступал, и приходила ночь, мы уносились в мир сказочного удовольствия. Изучали друг друга, учились дарить удовольствие руками, губами. Наши тела были музыкальными инструментами, на которых мы играли чувственные мелодии. А потом засыпали, тесно прижавшись друг к другу.

Моя жизнь была прекрасной. Дом, интересная учеба, любимый рядом. Все было хорошо. Пусть в паспорте не стоял штамп. Этого не требовалось. Я знала — Максим не предаст меня никогда. Мы не планировали ребенка, но известие о том, что я беременна, стало самым счастливым моментом в моей жизни.

Максим был горд. Он больше светился от счастья, чем я. Рассуждал,

кто же родится, как назовем. Строго решил — идем и расписываемся. Хватит уже жить не по-людски. А потом его призвали. Он очень переживал за нас, но ничего поделать было нельзя. Стоя у военкомата, я впервые подумала: «Все изменится». Так и получилось.

Его забрали в Чечню. Там и сейчас стреляют и убивают, но тогда это было еще страшнее. Каждую ночь, засыпая, я молила Бога, чтобы Максим остался живым. Из-за постоянного психологического напряжения беременность протекала сложно. Несколько раз меня клали на сохранение. Требовались витамины и особое питание. Жить на бабушкину пенсию было тяжело, да и задерживали ее периодически. Бабуля вязала носки, свитера, шапки и продавала. Идти к отцу Максима с просьбой о помощи я бы никогда не решилась.

От Макса не было не строчки. Мои письма уходили к нему еженедельно, но он не отвечал... Неизвестность пугала все сильнее. Вместо положенного набора веса, я теряла килограммы.

Помог Виктор. После того, как Максим стал моим соседом по парте, Витя долго со мной не разговаривал, но потом наша дружба возобновилась, хотя не была уже такой близкой. Он, как и я, поступил на юридическое отделение. Из-за тяжело протекающей беременности мне пришлось взять академический отпуск. Друг помог найти подработку. Он приносил мне контрольные и курсовые других студентов, а я их делала за деньги. Хорошо, что с моим домом рядом была библиотека, и мне давали книги домой.

Вот только встречаться с Витей приходилось в одном баре. Он там подрабатывал официантом. Но иногда он приходил ко мне домой. Небольшой, но стабильный заработок помогал.

Я продолжала ждать Максима, не смотря ни на что. Верила, скоро все наладится, нужно потерпеть. Он жив, сердце чувствовало...

Близилось время родов. В тот вечер я в последний раз пришла к Вите — отдать работу и забрать деньги. Он попросил меня подождать в зале у стойки бара, а сам поспешил кого-то обслужить. Подошла к стойке и заняла место в самом конце. Народу в баре было много. Люди прожигали жизнь. Неожиданно мой слух уловил знакомую фамилию. Поискала глазами и увидела в паре шагов от себя Алиску Новину. Она была нашей одноклассницей. Постоянно вешалась на Макса, но он ее не замечал, а однажды при всех послал на три буквы.

Она стояла в компании каких-то разодетых, как и она, девиц. Они все были навеселе и меня точно не видели. Чуть ли не со слезами на глазах Алиса вещала:

— Да, представляете, девочки, Максим уже несколько месяцев лежит в госпитале после тяжелого ранения. Я к нему на днях ездила. Он весь изуродован.

Максим в госпитале... Я только и смогла схватиться за живот, который скрутило от адской боли. Что было дальше до сих пор смутно помню. Мой крик переполошил посетителей. Вызвали «скорую», которая привезла меня в роддом. Роды длились почти сутки, я балансировала на грани жизни и смерти, то приходя в сознание, то снова его теряя. В итоге решили делать кесарево сечение. Ребенка могли потерять. Резали меня почти на живую, за сутки мучений мой порог боли отсутствовал. Я только молила врачей:

— Пожалуйста, спасите малыша, пожалуйста...

Мне все же ввели какую-то жидкость, от нее мое сознание поплыло совсем. События перестали запоминаться, все слилось. Вокруг меня началась какая-то возня. Я чувствовала — меня режут, вынимают что-то изнутри...

— Слишком поздно, — мужской голос прорвался сквозь туман в сознании, — ребенок задохнулся... Мы его не спасли, зашивайте роженицу...

Тьма злорадно поглотила мое сознание. Но даже через столько лет я отчетливо слышу сквозь этот мрак крик, который преследует меня в моих кошмарах... Крик, который издает новорожденный ребенок.

Глава 10. Максим

Скачано с сайта knigomania.org

Очередное утро и очередная головная боль. Вчерашнее общение с алкоголем не пошло мне на пользу. Я так скоро совсем в алкаша превращусь. Пора завязывать. Но события вчерашнего дня волной накатывают на мой воспаленный разум. Дьявол! Ну почему прошлое так упорно хочет меня добить. Даже сны были наполнены картинками из прошлого. Теми, что я так усиленно пытаюсь забыть; теми, где Лиза снова в моих объятиях, стонет, извивается... Это мой самый

потаенный и самый желанный кошмар. Я мечтаю переживать его снова и снова. И одновременно боюсь его.

На автомате иду в ванну. Контрастным душем привожу себя в порядок. Но не больная голова меня сейчас мучает больше. Пах ноет от потребности. Возбуждение никак не покидает меня. Как же я хочу Лизу! Пусть она снова предаст, сломает, но за один только раз снова прикоснуться к ней, почувствовать вкус ее губ, погрузиться в ее горячее лоно, готов душу продать... не хочу больше никого! Только ее, тростинку.

Моя рука сама начинает двигаться по члену. Я не онанировал давно. Но сейчас эта вынужденная мера мне просто необходима. Закрываю глаза. Из запретных воспоминаний выныривает образ Лизы, стоящей передо мной на коленях и ласкающей мой член губами. Бл***ь, я не железный! Разрядка наступает быстро.

Стою, упершись головой в холодную плитку стены и выравниваю дыхание. Так нельзя больше. Нужно что-то сделать. Решение приходит само собой. Я не откажусь от мести, Лиза получит ее сполна. Но я должен себя удовлетворить. Должен еще раз взять ее тело, чтобы алчные демоны моей души насытились и отпустили меня. С этим твердым намерением я одеваюсь и иду на кухню.

Но не успеваю сделать и пары шагов, как в нос врзается аромат свежих блинчиков. Рот мгновенно наполняется слюной. Я не привык завтракать — кофе и на работу. А сейчас просто устоять не могу. Вспоминаю мультик один из диснеевских мультиков, которые так любит мой сын, «Чип и Дейл». Там есть смешная мышь, не помню, как зовут, которая, почуяв сыр, летит на него. Вот и я так сейчас «лечу» на запах из прошлого. Я его запомнил на всю жизнь. Блинчики Лизы я готов был есть на завтрак, обед и ужин... А если на них полить сгущенкой или вареньем, а можно просто со сметаной... все, жрать хочу!

Вхожу в кухню и на миг теряю дар речи. То, что я вижу, снова, как вчера, ударяет меня поддых и бросает на лопатки. Лиза в простом халате и переднике стоит у плиты. Простая одежда подчеркивает ее естественную красоту. Вот она настоящая женственность, и ей чужды современные ухищрения косметологов. Она что-то напевает себе под нос, наливая тесто на сковороду. Волосы собраны в неопрятный хвост. Несколько прядей вырвались наружу, и ее это чертовски красит. Она воровато опускает один палец в креманку с вареньем,

подхватывает немного и несет ко рту. Как только ее губы обхватывают фалангу пальцу и начинают ее сосать, а теряю контроль. Я ее сейчас прямо на кухонном столе возьму.

Разрядки, которая была пару минут назад, как не существует. Подкрадываюсь к ней потихоньку. Обнимаю сзади. Она вздрагивает, но не вырывается. А я беру ее руку, подношу к своему рту и обхватываю губами тот самый палец, который она облизывала. От близости столь желанного тела, от родного до мурашек запаха Лизы, от интимности обстановки мне все тяжелее себя контролировать. Отпускаю ее руку и касаюсь губами ее шеи. Еще пара минут и мне себя не остановить. С силой прижимаюсь пахом к ее попке. Да, Лизка, я хочу тебя, до скрежета зубного хочу!

- Максим, - ее голос с нотками хрипотцы разрывает тишину, - сейчас Ванька придет завтракать, отпусти меня.

Не могу! Но реальность рвет на части мое желание, врываясь в мое сознание громкими шагами моего сына.... Отпускаю ее и отхожу в сторону. Ванька влетает в кухню ураганом.

- Лиза! - орет он громко. - Я заправил кровать и умылся.

Вот это номер! Мой сын, который в чем-то очень рассудителен, совершенно не приучен к порядку. А тут такое.

- Это хорошо, - она смотрит на Ваню с улыбкой, - значит заслужил вкусные блинчики с вареньем.

- Ура! Папа привет.

-Привет, сынок.

И только теперь он обращает внимание на меня. Как ей, продажной, лживой удалось буквально за сутки очаровать ребенка? Как может женщина, которая с любовью печет блинчики чужому ребенку, убить своего? Горечь колом встает в горле. Сжимаю кулаки и молча выхожу из кухни. Нет сил видеть это все. Слишком сильно я мечтал о такой жизни, где будет она, я и наши дети...

Ухожу в кабинет, но долго так просидеть не могу. Меня магнитом тянет обратно. Лиза — сильный яд. Но мне нужна отравиться ей снова. Пусть не касаться, не говорить, но хоть посмотреть...

Останавливаюсь в дверях кухни и наблюдаю за ними. Ванька сидит и уплетает один блинчик за другим, с энтузиазмом рассказывая Лизе о

своих машинках. Она слушает его с внимательным лицом, иногда задает вопросы.

Смотрю на них, а у самого в ушах треск стоит. Это рушится ледник, который сковывал мое сердце все эти годы... Мне плохо, мне больно, мне дышать нечем... Лизка, змеюка хитрая, меня снова обворожила, сына моего к себе за сутки приучила... Задушить надо гадину... Но сначала залюбить, зацеловать до смерти... Чтобы больше никому не досталась, чтобы навсегда моей была...

- А кораблики нам папа из бумаги сделает. И мы все вместе их пойдем по лужам пускать, - его голос выдергивает меня из тумана боли. - Правда, пап?

Две пары глаз смотрят на меня с ожиданием. И мне совсем туго становится от этих взглядов: полного восторга и надежды Ванькиного и грустно-вопросительного Лизино. И разве могу я им отказать?

Если бы я заранее знал, какие последствия принесет мое согласие, отказался бы? Нет! Нет! И снова нет! Попросил бы у судьбы еще возможность и снова повторил тот день в подробностях.

Стоило мне сказать да, и атмосфера в кухне изменилась. Натянутость и скованность ушли, воцарила гармония... То волшебство, которое было разлито вчера вечером в Ванькиной комнате, вернулось. Оно окружило меня снова. Мне не просто позволили к нему прикоснуться, я стал частью его. Лиза и Ваня разрешили мне стать частью их маленького, только зарождающего мирка. Это непередаваемое ощущение.

За все годы брака с Алиской мы так и не стали семьей в полном значении этого слова. На людях мы были идеальной парой с прекрасными отношениями, разыгрывали любовь друг к другу. Но в привычной обстановке красивая обертка отлетала, оставляя реальную картину. И она была не так хороша. О том, чтобы жена приготовила мне завтрак, поиграла с сыном в игрушки, сидя в простом халате на полу не могло быть и речи. Мы не вели душевных разговоров, не лежали в обнимку на кровати, думая о будущем, детях, строя какие-то планы. Каждый жил своей жизнью, своими интересами, изредка пересекаясь за столом, или в комнате сына, но, чаще всего, видясь в постели, ради безумного секса...

А здесь в эту самую минуту все вокруг дышало другой жизнью. Меня

словно взяли и перенесли в параллельную реальность. В ту, которая и должна была существовать, будь у нас с Лизой другая жизнь... У нас... Даже спустя столько лет я не разделяю ее и себя, все равно существуем мы...

Лизка заботливо накладывает мне тарелку блины и кладет большую ложку сметаны сверху. А у меня, как у собаки Павлова, слюна по подбородку готова потечь. Смешно даже становится! Смотрю на сына, тот весело уплетает выпечку, и мне передается его задор. Сам начинаю смеяться и шутить.

Дьявол, я готов отдать тебе душу, слышишь! Приди, заberi ее, только оставь сделай эти минуты вечностью...

Вот та жизнь, о которой я долгими ночами мечтал, мысли о которой мне покоя не дают все эти годы, из-за которой я топлю себя в алкоголе... Мы с Ванькой соревнуемся в поедании блинов. Лиза смеется над нашими потугами и подкидывает нам на тарелки новые порции горячего. С виду беззаботное утро простой семьи. И только взрослые знают — это слабость, и за нее придется серьезно платить.

Кораблики из бумаги я не делал с пятнадцати лет... В девятом классе, разорвал свой дневник и пускал бумажные корабли по лужам, чтобы Лизу удивить. Удивил, она на меня в тот день так ругалась! А я смеялся от счастья, что ей за меня страшно — родители ругаться будут...

Отрываю глаза от бумаги и встречаюсь с ее взглядом. Помнит, по глазам вижу. И понимаю, хочу сейчас до нее дотронуться, прикоснуться. Просто ощутить мягкость ее кожи. Она быстро разрывает наш контакт и садится рядом с Ванькой, который тоже пытается что-то смастерить.

- Нет, Вань, это не так. Смотри, как папа делает.

И я показываю. Учю сына мастерить. Втягиваюсь в это процесс с удовольствием. И страшно вдруг становится. Озарение приходит внезапно. За своей ненавистью к миру теряю главное: сына. Чем я лучше отца? Я, как и он, погружен в работу, а мой ребенок растет под присмотром чужих людей. Не уделяю я Ваньке нужного внимания, не играю с ним, говорю и то мало. Он чужому совершенно человеку за день больше поведал, чем мне за столько лет. Малышу родительского тепла и внимания не хватает... От тревожных мыслей ничего не получается.

- Максим, - рука Лизы касается моего плеча, - мы с Ваней пойдем одеваться, а ты делай дальше.

Тепло, исходящее от ее руки, мне прямо в сердце устремляется. Страх уходит. Она меня поняла. Интуитивно почувствовала мою растерянность. Сына уводит, чтобы я успокоился.

За ними дверь закрывается, а меня в жар кидает. Как, Господи, как мне жить дальше, если разум требует мести, а сердце и душа к ней рвется? Мне одного ее прикосновения достаточно, чтобы жить начать дальше. Я умираю без нее. И снова эта разъедающая нутро боль. И нет от нее лекарства... Хотя, есть. Лиза. Мне до дури она нужна... Желания, посетившие утром, требуют исполнения...

Не помню, когда столько смеялся последний раз. Успокоившись, соорудил Ваньке несколько кораблей. Сначала не хотел идти с ними на улицу, но не смог устоять, когда Лиза меня попросила. Не жалею теперь! Сидел, как пацан, у лужи и пускал в ней корабли с сыном. Ванька был счастлив безумно. Верещал от радости и восторга. Лиза стояла рядом и с улыбкой смотрела на нас. А в уголках ее прекрасных глаз таилась печаль. Как мне хотелось прогнать ее. Но отдергивал себя — нельзя.

Я сидел и смотрел, как по мутной грязной воде лужи плывут кипельно-белые корабли и думал: вот так же по жизни плывем мы. Сперва белые, чистые, но с каждой новой волной жизненных испытаний, все больше опускаемся в грязь, а в конце тонем от невозможности противостоять окружающей действительности. И лишь немногим удастся выстоять и остаться чистыми и белыми...

День пролетел незаметно. Он промчался со скоростью быстрого поезда. Ванька, получивший за день столько эмоций, уснул быстро. Лиза тихо шепнула мне, что Ванька очень хочет, чтобы я почитал ему на ночь сказку. Никогда этого не делал. До сегодняшнего дня я многого не делал по отношению к сыну. Но ломал устоявшийся закон. Очередная волна радости и визга накрыла меня с головой. Ради счастья ребенка стоит жертвовать всем. Это я сегодня понял.

Мне удалось прочитать пару абзацев, а сын уже сопел. Смотря на спящего ребенка, я понимал. Почему она так улыбалась вчера. Нет ничего прекраснее, чудеснее, чем смотреть на ребенка, мирно спящего в кровати. Маленький ангелок, который днем носился по дому, не слушался, безобразничал, сейчас мирно спит, причмокивая

во сне. И это счастье. Истинное, живое, дышащее умиротворением и покоем.

Укрыв сына, я спустился вниз. С кухни доносятся звуки. Лиза моет посуду, как и положено матери и жене... И мне впервые становится невыносимо тошно от мысли, которая врывается в мое сознание — я, ведь, могу развестись с Алиской и жить с Лизой и Ванькой... Это страшная, пугающая мысль врывается в мой мозг. И мне становится страшнее вдвойне, потому что я хочу этого! Жутко хочу! До кровавых слез!

Повторяю события утра. Подхожу к ней сзади. Обнимаю. Утыкаюсь носом в затылок и просто дышу ее запахом. Женщина, моя женщина. Губами чуть касаюсь ее шеи. Она напрягается. А я дальше губами дорожку прокладываю. Нежно, еле касаясь, словно боюсь спугнуть. Одну руку оставляю на ее животе, другую кладу на ее грудь. По моему телу дрожь проходит. Я себя еле сдерживаю — хочу Лизу до безумия.

Она разворачивается в моих объятиях. А меня снова страх накрывает. Вдруг сейчас она меня оттолкнет и уйдет. Я, ведь, озверею. Накинусь и возьму ее силой, у меня нет сил больше терпеть. Она не отталкивает. И я тянусь к ее губам. Пытаюсь быть терпеливым, но какое тут терпение, если я, наконец, получил то, о чем мечтал так долго.

Целую Лизу страстно, дико, потому что изголодался по ней. Освобождаю ее от халата за считанные секунды. Бросаю быстрый взгляд на ее тело: хочу! Обхватываю бедра и, приподняв, усаживаю на столешницу. Покрываю поцелуями шею. До меня долетает ее стон. Все! Тушите свет и проваливайте все! Меня уже не остановить.

- Лизка, моя любимая, как же я долго об этом мечтал.

Начинаю раздеваться, она помогает мне... Звонок телефона подобен удару грома в ясный день. Я, не обращая внимания, продолжаю скидывать одежду. Плевать, меня нет. Мне нужна сейчас только Лиза. Но телефон не замолкает. Лизка отрывается от меня. Смотрит затуманенным взглядом и говорит:

- Возьми, вдруг это что-то срочное.

- Пошло все на х***.

- Возьми, пожалуйста.

Достаю трубку из приспущенных штанов. Звонит отец. Бл***ь, как чувствует.

- Слушаю, - хриплю я, а сам развожу ее ноги и касаюсь ее влагища.

- Алиску отвезли сейчас в больницу. У нее выкидыш.

Плата за день, который не должен был быть в моей жизни, наступила быстро...

Глава 11. Лиза

Максима не было уже несколько дней. И каждый из них проходил для меня в сильном моральном напряжении. Я боялась. Жутко боялась, что он приедет и заберет Ваньку... Ребенка, который стал за несколько дней моим миром, моим счастьем, моим сыном...

Мне поставили бесплодие сразу после родов. Господь не стал медлить с карой за смерть ребенка - наказание последовало сразу. Это потом врачи объяснят мне, что я, вроде, и не бесплодна, но шанс забеременеть у меня один на миллион. Мой муж никогда не поднимал тему детей — его все устраивало. Я один раз попыталась предложить Вите взять ребенка из детдома, но получила мгновенный отказ:

- Нам еще платить и платить кредит, - проговорил он жестко, - а ты хочешь добавить новые расходы в наш бюджет.

Согласилась безропотно. И вот сейчас, оглядываясь назад, я с каждой минутой понимаю, какой безвольной и бесхребетной была все эти годы. Вся твердость моего характера, возвращенная в детстве, ушла из меня. Сначала благодаря Максиму, взявшему на себя решение всех моих проблем. А потом из-за Вити, который кое-как помогал справиться с жизненными трудностями. Я стала размазней. А смерть малыша меня просто добила, вытатила позвоночник и превратила в кишечнополостное создание... У меня пропал смысл в жизни, я, вообще, перестала чувствовать ее вкус, запах, видеть яркие цвета. Все слилось в серую безликую картину.

Кто-то скажет — любое горе можно пережить. Но так говорят только те, кто не испытывал на своей шкуре горечи потерь. А их в моей жизни было предостаточно... Родители, бабушка, сын... Потерять все и оставаться виноватой за это — безумие. Пояс смертника. У тебя нет ни малейшее шанса его снять, поэтому обреченно ждешь, когда ты сам должен будешь привезти механизм в действие...

Последние дни серьезно поменяли меня внутри. Я словно из кокона вылезать начала. Спала в нем, как гусеница, спрятавшись за слоями своего бесконечного горя, и не видела окружающей действительности. Максим обвинил меня в смерти нашего малыша. А так ли я виновата? Это кощунственная мысль маленьким червячком забралась в мой мозг в ту ночь, когда Макс уехал к жене в больницу. Каждую ночь червяк просыпался и начинал есть мой мозг, разрастаясь все сильнее и сильнее.

Меня настолько убедили в том, что именно я виновница смерти моего малыша, что все эти годы так и считала. А где вина то? Я не пошла просить денег к папочке Максима? Подрабатывала, чтобы прокормить себя и бабушку? Не пила дорожные витамины, на которые не могла наскрести средств? Я не пила, не гуляла, старалась меньше напрягаться. Мои роды начались из-за стресса, в котором был виноват, как раз, сам Максим. А ребенок? Мой мальчик задохнулся. Но что врачам помешало сделать кесарево сечение мне сразу?

Я ни грамма не уменьшала своей вины, но во мне что-то вдруг ожило, начало пробиваться сквозь гранитную глыбу вины, призывая открыть глаза, переосмыслить жизнь. Эта дикая мысль пришла ко мне темной ночью. В горле от неожиданности пересохло, дышать стало нечем. Как рыба глотала открытым ртом воздух, но еще больше задыхалась. Я бросилась на улицу, как была в одной ночной рубашке и с босыми ногами. Выбежала, упала на грязный весенний снег и стала громко дышать. Морозный воздух до боли наполнил легкие, остужая меня и мой воспаленный мозг, принося в мысли четкость и ясность.

Нужно жить дальше. Судьба позволила мне еще дышать и существовать. Так надо делать это с полной отдачей. Пусть я бесплодна, но на свете много детей, которым не хватает родительских любви и ласки. У меня есть работа, есть квартира. Я разведусь с Витей, отработаю долг Максиму, а потом подам документы на усыновление. Хочу жить!

После той ночи почувствовала, как сама изменилась. Пробуждение ранним утром больше не было тяжелым. Я с радостью поднималась с кровати под трель будильника. Спешила на кухню, опережая Нину Григорьевну.хлопотала с завтраком. Весь день проводила на ногах. И ночью засыпала с блаженной улыбкой на губах, вспоминая день проведенный с Ваней...

Ваня... маленький мальчик, чужой ребенок — мой катализатор. Та

искра, которая зажгла во мне пожар жизни. Я прикипела к нему . Приросла. Да, сначала видела в нем своего ребенка, но потом поняла — это другой мальчик, и он очень во мне нуждается. Ему не хватало простой человеческой ласки, чистого сердечного тепла. Не хочу лезть в семью Максима, но по мальчишке видно — любовь родительскую он видит очень редко. Это плохо, очень плохо. Стремясь достичь прекрасной, безбедной, полной удовольствий жизни, люди теряют главное — своих детей. А потом в старости удивляются, почему дети не уделяют им должного внимания и любви. Потому что они не умеют этого делать, не научили их родители.

Шебутной Ванька, почувствовав, что я готова ко всем его причудам, целыми днями изводил меня очередными грандиозными идеями: мы строили огромные замки из кубиков, бомбили их снарядами, лепили из пластилина всевозможных причудливых зверей, кидали в лужи сосульки и смотрели часами мультики. И мне это было не в тягость. Я с радостью соглашалась участвовать в играх парнишки. Его улыбки, смех были моими прививками, уколами, тем лекарством, которого мне так не хватало. Ванька лечил мою истерзанную душу, разравнивал рубцы на сердце.

Но оно еще страдало... как бы я не пыталась, во мне жила любовь к Максиму. И, не смотря на всю его жестокость, ненависть, я готова была ему уступить. Понимала, что и у него еще что-то теплится ко мне. Мое эго просило воспользоваться его чувствами, дать нам еще один шанс. А разум настойчиво просил отпустить все. И я с ним соглашалась. Нет больше нас, есть он и его семья. Рушить чужое счастье не для меня...

И пусть на душе скверно, и тело умирает без ласк Максима, но сердце поет от чувства, что я ожила.

Ночь уже давно наступила. Ванька спал, да и я тоже. Проснулась от того, что кто-то ложиться рядом со мной на кровать. Пахнуло холодом и перегаром. Максим... Он больно схватил меня за руку и дернул к себе. Я вскрикнула.

-Молчи, сука! Сына разбудишь, - прошипел он и больно сжал мое горло.

А потом навалился на меня всем телом. Я замерла в страхе... Сначала... Перерождение моего внутреннего я не прошло бесследно. Внутри меня все взбунтовалось. Мои руки уперлись в грудную

клетку Максима. Я начала вырываться. Брыкалась, кусалась. Он пытался перехватить мои руки и сжать и сильнее, но без результатов. Потом тяжело вздохнул и откатился на другой конец кровати. Полежал так несколько минут. И снова потянулся ко мне. Приготовилась к очередной битве. Но ее не последовало. Максим чуть приобнял меня и зашептал прямо на ухо:

- Почему, Лиз, - шепот полный боли тронул каждый мой нерв, - за что Господь ко мне так суров? Чем я его прогневил? Я же просто хочу жить. Хочу, чтобы дети мои жили, а он их забирает к себе... Меня пусть заберет... Я не могу так жить... устал.

Я молчала. Он легонько поцеловал мою шею, поднялся и шатающейся походкой вышел из комнаты.

До утра почти не уснула. Возвращения Макса не боялась. Просто лежала и думала, думала. Не позволив ему совершить очевидное, я доказала себе, что могу сопротивляться, могу жить иначе. Я больше не тепличное растение, а вполне жизненный росток, который может укорениться и в простой земле.

Утро началось как обычно. Старов не показывался до самого обеда. И, когда только Ваня уснул, наконец спустился в гостиную. Я разбирала разбросанные игрушки, поэтому не сразу его заметила. Подняла глаза и встретила с его взглядом. Он изучал меня. Стало как-то не по себе.

- Нужно поговорить, - нарушил он тишину, - жду в кабинете.

Развернулся и быстро ушел. А я стояла и смотрела ему в след. Сколько лет мне нужна была эта фраза? Сколько лет я приходила к порогу его дома, в надежде поговорить? Но ничего... И вот теперь он жаждет разговора? Хорошо, моя решимость снова возрождается во мне. Мы поговорим с тобой!

Полная энергии двигаюсь в кабинет. Но стоит мне зайти и сесть в кресло, как он моментально бьет по самому больному:

- Как только Ванька проснется, мы уедем с ним. В твоих услугах я больше не нуждаюсь. Можешь сказать своему муженьку, что долг отработан сполна. Тебя отвезут в город. Я больше не хочу тебя видеть и слышать. Будет лучше, если ты навсегда уедешь из этого города.

Все это он произносит пустым, безэмоциональным голосом. Максим

и сам выглядит неестественно. Как манекен какой-то. Непроизвольно начинаю подниматься в кресле. А саму трясет. У меня Ваню заберут. Нет, пожалуйста, только не сейчас. Я к нему привыкла. Он мне дорог стал...

- Я готова работать на тебя и дальше, - вырывается из меня раньше, чем я успеваю подумать. - Вам же нужна няня для Вани? Возьми меня на работу. Жалованье можешь платить минимальное...

- Лиза, - он перебивает меня, - ты не слышишь? Я не желаю, чтобы ты была рядом с моей семьей. От тебя одни беды! Неужели ты не понимаешь? Как только ты приближаешься к нам, кто-то обязательно умирает. Я устал терять близких... Теперь понимаю: моя самая большая ошибка в жизни — встреча с тобой. Но ее еще можно исправить. У тебя ровно две недели, чтобы навсегда исчезнуть. Не доводи до крайности.

Он уходит. А я так и остаюсь сидеть в кресле. Ничего не слыша и не видя... я несу смерть... а, ведь, он прав: родители, ребенок, бабушка... так зачем мне жить?

Обхватываю голову руками, больно сжимая вески. Нет! Нет, эти мысли нельзя снова пускать в мою голову. Прочь! Я не буду думать о смерти. Слишком легко, слишком ненадежно. Мой путь уже выбран, просто мне его тяжело принять. Лиза, очнись, призываю я себя. Ты с самого начала понимала: Ванька чужой ребенок. И то, что ты его няня, временное явление, способ, выдуманный Максимом, для твоего наказания. Однако это наказание стало твоим исцелением.

Туманная дымка придуманной эйфории растаяла. Наступила реальность. Пора смотреть на жизнь без розовых очков. Да, Максим забрал сына — очевидный факт. Он везет его домой к матери. С этим необходимо смириться. Как и с тем, что ты больше не нужна Максиму. По сути, ты ему уже давно не нужна. У него есть жена, ребенок, будут еще дети... ты вырванный лист из его календаря жизни. Вырванный, исписанный, давно забытый клочок бумаги, который он почему-то еще хранил, но теперь решил окончательно с ним расстаться. Выкинуть за ненадобностью. Убеждаю себя...

Вряд ли я снова полюблю. Мое сердце разорвано на куски и сшито снова грубыми стежками. Новой волны переживаний эти швы не выдержат — разойдутся тут же. Поэтому оставшуюся жизнь я проведу без любви и мужчин... горько, даже спустя столько лет

переживаний, осознавать, что единственный любимый тобой человек будет ненавидеть тебя вечно. Прощение чуждо Максиму... Ему необходимо унижить, растоптать человека, чтобы удовлетворить свое нутро. И чем он лучше своего отца?

Как слепа я была, как могла отдать свою жизнь этому страшному человеку. К горлу подкатывает ком, а глаза начинает щипать от слез.

- Тетя Лиза, - голос ребенка звучит как-то далеко, - папа сказал мы уезжаем. А ты с нами не поедешь?

Мое сознание медленно проясняется от этих слов. Трясина мыслей, которая уже готова была поглотить меня с головой, не хотя, но позволяет мне немного из нее выбраться. Я смотрю на Ваньку. В его глазах застыла такая надежда, что у меня просто нет сил ее разрушать.

- Нет, Ванюш, я не поеду, - отвечаю ему и тут же поспешно добавляю, - но я скоро приеду к тебе в гости. Будешь меня ждать?

- Конечно, - радостно вопит мальчуган.

И я радуюсь вместе с ним. От свирепого взгляда Максима на моей спине уже две прожженные дыры, но мне плевать. Пусть злиться, пусть ненавидит, пусть наймет своих охранников, чтобы они меня избили. Я уеду, но перед отъездом обязательно увижу Ваню. Этот мальчик дал мне слишком много — веру в себя, которую сейчас чуть не разрушил его отец. Начинаю плакать. Улыбаюсь парнишке, а слезы сами текут по щекам. Неожиданно Ванька подходит ко мне и касается моей щеки.

- Не плачь, Лиза, - говорит он, - я к тебе сам приеду, правда, пап?

- Да, - хрипло раздается за моей спиной.

- Хорошо, беги, малыш, а то папка будет ругаться.

Треплю мальчика по волосам. Он еще раз улыбается мне и уходит. Кабинет снова наполняется пустотой. Я сижу и слушаю ее. Как будто надеюсь что-то услышать. Но тишина не спешит со мной разговаривать.

Наконец, я решаюсь — иду в комнату, которую занимала все это время и собираю вещи. Вот и все закончилось. Страшные мысли, посещавшие меня сначала остались в прошлом. Мне больше не стоит бояться Максима. Страх, который долгие годы был моим верным

спутником ушел. Растаял в безразличие Старова ко мне. Для него меня больше нет. Значит и мне пора выкинуть его из жизни. Но помнить о Максе я все равно буду, как об отце моего малыша.

Вещи собраны быстро. Захожу на кухню, чтобы проститься с Ниной Григорьевной. За недолгое время эта женщина стала мне дорога. Она напомнила мне мою бабушку.

- Лизонька, - говорит она, глядя на меня пристально, - ты не вини Максима в жестокости... Он хороший, просто его жизнь таким сделала. Я его знаю с детства, няней у них была... и, так уж вышло, о ваших отношениях мне известно. Не верю я, что ты ему изменяла, пока он в армии был. Не похожа ты совершенно на гулящую женщину, для которой ребенок - обуза. А ребеночка ты не убивала, так просто вышло...

- Что простите? - до меня никак не доходит смысл ее слов.

- Готова? - резкий голос Максима вклинивается в наш разговор.

Я машинально поворачиваю голову, он смотрит на меня пристально. Молчу, находясь в ступоре от слов Нины Григорьевны. Он, не разрывая нашего зрительного контакта, начинает снова говорить:

- Лиза, я спросил ты готова? У меня нет лишнего времени.

- Ты сам меня повезешь? - наконец соображаю я.

- Да, я должен проследить, чтобы ты не наделала глупостей и четко выполнила мои указания.

Вот это номер! Сам приказал мне выматываться не только из дома, но и из города, а тут решил лично доставить меня до моего дома.

Максим берет сумку с моими вещами и выходит из дома. Мне ничего не остается, как последовать за ним. Я бросаю последние слова прощания пожилой женщине и выхожу во двор. Макс ждет меня в машине за рулем. Значит поедем вдвоем. Не доверяет, думает сбегу? Но сейчас это не важно. Всю дорогу мы молчим. Он, видимо, не желая говорить, а я обдумываю слова Нины Григорьевны. С чего это женщина решила, что я гуляла, пока не было Максима? Что ему наговорили про меня?

За раздумьями не замечаю, как мы останавливаемся. Оглядываюсь. Максим не мог забыть адрес моего дома, зачем он привез меня на набережную?

- Зачем мы здесь, Максим, - озвучиваю я свои мысли вслух.

Он какое-то время молчит, смотря вдаль. А потом произносит.

- Помнишь, как мы убегали с последних уроков в одиннадцатом классе и бродили здесь?

- Помню...

Отвечаю, а саму сковывает. Что он собрался сделать? Для чего начал ворошить прошлое. Пару часов назад я решила, что нужно оставить былое, уйти от него, но как это сделать, если он снова меня кидает в воспоминания, вороша почти затухнувшие угли чувств...

- Ты так боялась, - продолжает он с улыбкой, - что нам за это попадет, а я смеялся и шутил над тобой.

- Да, мне потом действительно попало от бабушки, - тихо говорю я.

- Ты обзывала меня дураком и лентяем...

- А ты меня зубрилкой...

- Мы целовались, сидя на камнях...

- Максим...

Я хочу, наконец, понять, что он задумал, но не успеваю произнести вопрос в слух. Его лицо резко оказывается в паре сантиметров от меня. Он смотрит на мои губы и с легкой хрипотцой в голосе говорит:

- Ради тех воспоминаний, ради всего хорошего в нашем прошлом... подари мне прощальный поцелуй, Лиз... настоящий. Такой, как если бы ты меня еще любила...

Простые слова, а мне от них плохо. Меня тряссти начинает и слезы уже застыли на ресницах. Вот теперь точно все. Прошлое умрет через несколько мгновений. Раствориться навсегда, останется лишь послевкусие прощального поцелуя, которое сотрется с годами. Нельзя этого делать, но в голове звучит одно — в последний раз можно.

Тянусь к нему. Касаюсь своими губами его. Целую. А по щекам уже катится соленая влага. Он отвечает. Нежно, ласково так, что тону в этом моменте, отдаюсь вся этим прекрасным ощущениям. И словно нет всей той боли и ненависти прожитых лет... Мы снова подростки, у которых вся жизнь впереди.

Мы не замечаем ничего... Поцелуй все длится и длится. Но он не вечен. Максим первым отрывается от меня. Не произнося ничего, он отворачивается и заводит машину. Теперь мы направляемся к моему дому. И снова тишина в авто. Я не произношу ни слова. Они не нужны. Пусть последним, что было между нами останется этот поцелуй, а не банальные фразы.

И, как только мы въезжаем во двор и машина останавливается, я быстро покидаю транспорт и иду к подъезду. Даже о вещах забываю...

Но у самых входных дверей вижу сгорбленную фигуру мужчины в грязной, разорванной одежде. Он пытается дотянуться до кнопки домофона, но не справляется и падает на землю. Машинально подбегаю к нему. Я не сразу узнаю Виктора в этом мужчине. Склоняюсь над ним. И мне становится страшно. То, что я посчитала сначала грязью, на самом деле является кровью. А темного цвета она, потому что из района печени у Вити торчит здоровый нож.

Крик застывает в горле. Я закрываю рот руками. Меня парализовывает от увиденного. Витя фокусирует взгляд на мне и еле произносит:

- Старов... он все узнал... он отомстил...

Что-то булькает у него во рту, а потом от туда вытекает струйка крови. Муж замирает без признаков жизни. Не понимая еще, что он умер, я оборачиваюсь и встречаюсь взглядом с Максимом. Неужели он его убил? А теперь меня убьет как ненужного свидетеля признания Вити? Спасительная тьма забирает меня к себе, отключая мое сознание...

Глава 12. Максим

Тебя ударили по одной щеке, подставь другую. Так говорят. Упорно всю жизнь старался ломать этот стереотип — безрезультатно. Судьба, изворотливой змеей, умудрялась добраться до второй щеки. Я потерял одного ребенка, теперь и второго не стало... В больницу не ехал, а летел, сломя голову. Внутри все сжималось. Ну почему так? Злился. Сильно. На Алиску дуру, которая решила отдохнуть, хотя не стоило ей лететь на таком раннем сроке за границу и пьянствовать со своей обожаемой подругой. Но больше на себя злился. Как мог согласиться на предложение отца — поезжайте, отдохните! Надо

было отказаться, разругаться с ним. За женой следить нужно. А я...

Стоило Лизке оказаться рядом и потерялся я. Даже не мезтью стал жить, а потребностью просто видеть ее рядом. Голос слышать, аромат ее тела чувствовать. Касаться иногда. Я, как наркоман, которого давно вылечили, но спустя столько лет снова предложили уколоться. Сорвался. Моя одержимость Лизой стала безумной. Даже сейчас, добираясь в больницу к жене, даже потеряв ребенка, думаю о своей тростинке...

Моя она! Бл***ь! И с силой по рулю ударяю. Грех, Господи, знаю, что желаю жену другого, но она моя по праву. Как только все уляжется, разведусь с Алиской и буду жить с Лизой. Я ей все готов простить, все забыть. Теперь точно в этом уверен, потому что пары минут без нее не могу прожить. Из дома только уехал, а уже хочу к ней обратно... Плевать на отца, заберу сына и Лизу и уеду. К дьяволу все пошлю, но с ней останусь!

Наивный... Если бы знал в тот миг, что мои мечты навсегда останутся мечтами.

Моего папочки на удивление в больнице я не встретил. А вот друг был на дежурстве. Он то мне все и поведал.

- Ну что сказать, - начал Вася, - картина, конечно, не очень приятная. Твоя жена потеряла ребенка из-за сильных побоев и психологического стресса...

- Что? - я даже осмыслить до конца его разу не успел, зарычал мгновенно. - Какие побои?

- Обычные, - продолжил друг, смотря на меня в упор, - которые руками и ногами оставляют на теле. Макс, ее били, сильно, не разбирая куда. Это ты сам поймешь, когда увидишь Алису. Кому ты так сильно насолил?

Он продолжает на меня смотреть. А у меня волосы на затылке начинают вставать. Я насолил? Кто посмеет пойти против меня в нашем городе? Только смертник! Тот, кому нечего терять. И я готов в лепешку разбиться, но такого человека точно не смогу найти.

- Я должен заявить в полицию об этом инциденте, - продолжает Климкин. - Жестокое избиение женщины, повлекшее потерю ребенка.

- Понял, заявляй, но завтра. Сегодня я сам буду искать виновного, - говорю я так, что друг меня понимает сразу.

- Хорошо. Она в третьей палате. Я через пару минут зайду, мне ей укол надо вколоть со снотворным.

- Понял.

Иду. Просто иду на автомате. В голове только одна мысль — кто? Найду тварь и кишки вырву, яйца отрежу и заставлю сожрать!

В палате полумрак. Подхожу ближе к кровати. Алиска лежит, отвернувшись лицом к стене. Левая рука в гипсе, как и нога. Вся правая рука покрыта синяками. На лицо страшно смотреть. Все старые пластических хирургов полетели коту под хвост: глаза заплыли от огромных синяков, губы разбиты, правый висок рассечен... каким садистом надо было быть, чтобы это сделать? Присаживаюсь на корточки рядом с кроватью. Аккуратно беру ее за правую руку. Она открывает глаза. Смотрит на меня и начинает плакать. Тихо глажу ее по волосам.

- Алиска, родная, не плачь, - на душе тошно становится, - я этого козла из-под земли достану. Сегодняшней же ночью найду суку. Ты только скажи мне, кто это сделал.

Она сжимает разбитые губы. Закрывает глаза. Плачет тихо некоторое время, а потом одними губами шепчет мне:

- Левшин...

Отпускаю ее руку. Сжимаю до хруста пальцы в кулаки. Наклоняюсь к жене и целую ее в лоб.

- Поправляйся, милая.

У меня больше нет свободного времени. Завтра приеду к ней с цветами и фруктами. Сейчас мне позарез нужно поговорить с человеком, который слишком активно вторгается в мою жизнь...

Тебя ударили по одной щеке, подставь другую. Так говорят. Упорно всю жизнь старался ломать этот стереотип — безрезультатно. Судьба, изворотливой змеей, умудрялась добраться до второй щеки. Я потерял одного ребенка, теперь и второго не стало... В больницу не ехал, а летел, сломя голову. Внутри все сжималось. Ну почему так? Злился. Сильно. На Алиску дуру, которая решила отдохнуть, хотя не стоило ей лететь на таком раннем сроке за границу и пьянствовать со своей обожаемой подругой. Но больше на себя злился. Как мог согласиться на предложение отца — поезжайте, отдохните! Надо было отказаться, разругаться с ним. За женой следить нужно. А я...

Стоило Лизке оказаться рядом и потерялся я. Даже не мезтью стал жить, а потребностью просто видеть ее рядом. Голос слышать, аромат ее тела чувствовать. Касаться иногда. Я, как наркоман, которого давно вылечили, но спустя столько лет снова предложили уколоться. Сорвался. Моя одержимость Лизой стала безумной. Даже сейчас, добираясь в больницу к жене, даже потеряв ребенка, думаю о своей тростинке...

Моя она! Бл***ь! И с силой по рулю ударяю. Грех, Господи, знаю, что желаю жену другого, но она моя по праву. Как только все уляжется, разведусь с Алиской и буду жить с Лизой. Я ей все готов простить, все забыть. Теперь точно в этом уверен, потому что пары минут без нее не могу прожить. Из дома только уехал, а уже хочу к ней обратно... Плевать на отца, заберу сына и Лизу и уеду. К дьяволу все пошлю, но с ней останусь!

Наивный... Если бы знал в тот миг, что мои мечты навсегда останутся мечтами.

Моего папочки на удивление в больнице я не встретил. А вот друг был на дежурстве. Он то мне все и поведал.

- Ну что сказать, - начал Вася, - картина, конечно, не очень приятная. Твоя жена потеряла ребенка из-за сильных побоев и психологического стресса...

- Что? - я даже осмыслить до конца его разу не успел, зарычал мгновенно. - Какие побои?

- Обычные, - продолжил друг, смотря на меня в упор, - которые руками и ногами оставляют на теле. Макс, ее били, сильно, не разбирая куда. Это ты сам поймешь, когда увидишь Алису. Кому ты так сильно насолил?

Он продолжает на меня смотреть. А у меня волосы на затылке начинают вставать. Я насолил? Кто посмеет пойти против меня в нашем городе? Только смертник! Тот, кому нечего терять. И я готов в лепешку разбиться, но такого человека точно не смогу найти.

- Я должен заявить в полицию об этом инциденте, - продолжает Климкин. - Жестокое избиение женщины, повлекшее потерю ребенка.

- Понял, заявляй, но завтра. Сегодня я сам буду искать виновного, - говорю я так, что друг меня понимает сразу.

- Хорошо. Она в третьей палате. Я через пару минут зайду, мне ей

укол надо вколоть со снотворным.

- Понял.

Иду. Просто иду на автомате. В голове только одна мысль — кто? Найду тварь и кишки вырву, яйца отрежу и заставлю сожрать!

В палате полумрак. Подхожу ближе к кровати. Алиска лежит, отвернувшись лицом к стене. Левая рука в гипсе, как и нога. Вся правая рука покрыта синяками. На лицо страшно смотреть. Все старая пластических хирургов полетели коту под хвост: глаза заплыли от огромных синяков, губы разбиты, правый висок рассечен... каким садистом надо было быть, чтобы это сделать? Присаживаюсь на корточки рядом с кроватью. Аккуратно беру ее за правую руку. Она открывает глаза. Смотрит на меня и начинает плакать. Тихо глажу ее по волосам.

- Алиска, родная, не плачь, - на душе тошно становится, - я этого козла из-под земли достану. Сегодняшней же ночью найду суку. Ты только скажи мне, кто это сделал.

Она сжимает разбитые губы. Закрывает глаза. Плачет тихо некоторое время, а потом одними губами шепчет мне:

- Левшин...

Отпускаю ее руку. Сжимаю до хруста пальцы в кулаки. Наклоняюсь к жене и целую ее в лоб.

- Поправляйся, милая.

У меня больше нет свободного времени. Завтра приеду к ней с цветами и фруктами. Сейчас мне позарез нужно поговорить с человеком, который слишком активно вторгается в мою жизнь...

Пять дней я искал эту сволочь. Землю рыл. Ничего. Его нигде не было. Мои ребята прошерстили все. Это Лизке он плел, что работает, но я знал о Левшине всю правду. Ни х***я этот гондон не работал. А жил за счет баб. Прикидывался бедным и несчастным страдальцем, у которого жена отняла все и выгнала из дома, вот женщины и велись на его сказки. Сколько у нас по стране одиноких сидит — миллионы. И всем им хочется немного — тихого женского счастья.

Витек преуспел в этом. Найдет себе какую-нибудь дуру в другом городе и ездит к ней. Она его кормит, поит, одевает, в постели обхаживает. Он поживет немного и домой — родителей навестить.

Наскучит ему новая пассия — уходит. Так, мол и так, извини, дорогая, надо расстаться — люблю другую. И все ему с рук сходило, все легко было. Из баб деньги тянул и играл. Просаживал все в автоматах и казино.

Когда я только накопал про него все это дерьмо, хотел Лизе показать. Ударить желал побольнее. Чтобы видела, какой у нее «прекрасный» муж. А потом подумал: может она его так же, как те дуры любит? Что Витек ее любил еще со школы, я знал. Этот дурак даже пару раз драться со мной из-за Лизки хотел, но силенками не вышел. Быстро получал от меня и сваливал. Один раз напился Левшин и по душам со мной говорил. До сих пор смешно становится: чуть не со слезами на глазах умолял отдать Лизу ему. Он, видите ли, без нее жить не может, нужна ему, все мысли о ней. Рассказал, что уже решил, как пройдет их свадьба, первая брачная ночь... Я ему тогда за ночь так всыпал, что он две недели дома просидел с синяками...

У меня фотографии были, на которых он с другими. Я тогда долго собирался, чтобы пойти к ней. Решился. К дому подошел, а они у подъезда. Она смеется. Он большой букет роз держит. Счастливые... И правду — любят друг друга. Значит со мной игра была? Испугалась влияния моей семьи, а может. Наоборот, воспользоваться этим решила? Бедная сирота поднявшаяся за счет богатого мужа? А, когда поняла, что ничего не выйдет, сбежала к другому...

Я после того дня несколько дней из пьяного угара не вылазил. Подкараулил Витька ночью, когда он пьяный от очередной давалки возвращался и чуть не зарезал. В спину шел ему дышал. Мечтал увидеть его захлебывающимся кровью, но не смог... на миг ее заплаканное лицо представил. Не убийца я, не монстр.

И сейчас я рыскал в поисках гниды по всем адресам его баб, но убивать не хотел. Он сесть должен, надолго, на всю оставшуюся жизнь. Друзья в органах помогут. Вот только найти бы его!

Все эти дни к Лизе и Ване я не ездил. Нельзя! Если к ним вернусь, забуду про поиски. Вместо этого к Алисе ездил. Мы разговаривали с ней обо всем и не о чем. Иногда просто молчали. Про избиение я не спрашивал, да и она не говорила. Старались обойти эту тему стороной. Алиска и я разные люди, которых ничего не связывает....

Измученный безрезультатными поисками я, наконец, решил хоть глазком посмотреть на Лизу. Жаждал прикоснуться к ней и

завершить начатое на кухне тогда. Поговорить нормально и предложить уйти ко мне... Цинично бросать избитую жену, но мы с ней чужие. Моя жизнь рядом с другой женщиной.

По пути заглянул в больницу. Жена словно почувствовала, что я ухожу от нее. Схватила меня за руку и сжала ее крепко. Смотрит глазами, полными слез, и шепчет, как молитву:

- Максим, родной мой, не бросай меня, не уходи...

- Алиска, - я попытался вырвать у нее руку, но она не отпускала, - ты чего?

- Я же чувствую, что ты бросить меня хочешь ради нее... Ты до сих пор ее любишь, знаю. Сколько раз ты меня ее именем называл, я все терпела. Не уходи! Заклинаю! Ну зачем она тебе? Она же снова боль причинит!

- Не тебе решать! - вырываю все таки руку.

- А о сыне ты подумал? Что ему скажешь? Променил мать на чужую тетку?

Отворачиваюсь от нее, не обращая внимания на крики. Но последние слова Алиски режут по сердцу острым лезвием.

- Максим, - снова молит она, - не рушь семью. Я изменюсь, стану такой, какой захочешь. Я смогу еще родить тебе... Ради сына, не бросай меня.

Молча вышел из палаты. По больному ударила, сука. Знает, как я сына люблю. Для него все сделаю. Вот и бьет. У отца моего научилась. Сажусь в машину и номер Нины Григорьевны набираю. Она быстро отвечает:

- Максим, у вас все нормально? Как Алиса себя чувствует? - интересуется женщина.

- Все хорошо, она идет на поправку. Вы там как?

- Мы с Ваней чай пьем. А Лиза пошла переодеваться.

- Дайте мне с ним поговорить.

Через несколько секунд возни слышу довольный голос сына:

- Привет, пап.

- Привет, сынок.

- А ты скоро приедешь?
- Скоро, сегодня.
- А мама?
- Вань, мама пока не может, - говорю спокойно.
- Почему? - слышу, как ребенок начинает хныкать. - Я к маме хочу... Мамааа...

Теперь в трубке отчетливо слышен плачь...

- Максим, - трубку перехватывает Нина Григорьевна, - ты приезжай скорее. Дети без родителей не могут расти.
- Хорошо.

Она отключается. А мне дышать трудно становится. Тело будто между тисков зажимают. Еще час назад я был уверен в своей жизни. Знал, что сегодня буду засыпать со своей женщиной, а теперь? Как мне объяснить маленькому человечку, что папа и мама больше не вместе? Как рассказать, что он будет теперь жить с кем-то одним, а другого изредка видеть? Мы ставим свои интересы и желания выше своих детей, не обращая внимания на то, что калечим сами судьбы деток.

Не правильно так. Мой сын не должен расти без одного из родителей. У него будет семья с папой и мамой! Сам наступаю себе на горло. Загоняю в самую глубь себя все мысли о Лизе, но они ядовитым плющом обвивают меня изнутри, отравляя все.

Еду по привычному маршруту. Клуб, выпивка... но внутри все горит от боли. Мне она нужна, Лиза, чтобы потушить этот пожар. Залечить меня. Я уже принял решение.

А ноги все равно к ней несут. Сажусь за руль, игнорируя возгласы охраны. Доезжаю до дома. Неуверенным шагом подхожу к двери ее комнаты. Все вокруг пахнет Лизой. Дышу и не могу надышаться... То, что сейчас сделаю, мерзко и отвратительно, но мне необходимо ее тело.

Лиза спит. Хватаю ее за руку и дергаю на себя. Она пытается сопротивляться. Но я груб. Насилие не входило в мои планы. Это единственное решение, которое пришло мне на ум. Поступив так, я навсегда стану отвратителем ей и себе. Общего между нами уже никогда не будет, только эта мерзость.

Собираюсь быть грубым и не могу... ухожу. Падаю на кровать, не раздеваясь, так и сплю до самого утра.

Утро вечера мудрее. И мой ночной поступок кажется мне бредом больного человека. А решение было на поверхности.

Просто убрать Лизу из своей жизни я не смог. Если она останется в городе, то я приеду к ней все равно. Придумаю любой тупой предлог, чтобы увидеться. Приползу и буду у двери ее сидеть. Поэтому приказываю ей покинуть город. Унижаю ее специально, чтобы возненавидела меня, презирать начала... А она вместо этого просит оставить ее. И что мне делать? Чуть не бросился к ней. На колени хотел упасть, обнять, прижать, сказать, что люблю до сих пор ее... Нет, слишком поздно.

Давно не чувствовал себя так погано, как в тот момент, когда Ванька с Лизой прощались. Думал пошлю все к чертям, но выдержал. Ванька был безумно счастлив, оказавшись дома и увидев маму, которую на день отпустили из больницы. Он сразу залез к ней на кровать. Алиса обняла его и заплакала. А я вышел, чтобы им не мешать.

То, что я сам повезу Лизу, решил сразу. Но привозить ее на набережную, в мои планы не входило. Это было спонтанное решение. Понимал, мы прощаемся навсегда, больше я ее не увижу. Не прикоснусь, не вдохну ее запах, не услышу смех Лизы... Буду всю оставшуюся жизнь существовать, а не жить. Просыпаться каждый раз, думая о ней. Заполнять каждую свободную минуту дня чем угодно, только чтобы голова не думала. А ночью, после секса с нелюбимой женщиной, безмолвно выть от тоски и боли. Иногда, как можно реже, приезжать в чужой город, где будет жить Лиза, и смотреть на нее. Любоваться такой желанной и такой недостижимой для меня женщиной... Как будто в насмешку из магнитолы донеслось:

«Последний раз ты со мной, последний раз я твой...1»

И этот поцелуй — в самое сердце ударил. Наконец, понял какая я мразь. Сколько же можно над Лизой издеваться... Я ее ломал в угоду своего эгоизма. Крушил жизнь чужого человека. Но ее и так жизнь наказала: он ребенка потеряла, а для любой матери это невыносимо; муж изменяет. Не жизнь, а сплошная черная полоса. И я тут со своей местью. Придурок конченный... Теперь я должен просто ее отпустить.

Довез до дома. Она выбежала. Противен я ей. Да, Лиз, презирай меня, заслужил... И надо было же судьбе так ударить — нашелся Левшин, правда умирающий и обвиняющий в этом меня. Но я этого не делал!

1Группа Мальчишник «Последний раз»

Глава 13. Лиза

Как красиво в храме! Не найти эпитетов, чтобы передать все великолепии, созданное кистями и красками иконописцев. Четкие, ровные линии, которые должны призывать к порядку, вызывают в душе только восторг. Такой и должна быть красота! Настоящей, созданной для того, чтобы внушать людям хорошие мысли...

Я стою и люблю сводом церковного храма. А должна оплакивать убитого мужа. Опускаю глаза и смотрю на Витю. Его тело лежит в гробу, а священник ходит вокруг, читая молитву. Рядом с гробом многочисленная родня покойного. Они все стоят плотным кружком так, что мне и места рядом не хватило. Многие плачут. Но не я.

За эти три дня я не смогла пролить не слезы. И не старалась. Не могу. После того, как я пришла в себя, на меня навалилась какая-то апатия. Все стало безразлично. На все расспросы отвечала невпопад. Внутри меня жила только одна мысль — неужели Максим, действительно, убил Витю? Ответа мне видимо было не найти... Пришла в себя я на руках у медиков скорой помощи, которых, как и полицию, вызвал Максим. Старов передал меня в руки медиков, а сам уехал, сказав полиции, что будет разговаривать с сотрудниками только в присутствии своего адвоката. Больше я его не видела.

Похороны занялась семья мужа. Родственники Вити меня не то чтобы не любили — меня не воспринимали никак. Мать мужа все эти годы считала, что я сломала жизнь ее сыну, поэтому категорически отказывалась приходить к нам в гости, как и видеть меня в их доме. Мне было обидно, но я не спорила с ней. И вот сейчас, посматривая иногда на пожилую женщину, я понимала: она скоро выскажет мне все, что накопилось у нее за эти годы. У нее горе, и ей просто нужно выплеснуть на кого-то весь свой негатив. А я лучшая мишень.

Но женщина права — Витю убили из-за меня. Если бы я не вышла за него замуж, то Максим не стал бы мстить и ему. Только я была бы единственной целью. Почему я тогда согласилась на предложение Виктора? Зачем тряслась над этой квартирой? Надо было уехать из

этого города еще десять лет назад. Может удалось бы избежать всего этого ужаса...

Отпевание закончено. Тело с гробом выносят из церкви, ставят в машину и везут на кладбище. Я еду рядом с гробом. Сажу и смотрю на белое лицо мужа, а не вижу его. Господи, что же я творю? Рядом лежит тело человека, который был моим супругом почти десять лет. Мы вместе жили, ели, спали, сексом занимались... а я сажу и думаю о другом. На похороны пришли почти все наши одноклассники, но Старова нет.

Холодный ветер пронизывает тело до костей. На черной земле столпилась группа людей в черном... И нет ни единого белого пятна в этой нерадостной картине. Даже последний нерастаявший снег и тот грязно-серого цвета. Белого цвета только лицо умершего, к которому все подходят и прощаются. Кто-то быстро, не целуя, кто-то что-то говорит. Мать Вити стоит долго. Причитает, плачет... Последней подхожу я. Смотрю на мужа и, наконец, понимаю — нет его больше! Умер он! И внутри рвется тяжелая тугая струна. А наружу вырывается поток слез. Пусть я так его и не любила, но он был мне дорог. Наклоняюсь и целую его ледяные губы. Вот так мы и жили — он, любя меня, и я, вечно ему обязанная. И теперь мой долг проводить его достойно...

- Все попрощались? - спрашивает батюшка.

- Подождите, - голос Максима громом гремит среди весеннего дня.

Он подходит к гробу. Во всем черном, как ангел смерти. Я невольно им люблюсь. Максим кладет руку на руки Вити и говорит тихо, но я слышу.

- Прости меня, друг, прости... Твой убийца за все ответит, я обещаю...

Старов отходит в противоположную от меня сторону. А гроб закрывают крышкой и опускают в землю. Убитая горем мать бросается к могиле. Ее держат. Я наблюдаю за всем этим, как за сменяющимися картинками какого-то дурного кино. Мне хочется закричать, растолкать людей и... бросится к Максиму, потребовать от него объяснений, попросить покоя. Но я стою и смотрю на все, молча плача.

Вот и все. Был человек и нет его. Закопали в землю и не встать ему больше... Люди начинают расходиться. Кто-то поедет еще поминать

покойного, а кто-то домой или на работу. Остались только родители, брат Вити, я и Максим.. Я не вижу его, но чувствую его взгляд на себе.

- Сука, - мать Виктора и так слишком долго терпела, - тварь, это ты виновата в смерти моего сына. Ты разрушила его жизнь. Он все для тебя делал, а ты им помыкала. Ты никогда его не любила. Он все эти годы страдал из-за тебя шалавы. Мой сын работал, как проклятый, чтобы отдать твои долги. Довольна? Теперь он в могиле, а ты уже завтра приведешь в свой дом нового хахаля. Ненавижу тебя! Будь ты проклята! Сдохни!

Ее прерывают муж и сын. Они утаскивают разгневанную женщину. Оставляя меня одну. Я ждала, что женщина будет так кричать, но внутри все кровоточит от ее слов. Меня снова обвинили в смерти человека... Может я и правда несу всем смерть. Так и Максим говорит.

Словно поняв, что я подумала о нем, Макс подходит ко мне сзади. Разворачивает к себе лицом и обнимает. Я прячу лицо у него на груди и начинаю истерично реветь. Все то, что я копила последние недели, кромсает меня на части. И из груди рвутся крики, полные боли. Я устала, очень устала.

Он гладит меня по волосам и молчит. А мне слов и не нужно. Мне сейчас просто хочется выплакать свою горе...

- Лиза, - голос Димы, брата Вити, заставляет меня оторваться от Максима. - хотел тебе кое-что сказать.

- Слушаю, - проговариваю осипшим голосом.

- Понимаешь, - он говорит, стараясь не смотреть на Макса, - Витя знал, что его скоро могут убить, поэтому он переписал все свое имущество на меня. Квартира, в которой вы жили, теперь принадлежит мне. Я бы хотел, чтобы ты съехала из нее через три дня.

Он разворачивается и уходит. А я смотрю на Макса и мне кажется, что все это страшный сон. Но это не сон. Это чудовищная реальность, которая решила уничтожить меня во чтобы-то не стало. Мне, кажется, что я дошла до низшей точки немилости судьбы, но это не так. После следующей фразы Максима я лечу напрямик в пропасть:

- Лиза, ты сказала следователю, что это я якобы убил Виктора?

Он смотрит в мои глаза и держит руками за плечи. А у меня

ощущение, что я в тисках зажата и подключена к детектору лжи. Совру сейчас и все — тиски сожмут меня, ломая кости и заставляя умереть в муках.

- Нет, - произношу на выдохе.

-Хорошо, - произносит он и чуть ослабевает захват, - будет лучше, если ты будешь, вообще, молчать о том, что Витя говорил. Ясно?

- Да.

Он меня отпускает, и уходит. А я чуть не падаю, потому что ноги подкашиваются. Неужели все таки да? Он убил моего мужа? Этого просто не может быть! Максим был со мной. Дура! Он мог нанять киллера. Становится страшно. Человек, которого я продолжала любить не смотря не на что, оказался убийцей. Правда жизни слишком сурова.

Я бреду по кладбищу к выходу. Ровные ряды могил, разные ограды, надгробия, кресты... Тишина и покой. Мертвых больше не интересуют проблемы живых, они спят вечным сном. Как же мне хочется сейчас заснуть так же и не просыпаться. Я устала! За что бог так меня испытывает? Почему? В ответ привычная тишина...

А у меня мозг лихорадочно начинает работать. Если Максим убил Витю, значит их что-то связывало. Я? Скорее всего, а может нет? Когда Максим пришел в наш дом, он сказал Витя — игрок. Мать Вити орала на кладбище о моих долгах... Квартира, за которую мы платили кредит теперь принадлежит Диме... А может макс убил Витю из-за денег? Если бы все же была замешана я, то отомстить Старов мог и раньше, а тут только спустя столько лет. Я была «довеском» к долгу Вите. Максим решил еще больше унижить мужа, принуждая меня стать его игрушкой... Как много всего — целый клубок, который мне совершенно не хочется распутывать.

Все стало безразлично. Противно. На меня опять вылили грязь, а я должна стоять и улыбаться? Витю не вернуть, но я буду всегда его помнить. Максим... пусть любовь в моем сердце еще жива, но я люблю другого парня. Того, кто дарил мне сорванные на городской клумбе цветы, пел песни по ночам у балкона, признавался в любви стихами, мечтал о куче детей и своем доме. А не этого монстра и убийцу.

Больно за квартиру. Из-за нее я пошла на брак с Витей, вот и поплатилась за свою жадность.

Может это и лучше? Пусть забирают это жилье, меня теперь здесь точно ничего не держит. Пора уезжать...

У ворот кладбища машин уже не было, кроме одной. Меня никто не ждал. Даже на поминках мое присутствие было нежелательно... Из той одинокой машины вышел стройный брюнет. Он направился ко мне. Стала его терпеливо ждать, потому что его лицо показалось мне знакомым.

- Здравствуйте, Лиза, примите мои соболезнования, - проговорил мне вежливо подошедший мужчина. - Вы меня не помните?

- Здравствуйте, спасибо, - так же вежливо ответила я. - Извините, но нет.

- Я, Константин Жаров, следователь, который ведет дело об убийстве вашего мужа. Понимаю, что сейчас не самый лучший момент, но можно вам задать пару вопросов?

- Да, - сказала, а сама руками плечи охватила от холода.

- Вы замерзли, - он быстро понял мой жест. - Все машины уехали, вам определенно не на чем будет добраться до города. Давайте, я вас довезу до дома, заодно и вопросы задам, согласны.

- Согласна.

Терять мне уже нечего. А ответить на вопросы следствия придется все равно. Вот только что я ему скажу? Пошла за следователем к машине. И вдруг меня озарила мысль — вот мой шанс наказать семью Старовых, уничтожить их доброе имя, заставить заплатить Максима за смерть мужа и мое унижение... Осталось только решить, хочу ли я этого?

Глава 14. Максим

- Куда едем, шеф? - голос водителя вырывает меня из тумана мыслей.

- Давай на работу.

- Хорошо.

На работу, за город, хоть к черту на кулички, лишь бы не домой. Не хочу туда... Там Алиска, за «хорошее поведение» отпустили лечиться домой, я не желаю ее видеть. Да, пообещал больше времени

проводить дома с сыном, но не могу сейчас этого сделать. Я, вообще, ничего не могу сделать. Беспомощен и жалок. Зачем мне дальше к чему-то стремиться, если за меня давно все решает отец. Даже, казалось бы, те решения, которые были приняты мной, по сути оказались его желаниями. Еб***ый кукловод, как я его ненавижу!

Бросаю последний взгляд в сторону кладбища. Там за оградой и могильными плитами осталась она, Лиза. И мне к ней больше ни шагу не сделать, ни разу не прикоснуться. Убийство ее мужа предупреждение для меня — еще одна встреча с ней, и следующие похороны будут ее...

В тот вечер, когда мы с Лизой нашли тело Витьки, и я услышал его признание, еле утерпел, чтобы сразу домой не рвануть. Но остался. Дождлся скорой и полиции, а потом помчался к отцу. Меня от злости не трясло, я пылал. Смотрю на себя в зеркало заднего вида, а в глазах огонь ненависти горит. Что он творит? За жену мою мстит? Я сам могу разобраться — не маленький!

Отца застал в кабинете его дома. Сидит и спокойно бумажки перебирает.

- Это, ведь, твоих рук дело? - не сдерживаясь, начинаю громко орать прямо в дверях.

- Не понимаю о чем ты? - отвечает он, бросает на меня взгляд и снова за свои бумаги принимается.

Не понимает! Ха!

- Это ты его убил! - говорю и кулаком со всей силы по его столу ударяю. - Убрал Левшина, а виноватым меня хочешь сделать, папочка?

- Ах, вот ты о чем, - он откидывается назад на своем стуле и буравит меня внимательным взглядом. - Тебе уже доложили?

- Я был у его дома и видел, как тот умер. Зачем?

- Он чуть не убил твою жену, из-за него она потеряла ребенка. Если ты не в состоянии защитить свою семью, то это сделаю я.

Сволочь! Опять начал на больное давить! Хочет меня в трусости обвинить.

- Ложь! - продолжаю орать я, еле сдерживая отвращение внутри себя.

Интуитивно это чувствую. Ну не вериться мне, что мой родитель решил убить человека из-за избиения. У него какая-то другая цель, более коварная... Отец молчит, но взгляда от меня не отрывает. А тишина между нами постепенно накаливается. В ней уже отчетливо слышен треск электрических зарядов от нагнетенной обстановки. Через мгновение начнется гроза, которая точно перевернет весь мой мир.

- Да, это ложь, - нарушает он тишину, а меня ослепляет первая молния. - Этого соплика убрали не из-за того, что он руки распустил, хотя и этого достаточно.

-Почему? - спрашиваю, а сам уже начинаю догадываться, что за грязную игру ведет мой отец.

-Ты же уже догадался, не так ли? - отвечает он мне вопросом на вопрос так гаденько, мерзко, а меня молнии слепят от каждого его слова. - Я тебя предупреждал, чтобы ты больше к этой шалаве не совался, но ты меня не слушал. Забрал ее себе, а муженек решил за жену свою отомстить — избил Алису. Но это не главное, «сынок». А главное сейчас то, что теперь ты подозреваемый номер один. И если не будешь меня слушаться, станешь обвиняемым.

На его лице расползается довольная улыбка, как у Гринча, который крадет игрушки в знаменитом мультфильме: на уродской морде от одного уха до другого. У меня к горлу тошнота подкатывает. И этот человек называется моим отцом. Он нелюдь!

- Что ты хочешь? - сквозь зубы на одном дыхании произношу.

-Ты начинаешь «жить дома», забывая о своей подстилке. Превращаешься в примерного семьянина. Посещаешь разные мероприятия с женой. В общем, становишься воспитанным и образцовым. Я, знаешь, ли собираюсь баллотироваться в губернаторы, мне нужна идеальная репутация.

- В замен?

-Дело быстро закроют, о твоей фамилии забудут... и самое главное — она останется жива. Понял?

- Да. Я согласен.

Вот и последняя вспышка, а за ней такой удар грома, что барабанные

перепонки в хлам. Вот он мой персональный ад с личным надзирателем. Быстрым шагом выхожу из кабинета. Я не могу его больше видеть. Меня от злости так колбасит, что готов в любую минуту вернуться обратно и превратить его морду в фарш... Тварина... Он, наконец, решил ударить меня в самое больное место. Но за что он так со мной? Ради власти и политики?

Теперь, когда отец начал играть по крупному, когда он решил шантажировать меня Лизой, в моей голове, наконец, четко сформировалась цель: я уничтожу своего отца, разрушу его жизнь, как он мою. И пусть мне гореть потом в аду, но по другому я не хочу!

Три дня я корчил из себя примерного мужа и отца: уходил к девяти на работу, но в шесть вечера был уже снова дома. Ужинал, играл с сыном, даже с женой в одной постели спал, но, конечно, без всякого секса. Может я и плохо играл свою роль, но для папочки «старался». А внутри все язвами покрывалось от постоянно напряжения. Это я для всех был хорошим, но в тайне уже начал вершить свою черную месть. Мои самые проверенные люди работали над ней. Доверять никому нельзя — везде крысы, которые за бабки продадут меня отцу с потрохами.

Как и было оговорено в нашем с ним негласном соглашении — меня менты не трогали, хотя один настойчивый следак продолжал названивать. Я его игнорировал. Пусть это будет головной болью отца, у меня проблем и так предостаточно. Дел было по горло. Крутился как белка в колесе, чтобы ни одной свободной минуты не было, потому что знал — найду свободные десять минут и сорвусь к Лизе. Мне ее увидеть надо. Узнать, что жива... Нет! Приказывал себе снова и снова. Отец не любит шутить.

Ребят своих к ней приставил, чтобы следили, охраняли. У меня за эти дни развился патологический страх — проснусь утром, а мне скажут, что охрану и ее расстреляли. По ночам стал просыпаться от кошмаров, которые давно не приходили: снова война, смерть... автомат в руках держу и стреляю по ползущим на меня моджахедам. Всех убиваю, потом подхожу к одному и срываю с него платок, который лицо закрывает... А под ним Лизка! К другому трупу бегу, срываю... и снова она.

Да, я ее ненавидел, убить порой готов был, жизнь ей хотел всю изломать, но никогда не прекращал любить. И сейчас люблю, так люблю, что дышать без нее не могу, жить не вижу смысла. Десять лет

без нее был, но почти каждый день приезжал к ее дому, чтобы хоть мельком увидеть Лизу. Каждый раз повторял себе: это, Макс, для того, чтобы не забывать, какая тварь сломала тебе жизнь, но на самом деле все не так. Чтобы знать — жива она и у нее все хорошо. Пусть не с мной, с другим. Как мазохист вглядывался в любимые до боли черты и уезжал, чтобы снова погрузиться во тьму ненависти, иначе любовь все пересилит.

Я, ведь, до последнего времени видел смысл своего существования в желании ее жизнь сломать, а только понял — все это время подсознательно хотел назад вернуть все. Просто не знал как. За гордыней, обидой, гордостью и банальным страхом ничего не видел. А, когда, наконец, решился, стало поздно.

Не решался до последнего на кладбище сегодня ехать. Не выдержал. Я циник и мерзавец, но у гроба покойника стоял и мечтал о вдове. Худенькая, во всем черном Лиза стояла отдельно ото всех. К ней не подходили, не жалели. Ее все бросили. И мне до зубного скрежета захотелось прижать ее к себе. Утешить, пожалеть, согреть. А лучше увезти навсегда из этого города, далеко-далеко, к синему морю, как она всегда мечтала... Грех, страшный грех я готов совершить, но моя душа и так вся черная и гнилая. И мне не место рядом с Лизой...

Страшно, когда люди умирают. Пусть я мечтал серьезно «поговорить» с Витьком. Было время, когда я его убить хотел. Но смерть не лучший выход. Жизнь бесценна. Я это очень хорошо запомнил в армии. Нельзя просто так ее отнимать. А у Левшина ее отобрали из-за меня. Я виновник смерти одноклассника и бывшего друга. Мне теперь отвечать и за этот грех. Прощаясь с Витькой, приношу клятву — убийцу накажу. Да, друг, пусть ты и был мерзавцем, но мой отец дорого ответит за твою смерть...

Простился, и встал отдали. Надо было уходить, но я не мог. Смотрел на спину Лизы. Понимал, что играю с огнем: отцу точно доложат, что я был на кладбище и виделся с ней. Но мне нужно еще хоть немного на нее посмотреть. Получить очередную порцию боли от невозможности быть с той, которую люблю. Мне как глоток чистой воды хотелось поймать ее взгляд. Посмотреть в эти шоколадные глаза и понять, может у нас еще что-то быть?

Дождался спектакля, который устроила мамаша умершего. Грубые, резкие слова убитой горем женщины дали пищу для размышления. О каких долгах она орала? У ребят даже кредитов не было. Витек хоть и

играл на деньги, но всегда платил по счетам... Родственники уходят, а Лиза остается одна...

Настало мое время! Подхожу к ней сзади, обнимаю, разворачиваю к себе. Она утыкается в мою грудь и плачет. А держу ее хрупкое тело в своих руках и, как наркоман, вдыхаю, вдыхаю ее запах. У нас уже был последний поцелуй, это наши последние объятия... потому что не будет второго шанса, и не надо искать ничего в ее взгляде — я должен ее отпустить. Она лучшего достойна, а не меня больного на всю голову психа. Лиза дрожит от слез. И мне так хочется увезти отсюда, что я плюю на все и решаюсь... Но судьба снова не дает нам быть вместе. Появляется этот плешивый брат Вити и несет какой-то бред. Квартира теперь видите ли его и он выгоняет Лизку на улицу! Ничего с этим козлом я еще разберусь.

Телефон в кармане начинает вибрировать. Предупреждая, что мое время на исходе. Лизка, словно предчувствуя мой уход сильнее ко мне прижимается. У меня внутри сердце сжимается, но нужно все закончить здесь и сейчас, поэтому расспрашиваю ее про следователя. Нарочно грублю и ухожу, не попрощавшись.

Так нужно, убеждаю я себя. Так я спасаю ее от смерти. Но от этого бл***ь не легче. Шестерки отца расскажут о всех событиях в подробностях, поэтому вся эта грубость только для «правдивости» игры. Если он спросит, что я там делал, скажу, что интересовался о показаниях Лизы.

Бросаю на нее прощальный взгляд. Чувствую, как в сердце гвозди начинают вбивать от боли. Чуть не блюю кровью от бессилия... Милая, подожди немного, скоро все наладится, я превращу твою жизнь в сказку, пусть и без меня...

Размышления прерывает телефонный звонок. На экране высвечивается номер Васьки.

- Слушаю, - вырывается у меня грубо.

- И тебе привет, друг, - ее голос серьезен, что-то с Алисой случилось снова? - Кажется, я нашел доктора, который принимал роды у Лизы, но не уверен в этом...

- Буду у тебя через пол часа, - перебиваю я и быстро отключаю телефон.

Меня тряссти начинает, но собираюсь и говорю водителю:

- Планы поменялись, едем в больницу.

Дорога до больницы прошла как в тумане. Я чуть ли не минуты считал. Все ушло на второй план. Меня интересовала только информация, которую нашел Вася. Когда я вернулся из армии и немного спал пьяный угар, то сразу начал разбираться в ситуации. Лизка уже была замужем, видеть ее я не хотел, думал не сдержусь — убью. Но вот врачей мне очень хотелось «расспросить». Однако не вышло: медики, которые забирали Лизу из клуба внятно ничего сказать не могли. Ребята довезли ее до больницы и сдали в родильное отделение. Пробил их информацию — не ввали. Акушерка, принимавшая роды, была стара и к этому времени уже умерла.

А вот с врачом все было непонятно. Принимал роды у Лизы молодой, только окончивший интернатуру врач. Почему при родах не присутствовал более опытный врач не понятно до сих пор. Как и то, что ее доставили в больницу на скорой, а на место не было дежурного врача. И вот этот неопытный докторишка пытался блеснуть познаниями в своей профессии. Я видел медицинскую карту Лизы: роды длились пятнадцать часов, а потом ей сделали кесарево сечение. Итог: ребенок мертв.

Сначала я даже попытался оправдать Лизку, но потом мне объяснили, что у ребенка было нарушение в развитии, врожденная слепота и глухота из-за неправильного образа жизни матери... Тогда моя ненависть возросла к ней еще сильнее.

Но поиски врача я не бросал. А он, оказывается, после смерти моего ребенка, поработал несколько месяцев в больнице нашего города и уехал в столицу. Прожил там год. И погиб. У его машины отказали тормоза на железнодорожном переезде. Локомотив протащил авто добрые тридцать метров, превращая его в металлолом. Пассажир погиб на месте.

Свидетелей не осталось. Это постоянно наталкивало меня на мысль о том, что ребенок может быть жив. Спросить отца на прямую я не мог — он бы сказал, что у меня крыша едет. Поэтому я еще немного помучился и бросил все поиски, погружая себя в пучину ненависти и боли.

Васька о моих горестях знал, я же ему душу периодически изливал. Это именно он достал медицинскую карту Лизы. Проверил ее и не нашел ничего странного...

Телефонный звонок заставляет меня сбавить немного напряжение. Звонит отец. Нажимаю кнопку приема вызова и тут же слышу его голос, привыкший отдавать приказы:

- Сегодня в мэрии благотворительный прием, не забудь, что ты должен быть на нем вместе с Ваней.
- Помню, - огрызаюсь я.
- Прекрасно. Как прошли похороны? Простился с другом, - он нарочно делает акцент на последнем слове.
- Простился, - грублю ему.
- А вдову утешил? - сарказм льется из каждого его слова.
- Я не за этим туда ходил. Ты это знаешь.
- Знаю, Максимка, знаю. Ты же у меня умный сын, глупостей делать не будешь.

Он отключается, а я со всей дури кулаком в дверь бью. Так сильно, что слышится хруст обшивки двери, а водитель испуганно оборачивается назад и со страхом говорит:

- Мы на месте.
- Хорошо, жди меня тут.

Водила провожает меня со страхом в глазах, потому что знает — я безбашенный псих. Если что не нравится или я не в настроении, могу и в морду без слов дать.

Застаю друга в кабинете. Он молча здоровается. Подходит к двери и закрывает ее на ключ. А потом присаживается за стол. У меня уже сил нет терпеть, а он, как будто, издевается. Не спеша берет какие-то бумаги и раскладывает их.

- Ты меня специально выводишь из себя что ли? - рычу я от нетерпения.
- Нет, просто хочу все нормально рассказать, - спокойно отвечает он.
- Говори, - вырывается у меня сквозь зубы.
- Сегодня к нам девушку привезли на скорой. Когда звонили, сказали, что у нее перелом тазовых костей, а вышло, что она беременна, и роды уже больше восьми часов длятся. Воды давно отошли. Ребенок умирал. Но, слава Богу, успели спасти и мамашку и ребеночка.

- И что дальше? - меня уже трясет.

- Дура эта насмотрелась всего и решила рожать по современной методике — в воде. Тем более, что у нас появилась клиника, которая работает в этом направлении. Но что-то пошло не так и женщину срочно доставили к нам. Вот это ее медицинская карта, которую она привезла с собой. Там есть заключение ее горе-врача. Обрати внимание на подпись.

Он кладет передо мной небольшую книжицу и тычет пальцем. Почерк неразборчивый, как у всех медиков, но подпись впечатляющая и запоминающаяся. Куча крючочков и загогулинок, как у президента, блин.

- А теперь посмотри сюда, - Вася протягивает мне похожую книжицу, но более старую. - Обрати внимание — та же самая подпись.

Верно. Подписи одинаковые. Смутная догадка проскальзывает в голове. Друг, будто читая мои мысли, говорит:

- Я подпись Кормилицына сразу запомнил, когда знакомился с историей родов Маши. Не может у двух совершенно разных людей быть до последнего крючка одинаковая подпись.

- Спасибо, - благодарю друга, а внутри все кипит от напряжения. - Давай адрес.

Климкин пишет на бумажке адрес и название клиники. Отдает ее мне. При этом друг внимательно меня изучает. Создается ощущение, что он хочет сказать мне еще что-то.

- Это, ведь, не все? - задаю я вопрос.

- Да, - друг достает из стопки бумаг еще одну пожелтевшую от времени медицинскую карту. - Мне тут на днях деда привезли. Со второго этажа выпрыгнул, ноги сломал. У него шизофрения. Я делал по нему запрос в диспансер, ну и, сам не знаю почему, запросил данные на Лизу, - небольшая тишина, - Макс, ты знал, что после родов она сразу попала в психушку и несколько раз пыталась покончить жизнь самоубийством?

Что? Я чувствую, как расширяются мои зрачки... Психушка, самоубийство? А вот этого я точно не знал...

Бл***ь, что за ху***я, зачем она хотела умереть?

- А теперь подумай, друг, - не унимается Васька, - может ли женщина,

которая не желала ребенка и стремилась избавиться от него, так настойчиво пытаться умереть? Поверь моему опыту: Лиза не виновна в случившемся. И пора бы тебе открыть глаза и серьезно поговорить с отцом, он, явно, причастен к этому.

- Ладно.

Отвечаю я и выхожу, не прощаясь. Климкин не любит моего отца. Когда-то папенька хотел построить в нашем городе новую многопрофильную клинику. Субсидии, предназначенные для городской больницы были урезаны и пошли на стройку, но что-то не срослось. Теперь у нас есть огромный торговый центр, а больница, местами, нуждается в хорошем ремонте. Васька снова повторил одну и ту же свою фразу — поговори с отцом.

Да говорил я с ним! Неоднократно! Но результат один и тот же — он ничего не знает! Отец, вообще, не интересовался Лизой, пока не узнал о трагедии. Я ему не верю. И пробовал проверить все, но другие только подтверждали его слова. До сегодняшнего дня. Если этот доктор и есть тот самый Кормилицын, то уже вечером я буду знать правду. Мои ребята умеют вытрясать правду из людей.

Я готов прямо сейчас сорваться и ехать по адресу, который мне дал Вася, но унимаю свою прыть. Вместо этого еду в клуб, а по дороге сосредоточенно думаю. Нужно действовать аккуратно.

Получается, что смерть этого врача инсценировали... Это было выгодно. Кому? Только моему отцу! Ни у кого в городе в тот момент не было таких денег и связей, чтобы повернуть такую схему. Может и роды прошли по другому сценарию? Боже! Я придурок! Конченный дол****б! Не видел очевидные факты! А на них все указывало! Я поверил человеческой лжи. Мой отец основательно приложил руку ко всей этой истории. Всех, кто что-то знал о родах, убрал. Меня, после возвращения из армии, быстро в Европу сплавил. Потом его «сердечные» уговоры жениться на Алиске... Наш с Лизой малыш умер не по ее вине, этого хотели другие! Вот и роды у нее принимал неопытный врач. А потом, чтобы скрыть чужое преступление, во всем обвинили ее. И она, бедная моя, умереть пыталась, потому что жить не хотела. Малыш умер, я ее во всем обвинил... Дурак, какой же я дурак... Мой отец, не желал, чтобы правда вылезла наружу. И теперь, когда я захотел вернуть Лизу, он пускает в ход тяжелую артиллерию...

Липкий, холодный пот выступает на лбу. Нет, мне не страшно. Я в ужасе! Столько лет я жил рядом с монстром, называл его отцом, верил ему. Я же прекрасно знаю, что для него нет ничего святого, но все равно живу по его правилам и не перечу. Хватит! Я докопаюсь до правды во чтобы-то не стало!

В перевозбужденном состоянии приезжаю на работу. Мне сейчас нужен только один человек, но об этом никто не должен знать. Захожу в кабинет и закрываю дверь. Достаяю из ящика стола простой телефон и набираю нужный мне номер:

- Есть работа, жду тебя через час в клубе.

Отключаюсь и выключаю мобильник.

Если во всем этом замешан мой отец, то действовать нужно максимально скрытно. Значит с поездкой к врачу придется повременить. Необходимо подготовиться. И у меня уже есть план, как нам официально пообщаться с медиком.

Открываю небольшое, секретное отделение в столе и достаю оттуда фотографию. Смотрю на нее — я сам сделал это ото Лизы в день ее совершеннолетия. Здесь она в простом голубом платье. Смотрит на меня и улыбается. Солнце играет в ее распущенных волосах, а в шоколадных глазах столько любви...

- Любимая, - шепчу, как больной, и пальцем глажу ее лицо, - скоро мы узнаем правду...

Еще несколько минут люблюсь и убираю фотографию обратно. Это моя тайна. Никто не знает о ней.

Чтобы хоть немного отвлечься от свалившегося сегодня на меня, решаю заняться братом Левшина. Этот тип давно мне пакостит. Нужно его проучить. Дмитрий Левшин известный в городе риэлтор. Пользуется популярностью, так как надежен и честен. Но я прекрасно осведомлен о его «честной» работе. Димон не чурается немного «замараться». Пора вывести его на чистую воду. Звоню своему заму. Нужная мне информация будет лежать на моем столе уже к концу дня.

Уже собираюсь убрать телефон в карман, как он оповещает меня о входящем сообщении от неизвестного мне номера. Открываю смс-ку и читаю: «Ни за что не верь своему отцу! Он тебе врет. Врач жив. Он знает правду. За тобой следят. Будь осторожен».

Что за бред? Набираю номер, с которого пришло сообщение, но: «Абонент отключен или временно недоступен». И как это все понимать?

Кто этот тайный доброжелатель? Хрень какая-то. Раздается стук в дверь, а потом она быстро открывается, впуская высокого, стройного мужчину, который подходит к моему столу и протягивает мне руку.

- Здорова, - басит он. - Я так понимаю — дело весьма важное?

- Да, ты прав, - киваю ему на кресло, чтобы присел. - Дело очень важное: нужно разрушить карьеру моего отца и лишить его всех денег.

У моего собеседника брови ползут вверх от удивления. Но я пропускаю будто не замечаю этого. Пора показать папочке, где раки зимуют.

Глава 15. Лиза

Скачано с сайта knigomania.org

Следователь везет меня домой в тишине. Он почему-то не задает мне вопросов. В машине тепло. И мое промерзшее до костей тело начинает потихоньку согреваться. Пережитые за последнее время потрясения на некоторое время отпускают меня. Не замечаю, как... засыпаю.

Мне снится наш городской парк. Вокруг лето, тепло. Поют птицы, солнце играет в зелени листвы деревьев. Но никого из прохожих нет. И гула проезжающих машин не слышно. Я бреду в глубь парка, к фонтану. Рядом с ним, спиной ко мне, стоит мужчина одетый в серую рубашку такого же цвета брюки. Он оборачивается. Это Витя. Такой, каким был раньше. Стройный, подтянутый с чуть смуглой кожей и озорным блеском в глазах. От неожиданности я останавливаюсь, но потом начинаю к нему быстро идти. Витя выставляет вперед руку, предупреждая, как бы, чтобы я этого не делала.

- Прости меня, если сможешь, - срывается с его губ каким-то болезненным голосом.

Я хочу спросить за что, но из моего горла не вырывается не писка. Неожиданно все вокруг начинает меняться. Листва осыпается с деревьев, желтеет, а потом рассыпается прахом. Зеленая трава

жухнет. На серой одежде мужа появляются дыры, а сама она становится какой грязной, покрытой копотью. Его лицо бледнеет, кожа, как будто, стягивается на костях. Он смотрит куда-то позади меня. Оборачиваюсь. За моей спиной стоит бабушка в своем любимом клетчатом платье... Тяну к ней руки. Но она тем же голосом, что и Витя, говорит меня:

- Прости меня, родная, прости, если сможешь...

И ее платье тут же превращается в лохмотья. Вокруг меня начинается ураган. Все смешивается. Пыль ударяет в глаза. Я не вижу ничего, только слышу голоса Вити и бабушки, повторяющие одно и то же:

- Прости меня, прости меня...

От страха пытаюсь закричать, но не могу...

- Лиза, Лиза...

Чей-то новый голос зовет меня. С моих губ, наконец, срывается долгожданный крик.

- Лиза, успокойтесь, это просто сон.

С трудом открываю глаза. На меня смотрит чуть взволнованным взглядом какой-то мужчина. Ах, это же следователь. Он предложил подвезти меня до дома, а сам хотел задать вопросы. Но я уснула. Вот неряха...

- Простите, - говорю ему сиплым от сна голосом, - я не специально.

- Ничего страшного. Все нормально? - интересуется он.

- Да, - мне неловко, - еще раз извините...

- Я вас понимаю, терять близких нелегко. Мне знакомо это чувство. У меня умерла жена..

- Простите...

- Ничего, я уже смирился. Ее убили пьяные отморозки, я нашел их. Теперь они сидят.

- Ясно.

- Лиза, убийцу вашего мужа мы тоже найдем, - говорит он с жаром, - обязательно.

- Я вам верю, - быстро произношу я.

- Это хорошо. Ответите на мои вопросы?

Меня еще не отпустил странный сон. Все тело напряжено. Мозг толком не работает. Но одно я понимаю точно — не могу говорить сейчас со следователем. Мне необходимо все спокойно обдумать. Я все еще не верю, что Максим виноват в гибели Вити.

- Простите, - начинаю я робко, - но, возможно, я погорячилась. Сегодня не лучший день для вопросов.

- Понимаю...- соглашается он. - И все же — может хоть на несколько.

- Только если несколько, - соглашаюсь я.

- Прекрасно,- улыбка появляется на его лице. - Как давно вы возобновили свои отношения с Максимом Старовым? Сколько дней вы прожили в его загородном доме?

Мне вдруг резко становится нечем дышать. Откуда он знает обо всем этом? Быстро открываю дверь машины. В салон врывается холодный воздух. Я высовываю голову наружу и принимаюсь судорожно дышать.

- Что такое, Лиза? Вам нехорошо? Или не хотите рассказывать о своем любовнике?

Интонация в голосе следователя резко меняется. Если до этого он был мил и обходителен, то сейчас в его голосе отчетливо слышится неприязнь и злость.

- Не нравится вопрос? - продолжает он, не дождавшись моего ответа.

- А может другой? Как давно вы планировали убрать своего мужа руками Старова?

Что?! Что он несет?

- Я никогда этого не хотела. Я не просила Максима убивать Витю.

- Максима? - торжествует он. - Заметьте, не Старова, а Максима.

- Да, Максима, - во мне просыпается злость, - мы все учились в одном классе.

- А потом вы встречались со Старовым? - не унимается Жаров.

- Да, встречались, - подтверждаю я очевидные факты.

- И вы были беременны от него?

- Была, но ребенок погиб. А потом мы расстались. Я вышла замуж за

Витю. С Максимом мы больше не виделись и не общались...

- До недавнего времени, - вклинивается в мой рассказ следователь, - так? Нам известно, что вы несколько дней провели в больнице, куда вас привез, а потом и забрал от туда, Старов. Затем он отвез вас к себе в загородный дом, где вы проживали до недавнего времени. Лиза, - говорит он уже спокойнее, - лучше сразу признайтесь в убийстве мужа. Это вам зачтется на суде.

- Мне не в чем признаваться! - от его безумных слов злость во мне испаряется, уступая место банальной истерики. - Прекратите обвинять меня в том, что я не совершала.

Я выскакиваю из машины и бегу к подъезду дома. Меня трясет. Из глаз в любую минуту готовы хлынуть потоки слез, но я сдерживаюсь. Лишь оказавшись за дверьми квартиры, даю, наконец, возможность слезам вырваться наружу. Сажусь посередине квартиры и ору во весь голос. Боже, как я устала! За что ты так меня наказываешь? Почему все во всем видят виноватой только меня? Не хочу так жить, не могу больше...

Укладываюсь на пол, не раздеваясь. Лежу и смотрю в потолок. В голове нет ни одной мысли. Я совершенно ничего не хочу... А, ведь, совсем недавно мечтала изменить свою жизнь. Зачем? Для чего? Для кого? Я никому не нужна, все вокруг стремятся обвинить меня во всех смертных грехах... Максим, Витя, его родные, следователь... Их ненависть разрушила меня всю, до конца...

Опустошенная, сломленная засыпаю. Мне ничего не снится. Я не вижу привычных кошмаров. Я вообще сплю без снов. Просыпаюсь от осознания того, что больше нет сил даже спать. Поднимаюсь с пола. Снимаю одежду и бреду в ванну. Пессимистическое настроение, которое было у меня вчера, никуда не ушло. Но теперь оно покрылось плотной пленкой сарказма. Он отравляет все вокруг хлеще апатии. Разрушает, разъедает как кислота. Все, что раньше радовало глаз, кажется уродливым и отвратительным. Мне, как будто, вставили в глаза и в сердце огромные куски из разбитого стекла злого тролля¹. Квартира, которую я с любовью ремонтировала и обустраивала, теперь напоминает дешевый бордель без жриц любви. Одежда похожа на дешевые лохмотья. Но это не самое худшее. Стоит мне увидеть свое изображение в зеркале, как я захожусь в злом, истерическом смехе.

Что ты хочешь от жизни, тощая, некрасивая дура? Спрашивает у меня двойник из зеркальной глади. Этими короткими паклями, вместо волос, этим худеньким телом, вместо аппетитного женского тела, этой бледной моськой, вместо лица с идеальным макияжем ты хочешь кому-то понравиться? Уродина! Жалкое страшилище! Мой кулак летит прямо в переносицу той дуре, которая смеется напротив меня. Слышится звон, но страшилище не пропадает, наоборот, оно размножается. И теперь на меня смотрит много маленьких, но пышущих злобой дур. Они словно кричат: «Бесполезно, тебе не победить, мы сильнее!»

А я снова ударяю по ним! Бью, не чувствуя боли в израненных руках. Не замечая крови, которой забрызгано уже пол ванной. Бью и плачу. Но удары постепенно затихают, сила их слабеет, а меня накрывает истерика. Я забиваюсь в уголок между ванной и раковиной и плачу. Реву белугой. Как ребенок размазываю по щекам слезы, вперемешку с кровью. Сейчас я напоминаю себе маленького ребенка, который от страха забился в уголок и плачет, ожидая, когда придет мама и пожалеет его...

Но мама не придет! Ко мне больше вообще никто не придет! Я одна. Совсем одна. Погрязла в болоте отчаяния. И нет возможности из него выбраться...

Когда на слезы не остается сил, а боль в руках становится невыносимой, я, наконец, нахожу в себе силы, чтобы принять душ. Моюсь долго и тщательно. А в голове постепенно складывается картина дальнейших событий. Она четкая и ясная. Мне кажется, что со стекающей водой из меня уходит все то, что мешало мне раньше жить. Осталась только одна четкая и ясная цель, которую я собираюсь выполнить. Нужно поторопиться, времени осталось мало.

Вытираю насухо тело. Одеваюсь. Обрабатываю руки. Нужно навести порядок в квартире. Мне ее через два дня надо освободить. Нельзя, чтобы новые жильцы считали меня неряхой. За работой пролетает весь день. Квартира сияет. Нигде ни пылинки. Около входной двери стоят большие пакеты с мусором и вещами. Я собрала все вещи мужа и почти все свои. Ему они не нужны, да и мне столько не потребуется. Отнесу к мусорным бакам. Там точно найдутся те, кому эти вещи пригодятся.

На улице холодно. Легкий морозец пронизывает тело. Приятно. Поднимаю голову кверху. «Звездам числа нет, бездне дна»², - прав

был Ломоносов. Ночное звездное небо завораживает. Можно часами стоять и любоваться его великолепием. Когда я была маленькая, моя мама говорила, что те, кто нам дорог, умирая, уходят на небо. И ночью, пока мы спим, они смотрят на нас в маленькие оконца. Каждая звезда это фонарик в таком открытом окне. И пусть я взрослая, знаю, что слова мамы просто сказка. Но продолжаю смотреть на небо и думать о своих близких...

Возвращаюсь домой и снова засыпаю без снов. Рассвет будит меня. Просыпаюсь, не дождавшись будильника. Иду на кухню и ставлю чайник на плиту. Сегодня очень много дел, мне нужны силы. Разбитые руки ноют, но эта боль немного отрезвляет меня. Она мне нужна. Собираюсь. Нужно сходить на работу и написать заявление об уходе. Потом посетить кладбище — давно у своих не была. А потом собрать последние вещи...

На работе, узнав, что я пришла увольняться, начинают меня ругать. Сергей совершенно против подписывать мне заявление. После долгих уговоров, я все же пишу заявление, но на отпуск за свой счет. Директор надеется, что я передумаю. Нет! Я все уже решила. Завтра куплю билет как можно дальше от сюда и уеду. Навсегда.

По дороге на кладбище покупаю цветы: маме хризантемы, бабушке тюльпаны, а папе и Вите ирисы. Автобус, идущий до нужной мне остановки, полупуст. Кладбище, на котором похоронены мои родные находится за городом, в малонаселенном районе, поэтому попутчиков у меня почти нет. В городе, почти в самом центре есть еще одно кладбище, но там хоронят «достойных» жителей. Цены там кусаются...

На могилах родителей и бабушки еще лежит талый снег. Навести здесь порядок я не смогу. Поэтому просто кладу цветы и стою. Мысленно прощаюсь со своими близкими. Может еще, когда-нибудь, приду сюда.

У Витиной могилы я не стою долго. Но делаю главное:

- Прости меня, - шепчу, глядя на его фотографию, - прости за все: что не любила, не была хорошей женой... Я виновата в твоей смерти и искуплю свой грех...

Смотрю еще некоторое время на улыбающегося с фотографии мужа и ухожу. В горле стоит комок, но я не позволяю себе заплакать.

Бреду по дорожкам кладбища. Не замечая ничего кругом. Пока не

понимаю — я не к выходу иду, а на другой конец погоста. Озираюсь по сторонам. И тут взгляд натывается на до боли знакомую фамилию и имя: Маргарита Старова. Подхожу ближе. С гранитной плиты на меня смотрит мама Максима... Я не была на ее похоронах, Макс не разрешил, поэтому не знала, где ее похоронили. Но всегда думала, что на кладбище в центре города. Подхожу ближе.

А потом... крик замирает на губах. Сердце начинает биться через раз, а слезы градом льется из глаз... Рядом с могилой женщины еще одна могила... Над которой стоит памятник с ангелом... А на плите надпись: «Старов Матвей»... Мой сын, моя кровиночка, наконец-то, вот мы и встретились... И мир перестает для меня существовать.

Не помню, как упала на мощенную плиткой дорожку, как принялась скрести пальцами надгробную плиту, ломая до крови ногти... Все ушло куда-то далеко-далеко, оставив меня наедине со своей болью. Мой мальчик, мой малыш... они даже не дали мне тебя в руках поддержать... Суки! Ненавижу их!.. А тебя, ведь, называли так, как я хотела... Матвей, Матвейка...

Я не плачу... Реву, но не слышу своего крика, потому что оглохла, ослепла от боли. Она не просто пронзает все тело. Меня живую кинули в гигантскую мясорубку, а теперь медленно крутят, перемалывая кости, превращая все внутри в фарш... И я не сопротивляюсь, потому что не могу...

Скребу израненными руками мерзлую землю, а потом ими же, грязными, глажу гранитную плиту... Целую ее, шепчу нежные слова... Сынок, ты теперь уже был бы большой, в четвертом классе учился... Мы бы с тобой уроки вместе делали, а потом ты бы бежал на улицу в мяч играть. Знаешь, сколько у нас ребят много во дворе! Друзей бы у тебя было не перечесть...

Я говорю, говорю, пытаюсь заговорить свою боль, но это бесполезно... Она не уходит, лишь сильнее становится, превращаясь в громадный океан, бушующий от шторма. А я песчинка, которая тонет в нем, не пытаюсь выжить... Зачем мне жить? Если все самое дорогое сейчас рядом со мной, и в то же время так далеко... Если бы только кто-то мог знать, как я хочу к своему мальчику! Боже, вскидываю опухшее от горя лицо к нему, почему, за что ты так суров? Для чего забрал его у меня? От чего не дал ему возможно жить, ходить своими ножками по земле, кричать и смеяться, плакать от очередной царапины и радоваться, познавая что-то новое? Господи,

ты суров, но справедлив, так скажи мне грешной, где твоя справедливость?

У Всевышнего для меня нет ответов... Когда уже нет слов, когда кричать нет сил, просто ложусь на землю и прижимаю руку к выбитому на камне имени сына... Как будто мы рядом, как будто я могу к нему прикоснуться... Хотя бы так...

...Вижу наш двор. Я сижу на лавке, а вокруг орава ребят. Они бегают, смеются, играют в мяч. Тут из толпы выбегает мальчишка со светлорусыми короткими волосами и бросается ко мне.

- Мама, ты меня искала? - спрашивает он с улыбкой и смотрит глазами, полными счастья.

- Да, - обнимаю я его, и меня наполняет безмерное чувство счастья, - маленький мой, я тебя так долго искала...

- Дочка, доченька, - чей-то настойчивый голос пытается вырвать меня из сна, - очнись, милая.

Чувствую, как меня настойчиво теребят за плечо, но не могу очнуться, пошевелиться — все тело затекло и замерзло. Нахожу последние силы и раскрываю глаза. На улице уже сумерки. Надо мной стоит, склонившись, какая-то совсем старая женщина и пытается разбудить.

- Проснулась? - спрашивает она с надеждой. - Слава Богу! Ты чего удумала, глупая? Нельзя тебе помирать.

Ругает меня, но без злобы в словах. Только в глазах грусть затаилась. Протягивает ко мне свои старые, морщинистые руки и пытается помочь встать.

- Смерть — это не выход, доченька, это не решение, а еще большее наказание. Боженька, он же не просто так нам все эти испытания дает: мы их должны пройти, пережить, преодолеть. Молодая, ты еще, глупая. Я тоже когда-то такой была: у меня трое деток было, но у Бога все расписано — забрал он их к себе, а меня не хочет. Вот и живу совсем одна. Такова его воля... Значит нужна я ему здесь для чего-то, как и ты.

Она все говорит, говорит, а сама мне помогает в себя прийти. И от ее простых слов, во мне словно что-то оживает. Еще несколько часов назад я замазала все окна своей души черной, густой краской, а теперь их будто отмывают от нее. Очищают меня от душевной грязи.

Гонят из головы непрошенные мысли о смерти.

С усилиями, но я смогла встать. Оборачиваюсь на могильную плиту с именем сына. Моя кровиночка, теперь я знаю, где ты есть, и буду навещать тебя постоянно. Произношу я мысленно.

- Пойдем, - тянет меня старушка, - не вини себя, так все должно быть.

- Спасибо, - наконец проговариваю я хриплым голосом, который дерет горло. - Спасибо большое.

И обнимаю женщину. А она меня к себе прижимает и по голове гладит. И я снова плачу. Но эти слезы не от боли, а от облегчения. У меня с горла будто удавку сняли и позволили впервые дышать. Когда я чуть успокаиваюсь, бабулька ведет меня к выходу с кладбища. Мы почти не говорим, но это и не надо. Мы понимаем друг друга без слов, потому что обе матери, потому что обе потеряли детей... Она живет недалеко, и я провожаю ее до дома. И почему то прошу разрешения прийти к ней в гости.

- Приходи, я рада буду, - улыбается старушка.

И мне от ее улыбки на душе тепло становится. Так хорошо!

Я успеваю на последний автобус до дома. Еду в нем и все события дня в голове прокручиваю и о прошлом думаю. Я, когда из психушки, вышла ведь первым делом в больницу кинулась, но врача не смогла найти. Сказали перевелся он в другой город, а тело моего малыша родственникам передали, потому что я невменяемая была.

В тот день я поехала в офис Семена Анатольевича. Внутрь меня никто не впустил. Я стояла на морозе и до самого его вечера ждала. Дождалась. Подошла к нему, когда он к машине своей шел. Его охрана на меня было бросилась, но Старов остановил ее одним взмахом руки. Сказал, чтобы в сторону отошли. Подошел ко мне, безглаголиво оглядывая с ног до головы.

- Пришла значит, - проговорил он лениво, - зачем?

- Я хочу узнать, где похоронен мой сын, - проговорила я на одном дыхании.

- Хочешь знать? А зачем это тебе? Ты его убила, - зарычал он на меня.

- Что? Что вы такое говорите? - я не понимала его.

- Что говорю? Тебе врачи что прописали? Покой, режим, правильное питание, а ты что делала? Не могла прийти ко мне за помощью? Думала я внуку не помогу? Себя изводила и малыша мучила. Он недоразвитый был.

Он орал, а я смотрела на него и сказать ничего не могла.

- Уходи, я тебе ничего не скажу... И еще, Максим знает, почему, а точнее, из-за кого погиб ваш ребенок. Так что тебе лучше исчезнуть из нашей жизни навсегда. Ты знаешь, какой он в гневе.

И я исчезла. Дура! Самая настоящая. Десять лет вычеркнула из жизни. Загубила хорошего человека. А мой малыш совсем рядом был похоронен...

До дома добираюсь с трудом. Меня сильно знобит. Достāju из домашней аптечки все лекарства, которую мне могут помочь и выпиваю их. Наливаю горячего чая с лимоном и пью его почти залпом, обжигая все внутренности. Но меня продолжает трясти. Как хочется, чтобы сейчас меня кто-то обнял, прижал к себе и просто поговорил со мной...

Мой взгляд падает на небольшую шкатулку из дерева. Ее я хранила на видном месте. Она была старой, расписанной яркими палехскими рисунками, которые, правда, со временем потемнели. В ней хранятся бабушкины вещи: фотографии, письма деда с фронта, его медали. Беру ее в руки. Шкатулка среднего размера и довольно тяжелая. Хотя в ней небольшое углубление и вещей там немного. Я перебираю семейные ценности. И в голове снова печальные мысли: я могла бы их показывать Матвею. Рассказывала бы, каким был его прадед...

На самом дне шкатулки видна маленькая железка. Почему я не замечала ее раньше? Откуда она могла здесь взяться? Пытаюсь поддеть ее ногтем. Но либо руки ослабли, либо железка сильно застряла в дереве. И все же она поддается. Я тяну ее вверх. И тут раздается щелчок и самое дно коробки падает вниз, а мне на колени вываливается целый ворох писем.

Откладываю шкатулку и беру письма. Стоит мне прочесть пару слов, как перед глазами все плыть начинает. Это же мои письма — я их Максиму в армию писала! Специально нумеровала конверты в углу, обещала написать больше ста штук... Но и это не самое страшное. В этой куче писем есть и письма от Максима... Мне плохо становится. Бабушка, неужели ты скрывала его послания, а еще и мои письма не

отправляла? Почему? И тут же сон вспоминается и слова о прощении... Меня колотит, и это уже не от простуды.

Трясущимися руками перебираю письма. Как? Как это могло произойти? Бабушка же хорошо относилась к Макс, он ей нравился... Среди писем нахожу фотографию. На ней я. Здесь мне шесть лет. Сажу в обнимку с новой куклой, которую родители подарили мне на день рождения. Это была самая любимая фотография бабули. Переворачиваю. Сзади надпись. Читаю и чувствую, как из легких выкачивают кислород с каждым новым словом, а уши закладывает от резкого шума: «Лизонька, не знаю, сможешь ли ты когда-нибудь меня простить... Ты видела письма, и, наверное, не можешь понять, почему я так поступила. Я бы рассказала тебе все, моя хорошая, но времени мало. Прости меня, любимая девочка, прости, если сможешь. Я продала квартиру, мне очень нужны были деньги. Витя помог, он хороший мальчик. Но и это не главное. Запомни: город Тымск, Алтайского края, (адрес придуман автором) Детский дом №5, Нечаев Матвей... Я люблю тебя, моя Лиска».

Фотография выпадает из ослабленных рук на пол, а следом за ней и я лечу туда же...

2М. В. Ломоносов «Ода на день восшествия на всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года»

1Подразумевается зеркало, о котором говорится в сказке Г.Х. Андерсона «Снежная королева».

Глава 16. Максим

План по разрушению империи и честного имени отца мы с Пашком придумываем быстро. В плане испортить чью-то репутацию он профи. Знаю его давно — не раз обращался с «заказами» для папочки. Пашка принципиален в своей профессии: топить будет только тех, кто на руку не чист. А на моего отца у него есть большой зуб. Так что за работу он принимается с радостью. И я уверен — он меня точно не сольет.

Когда все нюансы улажены, еду домой, а потом на прием с Ваней.

Сын весь светится от счастья. Еще бы! Кругом столько людей, все его хвалят. К нам подходит много людей, чтобы засвидетельствовать свой восторг. Но на самом деле они просто лебезят и выслуживаются перед отцом. Присутствие рядом со мной Ваньки помогает мне пораньше срулить с вечера. Мой отец недоволен. Но, видя, что внук устал и хочет спать, при всем собрании «дает добро» покинуть нам вечер.

Ваня вроде и рад уйти, но на его лице видно разочарование.

- Что невесел, Вань? - интересуюсь я у него.

- Пап, а, когда уже к нам Лиза придет? Я по ней соскучился.

Простой вопрос, но он мне как нож в спину. Что мне сказать сыну, как все объяснить?

- Сынок, Лиза сильно болеет и лежит в больнице.

- Как мама? - спрашивает снова Ваня.

- Да, даже еще сильнее, - вру я. - Но она обязательно скоро приедет к нам.

Нам... как я хочу, чтобы она приехала ко мне тоже...

Ванька засыпает в дороге. Приезжаю домой и аккуратно несу сына в его комнату. Тихо раздеваю его. А потом еще долго стою и смотрю на спящего мальчика. Как же я хочу, чтобы его жизнь была намного лучше моей.

Алиса лежит на кровати. Синяки почти сошли на ее теле, но гипс пока не снимают. Она листает какой-то журнал. Я раздеваюсь и иду в ванну. Очередная ночь с Алисой... мы не занимаемся с ней сексом, не только потому, что ей нельзя, а больше потому, что я ее не хочу. Совсем не хочу. Я, вообще, больше никого не хочу. Только ее, Лизу жажду. Болезненные воспоминания врываются в мозг, и начинают ворочаться в нем, как клубок змей, шипя и пытаясь ужалить больнее.

Доктор, после инцидента с роженицей, на время свалил на моря — приводить в порядок нервы. Ну ничего, я его дождусь. А завтра у меня очень «занимательный» разговор с Дмитрием Левшиным. А потом, если все же решусь, то поеду к ней...

Я весь день старался о ней не думать. Ругал себя последними словами за то, что оставил ее одну на кладбище. Но по другому никак: за мной следят, и я должен вычислить крысу. Как вспомню ее тоненькое,

дрожащее тело в своих объятиях и дышать становится трудно. Как я хочу схватить ее в охапку и увезти куда-нибудь далеко от сюда. Забыть все и начать с истого листа. Но снова нет. Наше прошлое и настоящее не дадут нам покоя. Хотя, может у нас еще что-то получится...

Насухо вытираю тело и возвращаюсь в комнату. Ложусь на свою половину кровати и закрываю глаза. Неужели этот тяжелый день закончился? Но покоя мне сегодня не дожидаться. Чувствую, как рука жены ложится на мой живот, а потом медленно ползет к паху. Не дожидаясь, пока ее рука доберется до цели, скидываю ее с себя и отворачиваюсь. Пару минут ничего, но потом повторяется та же картина.

- Отстань, - рычу я, отбрасывая снова руку.

- Нет, - игриво говорит Алиса и чуть прикусывает мое плечо, - не хочу!

- Тебе нельзя, ты вся в гипсе, - кидаю весомый аргумент.

- У меня не все тело в гипсе, и тебе-то можно, - мурлыкает она. - Я могу доставить тебе удовольствие, ты же знаешь

- Не хочу ничего.

Минуту стоит тишина. А потом Алиса шипит от злости.

- Не хочешь? А что хочешь, или лучше спросить, кого хочешь? Она поманила, а ты побежал! Ты, ведь, о ней, Лизке сейчас думаешь! - голос Алиски становится все сильнее.

- Заткнись! - рычу ей через спину.

- Нет! - она почти визжит. - Правда глаза колит! Ты мне обещал, что больше никогда не вспомнишь о ней, не вернешься.

- Пьяный был! - отмахиваюсь я.

- Ты всегда пьян! Сволочь! Мало того, что ты на ней помешан, так и сына нашего познакомил с этой шлюхой! Он о ней только и говорит! Хочешь, чтобы она и моего сына угробила?

От ее последних снов мою крышу сносит моментально. Одним рывком поворачиваюсь к ней лицом. Хватаю рукой за горло и с силой сдавливаю. Плевать, что останутся синяки. Она этого заслужила. Смотрю в ее распахнутые глаза и со злостью говорю:

- Запомни, сука, еще раз ты скажешь о ней хоть одно поганое слово, и я лично тебя убью, не посмотрю на то, что ты мать моего сына. Ты мизинца ее не стоишь. Говоришь, она шлюха? Но и тебя я не на клумбе с цветами нашел. Или ты забыла, из какого гадюшника я тебя выцепил, в котором ты стриптиз танцевала? Ах да! Это было твое мимолетное увлечение! Все поняла? Она кивает. Отпускаю ее и встаю с кровати. Желание отдохнуть пропадает. Одеваюсь и еду в клуб. Мне срочно нужно спустить пар, почему бы прямо сейчас не пообщаться с чудо-риэлтором.

Но выплеснуть злобу на Левшине не выходит - у его дочери сегодня день рождения. Велел ребятам не трогать его. Мне срочно нужно что-то сделать, куда-то деть себя. Привычно раствориться в алкоголе и бесплатном сексе совершенно не хочется. Я хочу другого... Но видеть Лизу мне сейчас строго запрещено. И это ломает, корёжит. Я до зубного скрежета хочу к ней. И только мысль и ее жизни сдерживает меня, поэтому возвращаюсь домой.

Алиса уже спит. Прекрасно. Просто падаю на кровать и отключаюсь до утра. Новый день приносит новые мысли, тщательно разобрав и переработав старые. С утра у меня пара встреч, касающихся бизнеса, а в обед я уже еду «встречаться» с Левшиным, которого ребята пытаются разговорить. Окидываю взглядом Димона — стойкий. Мои ребята его знатно помяли, но он упорно ничего не говорит.

Подхожу к нему ближе. Присаживаюсь на корточки, потому что он лежит на земле. Хватаю его за волосы (у него просто еб***ые длинные волосы, собранные в хвост) и говорю:

- Привет, Димон, поговорим?

Он фокусирует на мне взгляд. Я вижу, как в его глазах начинает зарождаться страх — это мне и нужно!

- Сядь! - рявкаю я.

Левшим неуклюже поднимается с пола и садится.

- Говори! - отдаю я новый приказ. - Как так вышло, что квартира Лизы теперь принадлежит тебе?

- Знал, что из-за этой суки мы все подохнем, - вырывается у него раньше, чем он, видимо, успевает подумать о последствиях.

Мне это и нужно. Ударом ноги в грудь откидываю его на спину. А потом наношу еще несколько. Не выбираю куда бить. Это падаль

заслужила такого обращения к себе. Слишком многих он обманул. Я привык к волчьим законам в нашем мире. Многие переходят закон для своего блага за счет других. Пока меня это не касалось — было плевать, но теперь хотят обидеть Лизу, поэтому я буду жесток.

Чуть выпустив пар, отхожу от Димка. Мои ребята приводят его в чувство и сажают теперь уже на стул.

- Итак, - говорю я спокойно, - на чем мы остановились? Ах да, я задал вопрос про квартиру, так?

- Да, - хрипит он.

- Слушаю!

- Брат пришел ко мне за несколько дней до смерти, - начал быстро говорить Левшин, - сказал, что, наконец решился развестись с Лизкой. Любовника, говорит, она себе завела. И решила Витьку кинуть — оставить без квартиры. Он хотел ее наказать. Поэтому переписал все на меня.

- Значит квартира принадлежала ему? - интересуюсь я.

- Да, Лизка сама ее на него переписала.

Он говорит, а я прям чувствую, как ложь из него потоком льется. Сука! Не понимает, что просто сдохнет сейчас! Ну ничего!

- Ясно, - проговариваю я, разворачиваюсь и собираюсь уходить, - заканчивайте с ним мальчики.

- Нет! - истошно орет Димон. - Пожалуйста, не надо! У меня дети!

О детях он вспомнил, г***н. Прекрасно! разворачиваюсь. Ребята бьют его, но не сильно. Они свою работу хорошо знают. Смотрю на ту картину и произношу:

- Твоим детям будет лучше без такого отца.

- Я все скажу, - молит Левшин, - не убивайте меня...

- У тебя минута на признание, - рычу я.

- Витек пришел ко мне больше десяти лет назад. Шальной весь, на взводе, я тогда подумал, что он под дурью. Попросил с одним делом помочь, сказал можно бабла срубить много. Я поверил. Он тогда еще не играл, - Дима закашлял.

- Дальше, при чем здесь квартира? - мне нужна была правда.

- Витка сказал, что Лизкиной бабушке нужно срочно продать квартиру. Он предложил выкупить через подставное лицо жилье за бесценок. Сделка была несложной. И барыш обещала большой. За эту квартиру можно было выручить приличную сумму. Оформил договор купли-продажи на подставное лицо и деньги отдал бабушке. Та была безумно рада, хотя выручила за квартиру гроши. Все приговаривала: «Они Лизоньке очень помогут». Подумал, что для ребенка нужны — Лизка же тогда беременная ходила. Я уже руки потирал, предчувствуя, как загоню квартирку, но не получилось. Снова пришел брат. Он, чуть не со слезами на глазах, умолял меня переписать жилье на него. Деньги все мне вернул, которые я на покупку потратил.

- Зачем ему это нужно было? - выдавил я из себя.

- Из-за нее, Лизы, - со злостью говорил Димон, но быстро осекается. - Любил он ее. Жить без нее не мог. Баб у него было пропасть, но он только о ней мечтал. Когда подростками были, я у него фотографию Лизы нашел под подушкой — он на нее по ночам дробил. Помешан брат был на ней. Скрепя сердцем, я согласился. И то потому, что Витек обещал сдать меня ментам. Квартиру переоформил на нее.

- А как же Витек передал ее тебе?

- Это липовый договор, я его задним числом оформил... Это все...

- Ясно, - собираюсь уходить, - я все услышал, больше ты мне не нужен.

- Нет! - это не крик, а визг уже. - Не убивайте, я же все рассказал.

- А тебя никто не собирается убивать, - говорю я. - сейчас приведем тебя в порядок и в офис поедом. - хочу, чтобы ты при мне и моих адвокатах отказался от квартиры, понятно?

- Да.

Больше мне с ним говорить не о чем. Сажусь в машину, а голова просто пухнет от информации. Зачем бабушке Лизы продавать квартиру, да еще перед самыми родами? Что-то здесь не так? Но что? Я должен выяснить.

Но пока это невозможно. К вечеру на моем столе уже лежит пакет документов на квартиру. Теперь Лиза ее полная владелица. Мне нужно как-то передать ей эти бумаги. Но как? Отправить с курьером? Нет... Бл***ь, Максим, ну признайся себе, что ты ищешь предлог,

чтобы ее увидеть! Да, ищу! И нахожу!

Я покидаю клуб через специальный выход, о котором знает всего пара человек и еду к ее дому. Сажусь в машину и не решаюсь подняться к ней. Что я ей скажу? Как, вообще, посмотрю в глаза? Словно чувствуя мою нерешительность, дверь ее подъезда открывается, и выходит Лиза. Она тащит какие-то баулы. Неужели собралась уезжать?

Нет, они доходят до мусорных баков и оставляет пакеты там. Домой не спешит. Стоит и смотрит на небо, а потом уходит. А я так и не решаюсь к ней подойти. Потому что не знаю, что сказать. Ведь я совсем недавно ее чуть не уничтожил морально, а теперь хочу заполучить обратно... Она не поймет меня.

Уезжаю. Весь следующий день меня ломает. Все внутри снова просит поехать к ней. У меня ломка, как у наркомана. Я постоянно злюсь, рычу и срываюсь на людях. Это невыносимо. Лиза полностью завладела мной. Столько лет я гнал ее из своей головы прочь, убеждая себя в том, что она не достойна жалости, а теперь с каждым днем понимаю, что натворил страшное... И мне все больше становится тошно от своей натуры. Хочется взять кусок стекла поострее и разрезать свое лицо в хлам, потому что не могу его видеть в зеркале.

Домой не тороплюсь. Ванька сегодня будет ночевать у своей прабабушки. Моя бабуля еще жива, не смотря на преклонный возраст, и умирать совершенно не хочет! Она души не чает в Ване, а он в ней. Бабушка с радостью забирает внука к себе на выходные. Вот и сегодня он попал в ее нежные руки!

Раздается стук в дверь. Дверь открывается и впускает в кабинет мужчину. Следователь по делу убитого Вити. Что ему интересно нужно?

- Не заняты? - интересуется он.

- Немного, - отвечаю я, не сводя с него внимательного взгляда.

- Я не отниму у вас много времени, - говорит мент и проходит в кабинет, а потом садится в кресло.

- Слушаю, но предупреждаю сразу — без адвокатов я вам ничего не скажу.

- А мне от вас, Максим, пока и ничего не надо. Я просто хочу, чтобы

вы меня выслушали.

Он замолкает и наблюдает за мной. А меня от его взгляда коробит. Не люблю, когда на меня так смотрят, как будто я подопытный кролик.

- Максим, вы же бизнесмен и любите заключать выгодные сделки? Вот такую хочу вам предложить и я, - проговаривает он медленно.

- И что я должен сделать? Признаться во всех смертных грехах? - говорю я с усмешкой.

- Почти, - он серьезен. - Вы сливаете нам всю подпольную империю вашего отца, а мы закроем глаза на ваше участие в его грязных делах. Вы сможете уехать, вас не будут искать, а он ответит по всей строгости закона.

- Кто вы? - вопрос вырывается из моего горла.

- Я майор ФСБ, Константин Дохов, разрабатываю дело вашего отца. Ну так что, Максим, подумаете над моим предложением?

Я молчу, только взглядом его буравлю. Он, как не в чем не бывало, смотрит на меня с улыбкой. Уверен в себе с***а! Мне плевать, что фсбэшники взялись за моего отца — я сам хочу его уничтожить. Мне не нравится то, как этот Дохов себя со мной ведет: явно уверен в себе. Но я ему нужен, иначе бы не пришел и не предложил такую сделку. Только я владею всей информацией на отца и могу предоставить улики. Чувствую, у мента есть козырь для моей сговорчивости. И как в воду гляжу!

- Кстати, - снова, не дождавсь моего ответа, начинает Дохов, - а вы знаете, что Лизу Левшину рассматривают основной подозреваемой по делу убийства ее мужа?

Твари! Пальцы машинально сжимаются в кулаки. Убью всех за нее.

- Нет, - выплевываю я.

- Жаль, но теперь вам это известно. Хотя, девушка, возможно, и не виновата. Ее муж был игроком, его могли убить за долги... Вряд ли наше следствие будет глубоко копать.. Вы подумайте, Максим, хорошо подумайте.

Он встает, подходит к моему столу и кладет на него визитку со своими данными, а потом молча уходит. У меня внутри поднимается огромная волна ненависти. Нет, не из-за того, что он так нагло вел себя, а из-за того, что посмел шантажировать меня Лизой. Все менты

— козлы! Я бы согласился с ними на сделку, но теперь точно не пойду на их поводу! Я сам все разрулю!

Глаза падают на папку с документами. Хватаю ее и снова еду по выжженному в мозгу адресу. Но сегодня действую решительнее. И через некоторое время я стою у дверей Лизиной квартиры. Нажать на звонок не решаюсь... Что я ей скажу? Как она меня примет? Плевать! Мне не жить без нее! Она моя Вселенная. Я защищу ее ото всего. Я скажу ей... Скажу, что люблю! Что все годы о ней не забывал, скажу, что хочу начать все сначала!

Нажимаю на звонок — тишина. Потом еще раз, еще... Нет ответа. Может спит? Или ее нет дома? Но на улице я видел свет в окне ее квартиры. Стучу в дверь. Никто не открывает. И тут в голову лезут слова Климкина о ее попытках самоубийства. Холодный пот моментально начинает струиться по моей спине, хотя на улице не жарко. Только не это! Лизка, не смей!

С силой ударяю по двери снова. И тут открывается соседняя дверь и из нее высовывается голова старушки, это соседка Лизы, Вера Ильинична.

- Максим? - удивленно спрашивает пожилая женщина. - Ты как тут оказался?

- Здравствуйте, Вера Ильинична, - вежливо отвечаю я, хотя самого трясет от внутреннего напряжения, - хотел вот с Лизой поговорить, посочувствовать ее горю... Но она не открывает. Переживаю я за нее.

- Ох, - вздыхает женщина, - мы тоже за нее переживаем, такое горе...

- А у вас, ведь, должен быть ключ от ее квартиры? - осеняет меня.

- Да, он тут, - она пропадает за дверью и показывается снова, отдавая мне ключ.

- Спасибо.

Хватаю его, как спасательную соломинку и быстро открываю дверь.

- Лизка!

Ору во всю глотку, но не слышу ответа. Вбегаю в комнату и вижу ее лежащую на полу в куче писем. Бросаюсь к ней. Неужели не успел? Тело Лизы пылает. Одежда вся влажная от пота. Волосы прилипли к лицу. Беру ее на руки. Она с трудом открывает глаза. Водит мутным взглядом по сторонам, пока не фокусирует свой взгляд на мне.

Облизывает пересохшие губы и еле слышно произносит:

- Матвейка... скоро мы с ним увидимся...

А потом снова теряет сознание... Нет! Я не дам тебе умереть, родная. Хватаю ее и со всех ног бросаюсь на улицу. По пути чуть не сбиваю Веру Ильиничну, которая зашла за мной следом, лишь успеваю ей крикнуть:

- Закройте квартиру.

Аккуратно грузю свою драгоценную ношу на сидение машины. Мчусь в больницу. Бл***ь, я снова забираю ее из квартиры, чтобы отвезти в больницу... Ирония... Но мне не до смеха. Мне страшно. Очень страшно. И я готов сделать что угодно, лишь спасти любимую... Игнорируя светофоры, нарушая правила, в считанные минуты добираюсь до больницы. Врываюсь в здание и ору на весь приемный покой:

- Быстрее, врача, девушка умирает.

Ко мне не спеша выходит дежурная медсестра.

- Вы чего так орете? - говорит она лениво. - Здесь больница, а не базар.

Накопленное за все дни напряжение, подгоняемое страхом за жизнь Лизы, выплескивается наружу.

- Слушай ты, - рычу я ей прямо в лицо, - если ты сейчас не начнешь шевелить ногами и не позовешь врача, то завтра же вылетишь из этой больницы на улицу. Я тебе такую жизнь устрою... Знаешь, кто я?

- Грубить не надо, я таких, как вы, каждый день встречаю, - говорит она невозмутимо.

- Моя фамилия Старов и мне срочно нужен врач.

Специально говорю тихо. Моя фамилия сразу приводит ее в движение. Медсестра бледнет, ойкает от испуга и со всех ног бежит искать врача. А я укладываю Лизу на кушетку и убираю со лба налипшие волосы. Только не умирай, прошу... шепчу я про себя.

- Макс, ты чего творишь? - Васька громыхает над ухом.

- Спаси ее, прошу, - сам не ожидал, что могу с мольбой в голосе говорить.

Друг бросает на меня удивленный взгляд, потом смотрит на Лизу. Трогает ее лоб, проверяет пульс...

- У нее скорее всего воспаление легких или грипп, точнее скажу после анализов. Что с ней произошло?

- Не знаю, - отвечаю ему. - Я нашел ее на полу в квартире, она бредила — говорила, что сына нашего скоро увидит. Сразу вспомнил про ее попытки самоубийства. Схватил Лизу и сразу привез сюда.

- Ты правильно поступил, - говорит мне Вася, - не думаю, что у нее была очередная попытка, но нужно все проверить. Ты езжай домой, а лучше привези Лизе вещи какие-нибудь и средства личной гигиены. Я думаю, она здесь надолго.

- Хорошо, - произношу я и хватаю друга за руку, - спаси ее, очень прошу.

- Иди уже, - улыбается Климкин, - понял я все.

Я жду, пока Лизу погрузят на каталку и повезут в палату, а потом только ухожу. Сажусь в машину и нервно закуриваю. Смотрю на свои руки и вижу, как они дрожат. Господи, голова падает на руль, пожалуйста, спаси ее, не дай ей умереть. Я все сделаю... я сдам отцам, сам отвечу по всей строгости закона, переведу все деньги Ваньке... Я оставлю Лизу и больше не появлюсь в ее жизни, только спаси ее.

По просьбе друга еду на квартиру к Лизе. Сначала звоню в дверь Веры Ильиничны. Та сразу открывает.

- Что с Лизонькой, Максим? - спрашивает встревоженная женщина.

- У нее воспаление легких скорее всего. Так врач сказал. Я приехал вещи ей собрать в больницу. Дадите еще раз ключ?

- Конечно, - она кладет его мне в руку, - бедная девочка, столько всего пережить...

Открываю квартиру, которую совсем недавно покинул. Захожу. Если не считать того раза, когда я пришел за Лизой, я не был здесь больше десяти лет... много, очень много воды утекло. Планировка не поменялась, хотя в помещении сделали хороший ремонт.

Прислоняюсь спиной к стене. Сколько счастья и познал в этом доме... Годы, проведенные в этих стенах, были для меня самым лучшим моментом моей жизни. Здесь все дышало Лизой...

Мне нужно собрать ее вещи, но я почему-то бреду в комнату, в которой нашел Лизу. Присаживаюсь на диван. Мой взгляд падает на разбросанные письма. На автомате поднимаю первое с пола и... забываю, как надо дышать. Второе, третье... Нет! Этого не может быть! Но это правда.

Во рту скапливается горечь, которую я не могу проглотить, потому что она как кислота, разъест мои внутренности. Я держу в руках свои письма... Те, которые писал темными ночами в армии, в которых рассказывал Лизе обо всем... Они все запечатаны, ни одно не вскрыто... потому что их никто не читал...

Что это такое, мать твою? Я падаю на колени и принимаюсь судорожно собирать письма. Меня лихорадит от шока. И я не сразу замечаю, что среди писем, которые писал я, есть и другие... Лизины... и они тоже все запечатаны...

Из груди рвется смех... Я сажусь на пол и начинаю громко смеяться. Как последний дурак ржу во весь голос, а у самого слезы из глаз текут...

Как же жестоко с нами поступили! Суки! Твари! За что? За то, что просто любили друг друга? Хотели быть вместе? Ненавижу всех. Убью виновного!

Разрываю первый попавшийся конверт и читаю: «Любимый, здравствуй! Пишу тебе очередное письмо! Как и обещала, нумерую его на конверте. Не знаю, дойдет ли оно до тебя... Вот уже четыре месяца я не получаю ответов на свои послания. Но я не обижаюсь, нет! Все понимаю — тебе там сейчас нелегко. А может просто письма не доходят. Я не отчаиваюсь и пишу тебе снова, потому что верю в тебя, люблю сильно... У нас все потихонечку. В институте я взяла академический отпуск. Знаю, что расстрою тебя, но врачи говорят, что моя беременность вызывает у них опасения. Прописали мне кучу лекарств, но у меня не на все хватает денег. Извини, но к твоему отцу я не могу пойти... Помогает бабушка: она вяжет и продает вещи на рынке. Я тоже немного тружусь, не ругайся! Витька помог с подработкой — приносит мне контрольные других студентов, я их за деньги делаю. Он предлагал мне подработку в кафе(Витя сам там работает), но я отказалась — куда мне! Малыш уже начал потихоньку двигаться! Это прекрасное чувство! Когда ты приедешь, мы будем с

ним вместе встречать тебя на перроне. Я, почему-то уверена, что будет мальчик. Я очень по тебе скучаю. Неизвестность убивает, но я жду тебя. Очень жду. Пока, родной. Надеюсь это послание дойдет до тебя. Очень люблю, твоя Лиза».

Не помню сколько я просидел на полу, очнулся, когда дочитал последние письма... На улице уже светало... А в моей душе царил мрак. Там была такая кромешная тьма, что хотелось завывать от отчаяния. Что я натворил? Как позволил себя так обмануть? Почему поверил всем, но не ей?

Кто-то умело манипулирует нами. Скорее всего, Лизе подкинули письма в надежде, что она покончит жизнь самоубийством, увидев непрочитанные послания... Значит, я успел ее спасти! Не позволю! Никому больше не позволю причинить ей вреда! Спасу!

И тут же хватаюсь руками за голову. Спасу, но кто спасет ее от меня? Ведь, я один из тех, кто причинил ей столько боли. Если бы я не пошел на поводу у отца, а поговорил с ней сразу, все было бы иначе! Я должен это сделать!

Поднимаю затекшее тело. Принимаюсь собирать вещи Лизы. Меня всего заполняет решимость — сегодня или никогда мы с ней, наконец, поговорим!

Глава 17. Лиза

Глава 17. Лиза

Все тело болело. словно меня кинули в какой-то дробительный аппарат. Ломота в костях была сильной и неприятной. Горло ужасно дергало. Во рту пересохло. Попыталась сглотнуть, но стало еще больнее. Где я? Что со мной? Кое-как раскрыв веки, огляделась. Нахожусь явно в больничной палате. Не связана, значит не в психушке. Мысль глупая, но меня еще иногда мучают кошмары. Я просыпаюсь в страхе, что снова привязана к больничной койке...

Закрываю глаза, которые режет от света. Как я здесь оказалась? Ах да, когда вернулась с кладбища, у меня поднялась температура, стало плохо и, наверное, я потеряла сознание. А до этого я читала письма... Нет! Не письма, послание бабушки. Матвей жив! И мне уже плевать на физическую боль, меня скручивает, сгибает пополам от боли моральной, душевной... Крик застывает на губах.

Как? Почему? За что? Рой вопросов, как осы накидывается на меня в попытке зажалить до смерти. И мне от них не отмахнуться, не убежать. Поэтому я добровольно принимаю их укусы, впитывая все новые и новые порции яда от их жал. Но у меня есть антидот от их яда — мой малыш жив! Он не умер, не лежит в той могиле, а бежит своими ножками по земле.

Моя душа напоминала мне все эти годы выжженную пустыню, покрытую слоем пепла. В ней ничего не осталось, даже света, только тьма крошечная. И вот теперь в ней зародилось маленькое пламя, которое с каждой минутой разгоралось все сильнее и сильнее. Мальчик мой, ты не умер! Я не могу поверить в это!

Я не замечаю, как в душу тихо ползет сомнение, маленькой, юркой змеей, которая пускает свой яд. А если бабушка соврала? Если это ложь? Нет, этого не может быть! Бабуля хранила письма и фото в шкатулке в тайном отделении, этого никто не знал, даже я. Да и квартиру она продала. Это правда! И снова тот сон в голове вспыхивает: бабушка у меня просила прощения. Теперь понятно за что, она правду знала.

Очередная преграда разрушена, но меня настигает новое препятствие — осознание того, сколько времени потеряно... И ему, наконец, удастся меня сломать. Из глаз начинают течь слезы... мне уже неважно сдержать рыдания...

Десять лет, долгих, отвратительно тяжелых десять лет потеряно. Почему я не нашла бабушкино послание раньше? Сколько потеряно всего — я никогда не узнаю, каким было первое слово моего мальчика, когда он пополз, когда встал. Не прочту ему на ночь сказку, не отведу в школу на первый в его жизни урок... Я столько всего упустила. Почему я такая дура? Зачем все эти годы мучилась? Что я за мать, если мое сердце все эти годы молчала, а я верила в чужую ложь...

Ложь — это слово скальпелем режет сердце. Каким моральным уродом надо быть, чтобы так поступить с человеком? Что плохого сделал людям мой ребенок? Мы никому не мешали... Хотя, мешали получается, раз его у меня забрали. И я знаю только одного человека, которому это выгодно — отец Максима. Интересно, а сам Максим знает, что наш сын жив? Мстят мне, он внутренне ликовал, видя мое саморазрушение?

Внутри меня поднимается волна гнева и злости. Они сминают под собой мое отчаяние и чувство самобичевания. Сколько же боли мне принесла эта семья! Мама, папа, малыш, я... Они забрали у меня все самое дорогое: Старов-старший приложил руку к суду над виновником аварии, потом забрал сына, а младший... он просто вырвал мое сердце и заставил все эти годы жить с невыносимым чувством вины. Ненавижу их!

Гнев отрезвляет. Сознание становится четким. Болезненная слабость не ушла, но мне легче. У меня теперь есть не просто стимул в жизни: у меня есть обет перед Богом, который я выполню даже ценой своей жизни — найти моего мальчика!

А если Максим все-таки не знает, что Матвей жив? Он бы не вел себя так, зная о сыне. И, когда правда всплывет, он заберет моего ребенка? Становится страшно от этой мысли... Скорее всего да. Доказать свое родство с Матвеем я смогу через суд, на это нужны большие деньги, которых у меня нет. Усыновить собственного ребенка, но кто это позволит женщине, которая когда-то лежала в психушке? Я должна что-то придумать, сделать. Но Максиму нельзя говорить о Матвее, он отнимет его у меня, заберет в свою семью. Я не позволю!

И только теперь понимаю, что все это время мою руку кто-то сжимает. Поворачиваю голову — рядом с моей кроватью на стуле сидит Максим. Его голова лежит на краешке кровати. Он спит. А его руки сжимают мою ладонь. Пытаюсь вытащить из его рук свою. Макс просыпается.

- Лиза? - говорит он чуть охрипшим от сна голосом. - Ты очнулась!

На его лице улыбка, полная счастья. Он действительно рад? Внимательно изучаю Максима. На лице щетина, явно не брился несколько дней. Одет в простой свитер и брюки. Мое наблюдение прерывает его движение — он берет мою руку и подносит ее к губам. Целует нежно ладонь, а потом к щеке прижимает. И мне дышать тяжело становится от его простой ласки. Глупое сердце еще любит...

- Это ты меня сюда привез? - спрашиваю его каркающим от боли голосом.

- Да, я нашел тебя на полу квартиры. Ты бредила, у тебя была лихорадка. Привез в больницу, врачи сказали, что у тебя воспаление легких. Лиза ты два дня не приходила в себя, - его голос полон грусти.

- Ты был здесь все это время? - зачем-то интересуюсь я.

- Да, я больше не хочу от тебя уходить...

Его последние слова пронесется как-то мимо моих ушей, потому что в олове сиреной надрывается «я нашел тебя на полу квартиры». Нет! Нет! Значит он видел письма фото, значит знает правду, теперь он заберет Матвея... Максим подвигается ближе и утыкается головой мне в грудь.

- Лизка, прости меня, если сможешь... Хотя нет, не прощай... Мне не вымолит от тебя прощения, как же я виноват перед тобой... Я видел письма... Я их читал...

А Максим продолжает... Он рассказывает мне, как служил, как каждую неделю ждал от меня письма, а оно не приходило. Их не было вообще. Сначала думал, что может это что-то с почтой, но от друзей письма шли исправно. А потом ему начали говорить про меня и Витю... рассказал, как приехал отец, как узнал о смерти малыша...

- Я тебе звонил, - говорит он севшим голосом, - хотел у тебя узнать правда это или нет.

- Звонил? - я такого не помню.

- Да, ты мне ответила каким-то не своим голосом.

- Когда? - ничего не понимаю.

- Примерно через месяц после родов...

- Я была в больнице, - озаряет меня, - после родов я пыталась покончить жизнь самоубийством... меня держали в психушке, накачивали таблетками и привязывали к кровати, чтобы снова что-нибудь с собой не сделала. Я не помню твоего звонка Максим.

Отвечаю ему и отворачиваю голову. Мне больно. Очень больно. В груди такая огромная рана — что же люди такие звери, почему поедают себе подобных? Нас с ним просто сожрали, уничтожили, сломали жизни... я понимаю, что он не врет. Сердце чувствует его боль, потому что и в нем живет такая же.

- Лиза, - он нежно касается пальцами моей щеки, - я поверил всем, но не тебе...

- Да, как и я.

И тут меня прорывает. Я смотрю на стену и, заливаясь слезами, рассказываю ему, как мучилась здесь одна, как переживала за ребенка, пока вынашивала его, как тяжело приходилось...

- Мы не голодали, Максим, нет, но нам приходилось очень сложно. И я берегла нашего малыша! - слова вырывались из меня вместе с криком. - Я в тот бар ходила, потому что Витя мне там работы отдавал и деньги. Не сидела там, не пьянствовала... А, когда в тот вечер, Алиска о твоём ранении рассказала, думала умру... Но все вышло по другому...

Максим слушал молча. Только руку мою в своей руке держал, а другой перебирал мои волосы. А меня дальше несло.

- Я жить не хотела, к смерти стремилась, но она не шла. Я сейчас понимаю, что был тот разговор по телефону, потому что все эти годы постоянно в голове слышала твои слова о мести... мне столько раз снился наш мальчик, что хотелось снова в петлю... Я за Витю вышла из-за благодарности, потому что совсем бороться сил не осталось... Это бабушка прятала от нас наши письма, почему она это делала — не знаю...

-Я разберусь, родная, во всем разберусь, - говорит он мне.

Я, наконец, выговорила... Столько лет в себе все это копила, а теперь выплеснула наружу... стало легче.

- Лиза, - он склоняется над моим лицом, касаясь своим лбом моего, - дай нам шанс.

- Зачем? - слово само вырывается из моей груди. - Максим, нашу жизнь разрушила чужая ложь... ты женат, у тебя прекрасный сын... Я не буду рушить чужую семью. Я скоро уеду из города, как ты и хотел.

Говорю, а самой больно от слов. Я не прекращала любить его все эти годы. Страдала, мучилась, но любила. Не вырывала из сердца. Меня трясет от его присутствия рядом. Руку хочу протянуть, прикоснуться. Ощутить тепло его кожи. Почувствовать его жажду всем своим естеством... Он мой мужчина, первый, самый главный...

Губы Максима в опасной близости от моих губ.

- Я не отпущу тебя, Лиз, - шепчет Макс, - больше никогда не отпущу. Я тебя все эти годы любил. Каждый день к дому твоему приезжал. Под окнами часами стоял, чтобы только одним глазком увидеть тебя.

Я волком по ночам выл от осознания, что ты с другим. Лиза, я люблю тебя, больше жизни люблю. Гони меня, бей, что хочешь делай теперь, но я назад приползу, молить на коленях буду, но никогда больше не отпущу тебя. Ты моя жизнь..Прости меня, маленькая моя, прости... Умру я без тебя...

И он захватывает мои губы в плен. А я не сопротивляюсь, потому что не хочу, потому что люблю его так же сильно... Но здравый смысл берет свое. И я отталкиваю Максима.

- Макс, я же болею, - говорю, а самой смешно становится от разочарования на его лице, ну как маленький, ей Богу!

- Я чуть-чуть, - отвечает он и тянется ко мне снова.

- Нет! - произношу четко и руку перед собой ставлю. - Все потом.

- Потом? - произносит он довольно и ухмыляется. - Смотри, я запомнил.

Меня от его слов почему-то в жар бросает. И это не температура. Это другое. Перед глазами мгновенно картины прошлого пролетают: как мы вместе были, как сексом занимались... Не время об этом сейчас думать, Лиза.

Раздается сигнал мобильного — Макс ушло сообщение. Он читает его. И я вижу, как довольная улыбка моментально исчезает с его лица. Макс весь напрягается. Во взгляде появляется злость. Он убирает телефон, замуривает глаза. Потом хватается руками за голову...

- Черт! - кричит он. - Почему все так?

Мне становится страшно от его поведения. Что же произошло? Максим, словно услышав мой немой вопрос, открывает глаза и смотрит на меня в упор.

- Лиза, послушай меня сейчас внимательно, - говорит он так, что у меня мурашки бегут по коже, - я должен немедленно увезти тебя отсюда и спрятать. Твоя жизнь в опасности.

- Что? Это шутка? - его слова напоминают бред.

- Мне сейчас совершенно не до шуток, - в его голосе появляется сталь. - все, что с нами произошло, дело рук моего отца: больше никому и не нужно все это. Он не перед чем не остановится. Это мой отец приказал убить твоего мужа. Витек избил Алиску, за что не

знаю, но скоро пойму. Он пригрозил мне, что если увидит меня еще раз с тобой — убьет тебя. Я держался, пытался не видеть тебя...но меня надолго не хватило. Я без тебя больше не могу... Поэтому мне нужно тебя спрятать.

- Почему он так настроен против меня? - только и могу проговорить я, потому что нахожусь в шоке от всего услышанного.

- Не знаю, любимая, - отвечает Макс и берет меня за руку. - Я никому не позволю причинить тебе боль, уничтожу, убью любого. Я сдохну, если с тобой что-то случится. Маленькая моя, нам надо торопиться, времени почти нет.

- Почему?

- Меня заказали, Лиз, отец нанял киллера меня убить.

Если раньше я думала, что испытываю страх, то сейчас поняла, то был просто испуг, потому что сейчас действительно наступил страх. Родной отец нанял киллера для сына? Что же ждет нас дальше? А как же Матвей? Я просто не могу теперь сказать Максиму о нем. Если во всем замешан его отец, значит он знает, где мой сын, и может сделать с ним что угодно. Страх внутри растет все сильнее. Я не могу потерять единственную возможность быть рядом с моим ребенком.

- Хорошо, - говорю я дрожащим голосом, - я согласна.

- Прекрасно, любимая.

Он встает и выходит в коридор. Некоторое время его нет. И это ожидание меня напрягает. Куда он ушел? Почему так долго? И самое страшное — неужели киллер до него добрался? Но вот открывается дверь и входит Максим, а за ним доктор, в котором я узнаю его друга.

- Ты сошел с ума, - говорит врач сердито Макс, - она только в себя пришла, без надлежащего ухода она умрет.

- Я все решу, мне нужно ее забрать, - чуть не ругается Максим. - Я тебе все объяснил, Вася. Помоги, друг.

- Хорошо, - отвечает тот, но все еще недоволен. - Я напишу все лекарства, которые она должна пить и какие уколы ей необходимо делать.

- Понял, все будет хорошо.

- Надеюсь, - Вася смотрит на Максима в упор, - ты давай, будь

осторожен.

- Переживаешь? - улыбается Макс.

- Конечно, кому я еще буду мозги вправлять.

Они шутят, а мне плохо от страшных мыслей! На смену страху приходит злость. Ух! Время нашли. Доктор уходит, а Максим помогает мне собраться, сама я не могу: во всем теле жуткая слабость. Когда сборы заканчиваются, он берет меня на руки и несет из палаты. В коридоре стоит его друг доктор.

- Держи, - он дает ему какой-то пакет, - здесь список и немного лекарств на пару дней.

- Спасибо, - Макс берет пакет, словно меня нет на его руках, если что — я позвоню.

- Хорошо.

Мы выходим. Меня усаживают на заднее сиденье. Но точнее сказать — меня укладывают. Макс садится за руль.

- Осталось решить, куда тебя отвезти, - говорит он.

- Отвези меня на кладбище.

Эх, мне бы сейчас фотоаппарат, чтобы запечатлеть реакцию Макса на мои слова: удивление, растерянность, гнев. Он даже повернулся ко мне всем телом.

- Ты что несешь, Лиз? - рычит он.

- Поезжай, - отвечаю ему, а сама улыбаюсь, - по дороге расскажу.

Глава 18. Максим

Чувствую себя зверем, которого медленно, но уверенно загоняют в ловушку. Не дамся! Ни за что не сломаюсь! Теперь мне есть, ради чего жить! Правда из уст Лизы не просто ударила по голове, она мне черепную коробку вскрыла, вытащила мозги, прополоскала и на место поставила. Мне пи***ц как дурно стало. Так накрыло, что хоть в петлю лез. Каким конченным уродом я был! Столько лет просто тупо не мог поговорить с любимой мне женщиной. Нужно было найти немного времени и смелости, чтобы все выяснить, а не жить все эти годы, разрушая себя морально и физически.

В этом дерьме виноват только я. И мне его расхлебывать. В голове

только одна мысль — как Лизка смогла меня принять после всего этого. То, что она готова снова быть со мной вместе я понял сразу, родная моя.

Вспоминаю о ней, а на губах улыбка. Дурочка, напугала меня этой просьбой, отвезти ее на кладбище, чуть сам не убил. А, оказалось, что у нее есть прекрасное место, где можно спрятаться — домик старушки. Пожилая женщина приютила Лизу. Спасибо ей огромное.

Лизка рассказала, как с ней познакомилась... До сих пор чувствую, как по коже мурашки толпами бегут — Макс, ты моральный урод, ты свою женщину голыми руками почти в землю вогнал живую, тебе нет прощения. Рычу я сам на себя. Как представляю, как она там на могиле лежит и плачет... так готов обратно в прошлое, в армию, чтобы встать в полный рост и под пули чтобы меня маджахеды всего пулями изрешетили, лишь бы боль ее забрать на себя... Это мой грех, мой крест, мне его до самой смерти нести, а после и на том свете искупать...

Я должен исправить жизнь Лизы... Страшная мысль приходит в голову: жизнь Лизки станет лучше, если я исчезну... Нет! Не могу, я же умру без нее. Задохнусь без своего кислорода... Но она будет жить, дышать, ходить! Значит я должен это сделать! Ради нее исчезнуть!

Выруливаю на пустырь, на котором назначена встреча. В больнице мне пришло сообщение: «Тебя заказали. Встретимся в полдень на пустыре». Я мог бы пропустить это сообщение мимо, но номер, с которого оно мне пришло прекрасно знал.

Владимир Поляев, он же Пуля, был известен многим людям определенного круга, потому что являлся киллером высшего класса. У Вовки был свой кодекс чести, свои правила и законы. Он брался не за все заказы, а только за те, где действительно были виновные. Это многим не нравилось, но с ним считались, иначе... Я пересекался с ним пару раз, но не для того, чтобы нанять его, а просто бывали в одной компании. Если бы он хотел меня убить, сделал бы без предупреждения. Значит что-то не так.

Вовка меня уже ждал. Высокий, молодой, с хорошей спортивной фигурой, он стоял, облокотившись на машину и щелкал орехи. Да, с виду и не скажешь, что это хладнокровный убийца.

- Здорова, будешь? - он протягивает мне орехи.

- Здорова, давай.

Некоторое время мы молчим. Но потом он нарушает тишину.

- Я заказ приму, но убивать тебя не стану, - говорит он.

- С чего такая щедрость? - любопытно же.

- Потому что ты дурак, - отвечает он мне спокойно.

- Я дурак? С чего ты взял? - он меня провоцирует?

- Я тут покопался в грязном белье вашей семьи... Ты что вообще не понимаешь, что твою жизнь разрушил твой же отец?

- Не понимал, - мрачно отвечаю я. - Только теперь дошло.

- Уже хорошо, - с ухмылкой говорит он. - Рад за тебя.

- Это единственная причина? - грублю я.

- Почти. Ты же знаешь — у меня принципы: я не буду убивать детей, заказанных их же родителями, поэтому живы.

- Спасибо.

Вот, б***ь, счастье-то какое! Мне жизнь даровали.

- А сейчас серьезно, Макс, - поворачивается ко мне Поляев и говорит,

- времени у тебя мало, так что хватай семью, девушку эту свою и уезжай срочно. Я, конечно, время потяну, но твой отец скоро все поймет. Мне он ничего не сделает, а вот киллера другого точно наймет. И у того не будет принципов, он вас всех поубивает, даже сына твоего. У тебя очень страшный отец.

- Знаю, - от этого слова на зубах скрипит.

- Если помощь с ксивами нужна или еще чем — говори, помогу.

- Не надо, - отмахиваюсь.

- Ну как знаешь.

- Ага, - стою и тупо перевариваю информацию, на душе погано.

Вовка садится в машину и уезжает, а я со всей силы бью по колесу машины ногой. Вот же гадость! Собственный отец меня заказал! Это же бред! Но это не бред, это, сука, суровая реальность. В кармане гудит телефон. Беру трубку.

- Старый, врач у нас, везет ему по нужному адресу, - отчитывается

мой начальник службы безопасности.

Хоть одна хорошая новость! Ну что ж, поговорим с «доктором». Еду на заброшенный завод, где меня уже ждут. Доктора никто не трогает. Я сам лично вытрясу с него правду. Мои ребята привязали его к стулу, на голову одели черный мешок. Не смотря на его лицо я понимаю — боится, его всего трясет. Срываю с него черную ткань. Он жмурит глаза, пытаюсь привыкнуть к свету. Смотрю на него внимательно. Да его ломает не от страха! Он наркоман! Я таких уже сотни раз видел!

- Закатать ему рукав! - ребята быстро выполняют мой приказ.

Так и есть. Вся мужская рука исколота, на вене живого места нет. Пиз***ц, и это чмо людей лечит? Внутри все закипает волнами. Подхожу к нему вплотную и говорю, глядя в глаза:

- Знаешь меня?

- Нет, - с дрожью в голосе говорит он.

А у меня в голове словно кто-то дергает затвор. Рука сама мгновенно с силой выбрасывается вперед. И, вот уже, это горемыка летит вместе со стулом на бетонный пол. Мои парни поднимают его без приказа — все знают. У этого нарика разбит нос, кровь течет по подбородку, но мне плевать.

- Спрашиваю еще раз: знаешь меня?

- Я знаю вашу жену, она приходила ко мне за консультацией, - проговаривает он скороговоркой.

- Прекрасно, - очень интересная информация, но она сейчас не важна.

- Отпустите меня, я ничего не сделал, - скулит он.

- Отпущу, когда скажешь правду. Это ты принимал роды десять лет назад у Нечаевой Лизы?

- Нет! - кричит он и тут же начинает скулить, потому что очередной удар отправляет его снова на пол.

Но в это раз его не поднимают. Он валяется на полу. Я подхожу к нему. Присаживаюсь на корточки и тихо говорю:

- Ничего, мы поможем тебе все вспомнить. Ребятки, несите его в душ.

В этом заброшенном здании когда-то был завод. Многое было

сломано, но душевые были еще в нормальном состоянии, там, даже, была вода. Доктора притаскивают в душевую. Парни наполняют одну из ванн водой.

- Не вспомнил еще? - спрашиваю я у мужчины.

Тот отрицательно качает головой, но его лицо уже побелело от страха. Прекрасно. Беру у одного из парней нож и иду к нему. Он весь сжимается. Его лихорадочный взгляд не отрывается от лезвия. Подхожу совсем близко, чуть наклоняюсь. Слышится журчание воды. Это уе***к обмочился от страха! Разрезаю веревки, которыми он был привязан к стулу, но руки не освобождаю. Веревка на них пусть остается. Хватаю его за шиворот и тащу к ванне с водой. Он пытается брыкаться. Но один удар по яйцам заставляет его потерять всю прыть. Подтаскиваю к воде, хватаю за шкирку и окунаю голову в ледяную воду. Держу некоторое время, пока он не начинает активно дергаться. Потом позволяю ему вдохнуть кислорода.

- Вспомнил? - ору я.

- Да, я вспомнил... ее на скорой привезли... преждевременные роды были, девка гулящая бы...

Я не даю ему договорить, снова отправляю его голову в воду. Не была! Она верная и чистая, в отличии от тебя, мразь!

- Что стало с ее ребенком? - спрашиваю я, позволяя моей жертве опять вздохнуть.

- Умер, пуповина задушила.

Я не знаю врет ли он сейчас, но на всякий случай снова опускаю его голову в воду. Держу, позволяю сделать глоток воздуха и опять в воду, так раза три... При очередном «выныривании» он орет:

- Пожалуйста, не надо больше, я все скажу!

- Говори!

Отпускаю его. Мужчина садится на пол, прижимаясь спиной к ванне. Поджимает под себя ноги. И начинает говорить такое, от чего трести уже начинает меня.

- Когда девушку привези в больницу, он приехал сразу следом за ней. Пришел ко мне в кабинет. Положил на мой стол десять тысяч долларов, огромные деньги тогда! Он сказал, что девка и ребенок должны умереть. Я испугался! Я доктор, клятву давал, но и против

него пойти не мог... Сказал, как получится... Девушка долго мучилась — ребенок неправильно лежал, но потом мы сделали кесарево сечение. И она, и ребенок остались живы. Думал мне крышка, но он не разозлился, и даже еще денег дал, а потом просто ребенка забрал и сразу уехал. Мы в метрике написали, что умер, а тело родственники забрали якобы... пришлось кое-кому денег дать.. он помог мне исчезнуть и сменить документы...

- Ребенка забрал? - я еле произнес этот вопрос.

- Да, мальчишка здоровым и крепким родился, мы ему даже прививку не успели сделать, как младенца увезли, - объясняет доктор.

- Кто? - хотя я и так знаю ответ.

- Ваш отец, - он смотрит на меня как на дурака.

А я и есть конченный дурак... Чувствую, как перед глазами становится темно... Мой сын жив! Жив! Я все эти годы пытался уничтожить женщину, которая ни в чем не виновата! Как я ей в глаза теперь смотреть буду? Как жить с этим знанием дальше? Как я Лизе расскажу, а вдруг она с ума сойдет от этой новости и покончит с жизнью?

Обхватываю голову и реву диким зверем. Земля под моими ногами словно раскалывается. И я лечу прямо в огненную пасть преисподней... Бинго, Макс! Ты выиграл! Твой ад наступил раньше, чем ты ожидал!

По венам больше не бежит кровь, теперь по ним течет кислота. Она разъедает все новые и новые органы моего тела, выжигает мозг, превращает сердце в кровавый сгусток. Нет меня больше, я не умер, я сгнил заживо... и черви пируют на моем теле.. а шакалы грызут кости! Столько лет, столько лет! Я его отцом называл, верил, а он!.. Убью, тварь, прямо сейчас поеду и в землю живьем закапаю! Ненавижу!...

- Старый, Старый, ты убьешь сейчас его!

Голос как будто из другой реальности вырывает меня из моей пыточной камеры. Оказывается, что я почти утопил этого проклятого докторишку, ребята меня чудом оттащили от него. Смотрю на это все и ничего не вижу. Мне плохо, воздух в легкие перестает поступать, кровь ударяет в мозг. Начинаю хрипеть. Бегу на улицу. Останавливаюсь у дверного проема и полной грудью набираю в

легкие кислород. Становится больно, но не легче... Разворачиваюсь и со всей силы ударяю кулаком в бетонную стену, окрашивая серость стены кровью...

Лиза, Лиза... перед глазами слайды жизни проносятся: школа, знакомство, прогулки, признания в любви, первый поцелуй, первая ночь... я все потерял, все разрушил сам, потому что поверил не тому человеку. Клялся не предавать ее, а сам первый камень кинул в нее. Ненавидел ее, унижал, приносил боль, а она терпела... я ей приговор вынес, не найдя ни одной улики, без вины осудил...

Бедная моя... нет не моя... даже думать больше об этом не стоит... забыть, выжечь, выгрызть зубами из сердца это слово. Не достоин! Больше никогда не должен называть ее так, потому что виноват перед ней полностью... Даже прикасаться к ней не смей, Макс! Она чистая, верная, а ты грязь, которая никогда не сможет запачкать ее...

Костяшки пальцев сбиты, все руки в крови, но я не чувствую физической боли. Что она мне, если внутри от душевных мук уже все умерло. Я не знаю, что мне теперь делать. Да, я уничтожу отца, но что дальше? У меня нет будущего с Лизой, узнав правду, она никогда меня не простит, не позволит мне приблизиться к себе. Я даже видеть ее больше не смогу... Жить с Алисой? Нет... лучше один буду, сдохну без любимой... сыновей... но не причиню им вреда...

Отца я не убью. Нет! Смерть — это слишком просто для него. Я его уничтожу! И он будет молить меня о смерти!

Найду сына, и они уедут с Лизой так далеко, чтобы я никогда в жизни не смог бы их найти... Но пока я не буду ей говорить, что наш ребенок жив... Она должна поправиться, должна... Лиза не простит меня потом, знаю, но мне нужны эти пара дней с ней... чтобы в последний раз побыть счастливым...

Глава 19. Алиса

На что человек способен ради любви? Если бы сейчас кто-то спросил Алису об этом, она, не задумываясь, ответила бы — на все! Потому что так и поступала. Не жалела себя, унижалась, причиняла другим боль, ибо любила, слепо, дико, само разрушаясь. Ее любовь была сродни психическому заболеванию, у нее даже название было - стокгольмский синдром. Алиска понимала, что это любовь разрушает ее, убивает в ней все человеческое, превращает в рабу, живущую только моментами, когда «любимый» обратит на нее внимание...

Алиса не была душой, которой ее часто считал Максим, наоборот, уровень ее айкью достигал 117 баллов, но все в ее голове отключалось, стоило одному человеку поманить ее... Так часто бывает: высокоинтеллектуальный человек, с рациональным мышлением теряет все зачатки разума, стоит ему узнать, что такое любовь. И хорошо, если это чувство взаимно и любимый здравомыслящий человек. Но Алиса полюбила монстра, который был скрыт в человеческом обличье. Это со временем она поймет, кто занял ее сердце, а сперва было абсолютно без разницы.

Любовь, которая должна была приносить девушке, счастье, радость, наслаждение, давала Алисе другое: боль, унижение, осуждение и непонимание. Она превратилась в мазохистку, которая не может существовать без очередной порции побоев... Но все это не останавливало Алису, даже иначе, она шла на все, чтобы получить свою порцию нового больного удовольствия... до недавнего времени...

Максим Старов был первой влюбленностью Алисы. Ей дочке богатый родителей, привыкшей с детства получать все, что хотелось, конечно, потребовался сразу лучший из парней школы. Но на все ее попытки начать более «близкое» знакомство Макс отвечал категоричным нет, а потом вообще послал. Он уже тогда никого из девчонок не видел из-за своей Лизки. Алиса на время затаилась. Сделала вид, что отстала. Но в душе ела бури из ненависти. Ее красавицу и умницу променять на какую-то нищевродку? Этого она простить не могла! Лизой двигала не только месть. Во всем ее окружении не было ни одного парня, который мог сравниться с Максом. Макс был красив, а еще он был бунтарем, нарушителем всех правил, норм. Он всегда отстаивал свою точку зрения, мог и до кулаков разговор довести. Алису тянуло к «плохому» парню.

На выпускном вечере Алиска блистала. В дорогом вечернем платье, с идеальным макияжем и красивой прической она была звездой вечера. Но Максим не обратил на нее внимания ни разу, весь вечер так и проторчал рядом со своей душой. И в сердце девушки зародилась жуткая злость. Она решила отомстить парню самым жутким образом: подстроить его измену. Алкоголь, который выпускники тайно распивали за школой, толкал Алису к решительным действиям. Девушка краем уха услышала, что Максим после выпускного повезет Лизу к себе домой. Тут-то все и решилось.

Алиса тайно пробралась в дом Старовых. Как ей это удалось она и сама не понимала. Охрана ее, конечно, остановила, но она представилась одноклассницей Макса. Наплела что-то про продолжение вечеринки и ее пропустили. В доме Старовых она уже бывала со своими родителями, поэтому комнату Максима нашла быстро. Разделась и легла в его кровать, предчувствуя скорую победу. Но Макс не пришел. Пришел его отец...

Семен Анатольевич был очень удивлен увиденной картиной. Оказалось, что Алиса все же перепутала комнаты и попала к Старову-старшему. Ей было стыдно и страшно... Мужчина определенно не скрывал, что ему очень понравилось красивое, молодое, женское тело... В ту ночь Алиса стала женщиной. В ту ночь она поняла, что Максим на самом деле пустышка. А вот его отец настоящий мужчина. Той ночью Алиса сломалась. Она стала вещью Семена, его ручной собачкой, его исполнителем. Теперь он приказывал, а она делала, лишь бы только снова оказаться в его постели, почувствовать его грубые ласки, получить экстаз от очередной порции боли.

Чем лучше Алиса выполняла поручения, тем больше «любви» получала. Она превратилась в нимфоманку, но ей не требовался постоянный секс. Ей нужен был секс только с одним человеком. Ради него она отказалась от прекрасного будущего, ради него она практически продавала свое тело, ради него разрушила жизнь Макса и Лизы... Жалела ли Алиска об этом — нет! Влюбленные слепы, а она от своей больной любви была еще и бесчувственна к страданиям других.

Алиса помогала Семену уничтожать его сына. Зачем это требовалось, она не спрашивала. Отец Максима первое время был безразличен к «любви» сына, пока тот не ушел из дома. Тут Старов-старший расвирепел. Он орал на жену, бил ее, пытался шантажировать сына, но без результатов. Тогда Семен Анатольевич нажал на нужные рычаги и Макса призвали в армию — сын не думал сдаваться. И тут вылезла новость с беременностью Лизы.

Однажды ночью, когда Алиса получала новую порцию желанного больного наслаждения, Семен рычал от злости:

- Они все должны сдохнуть... это отродье не должно родиться... я уничтожу их семью...

Что это означало, Алиса привычно не спрашивала. Она знала — стоит

спросить что-то лишнее, и Сема (как называла она его про себя) выбросит ее из своей жизни. Он уже это делал. У него к Алисе чувств не было. Семен прекрасно обходился без нее — продажных женщин море. А вот Алиса без него уже не могла. Поэтому всегда молчала и открывала рот только тогда, когда это было нужно.

В ту ночь она снова промолчала, но слова его запомнила. Ненависть Семена явно была обращена не на Максима, а на семью Лизы... что бы это могло означать? А утром ей было дано новое указание — сделать все, чтобы Максим и Лиза расстались. Девушка не знала, что делать. Семен больше не отвечал на ее звонки, в его дом ее не впускали. Алиса не знала к кому обратиться. Но судьба помогла найти решение.

Как-то вечером Алиса, как обычно, пришла в один из клубов города. Бармен за стойкой услужливо подливал щедрой на чаевые девушке алкоголь. Алиса захмелела. И тут ее взгляд выпепил в зале знакомую фигуру — Витька Левшин, их общий одноклассник, и тот, кто безумно «сох» по Лизе. Над его «любовью» в классе смеялись все кому не лень. Алиса знала, что больше Лизы Витя любил деньги. Он может помочь!

Виктор согласился сразу. И даже придумал схему, как все устроить. Парень знал о бедственном положении семьи Лизы, о том, что она ушла из института. Он решил предложить ей «подработку»: отдавал девушке свои же контрольные, которые она делала, а потом «платил» ей. Деньги приносила Алиса. Она только потом сообразила, что Витек дурил и Лизу, и ее. Он отдавал за работу только часть денег, все остальное оставлял себе... Но тогда она об этом не думала. Витя встречался с Лизой в клубе, у всех на виду. Куча народу, а, особенно друзей Максима видели их постоянно вместе. Парень часто обнимал девушку, якобы жалея и сочувствуя ей. Но это была игра. Нужен был результат. И он получился.

Алисе удалось узнать, что Макс совсем не пишет Лизе. С радостной новостью она помчалась к Семену. Но он только рассмеялся ей в лицо. Отсутствие писем было, как оказалось, его заслугой. Он даже рассказал ей, что припугнул бабку смертью внучки, если письма от Лизы будут уходить в армию. Семен все же взял Алису в тот вечер на своем рабочем столе, а потом просто выгнал за ненадобностью.

Она чуть не сошла с ума. Животная потребность в извращенном сексе ломала все ее тело. Алиса поняла, Семен вернется к ней только тогда,

когда с «проблемой» будет покончено. И тут в голове всплыли слова Семена о ненависти к семье Лизы.

Алиса знала, что вечером Витя снова встречается с Лизой. Так же она знала, что беременность протекала с осложнениями, Лизе нельзя нервничать. Это все ей поведал Левшин. Алиса придумала историю про ранение Максима в надежде пошатнуть нервы Лизы. У нее получилось! Даже больше — начались преждевременные роды.

Из клуба Алиска рванула в дом Старовых. У нее внутри все ликовало. Семен выслушал ее восторженных монолог без слов, а потом, вообще, вышел и куда-то уехал. Она всю ночь провела в его кабинете, как верная собака. И дождалась. Рано утром он явился домой. Сказал, что его внук умер. Схватил ее за волосы и потащил в спальню. Алиса чуть не редела от радости. Семен брал ее грубо. Он оставлял на ее теле синяки и кровоподтеки, но девушке было плевать — она улетаала в рай от желанного экстаза. Оргазм заставил ее потерять сознание, но она все же слышала его шепот:

- Оляка, сука!

О какой Ольке он говорил? Не важно! Главное, что он сейчас с ней, так думала Алиса. Потом она уснула, а когда очнулась после сна, то пошла искать Семена. Нашла его в кабинете. Он разговаривал с кем-то по телефону. Заходить девушка побоялась, но его слова отчетливо слышала:

- Да, как я и сказал, отправь его в дом ребенка, как можно дальше... Что? город Тымск, Алтайского края, Детский дом №5 — прекрасно!... Как записать?... Пусть запишут Нечаев Матвей... Готовь все к похоронам, докторишку не забудь убрать.

Алиса перестала дышать. Что это все означает? Бросилась Ребенок получается не умер? Она зашла в кабинет. Семен посмотрел на нее, как на вещь, а потом приказал убираться и больше не появляться в его доме. Алиска бросилась ему в ноги, но не помогло. Семен избил ее, жестоко и сильно. Девушка еле смогла добраться до дома. Ее жизнь превратилась в ад. Она не могла существовать без секса. Это болезнь съедала ее. Старов приказал охране не подпускать ее к себе. От отчаяния Алиса начала пить.

Однажды ее пьяную и подцепил Витя. Он помог ей добраться до квартиры, которую ей давно купили родители. Девушка была в отчаянии. Алкоголь развязал язык. И Алиса рассказала Вите все, что

болело в тот момент в ее душе: неудовлетворенность, махинации Старова, тайна смерти ребенка Лизы, а самое главное, что ребенок жив. Витя посочувствовал Алисе и даже переспал с ней. А потом сделал вид, что ничего не знает.

Прошло несколько лет. От безысходности Алиса пошла учиться и работать. Но встреч с Семеном искала все равно. Она даже в ночной клуб устроилась, потому что знала, Старов часто заказывает приватные танцы. И ей снова улыбнулась удача! Семен не просто обратил на нее внимание — он назначил ей встречу у нее дома. Алиса готовилась весь день! Мужчина приехал. Он сел на диван в комнате и заговорил:

- Я хочу, чтобы ты стала женой Макса. Ты должна сделать все, чтобы он на тебе женился. Ври ему, что хочешь, но жени его на себе. С делаешь это, будешь вознаграждена. Согласна?

Надо ли говорить, что Алиска согласилась мгновенно. Еще бы! Она будет жить под одной крышей с Семеном, видеться с ним. За эти годы она так изголодалась, что готова была на все. Семен остался в квартире на все ночь. А уже следующим вечером Алиса послушно танцевала стриптиз перед пьяным Максом, который ее и не узнал даже, настолько был пьян.

Жизнь Алисы изменилась. Вечера она проводила с Максом, который напивался до безбожного состояния, вез ее домой и трах***л, постоянно называя ее Лизой. А потом, когда он засыпал, он уходила в комнату Семена и получала настоящее удовольствие. Утром Максим просыпался, видел очередные синяки на теле девушке и вез ее в торговый центр, «замаливать» грехи. Так незаметно они подошли к тому, что Максим предложил ей жениться.

Свадьба была шикарной. Море гостей, прекрасная невеста, только хмурый жених, который к концу свадьбы так напился, что брачная ночь прошла без него, правда он об этом не знал. Платье с Алиски срывал Семен.

А через некоторое время Алиса узнала, что беременна. Чей это ребенок, она не знала до сих пор, но склонялась к тому, что Макса.

Так и потекла жизнь Алисы. Она прекрасно играла роль жены Старова-младшего, а сама спала со Старовым-старшим.

И все было бы так дальше, если бы на горизонте не появился давно забытый Левшин и не начал шантажировать Алису... Она как раз

была беременна во второй раз. И теперь знала точно — отец Семен. Эта мысль приятно грела душу. Старову-старшему, конечно, рассказала об этом сразу. Но тот не отреагировал никак, словно ему было безразлично.

В тот день Алиска возвращалась из модной женской клиники, ее открыли совсем недавно, но она уже стала очень популярной. Левшин ждал ее у ворот дома.

- Привет, Алиска, - проговорил он ей.

- Здравствуй, что хотел? - грубовато поинтересовалась она.

- Увидеться, соскучился по подруге школьной.

- Ну-ну, что тебе нужно Левшин?

Алиса ему не поверила. Она знала, что Витя женился на Лизе. Сколько раз за все эти годы пьяный Макс говорил об этом, ей уже надоело даже.

- Может встретимся, поболтаем? - с ухмылкой проговорил мужчина и протянул было руку к плечу девушки.

- Отстань, - Алиса отбросила руку и оттолкнула Витю, - не смей меня трогать.

- Не нравится? - зарычал Левшин и больно схватил Алису за плечо. - А когда-то сама просила «пожестче», забыла? Так я напомним! Я еще твоему муженьку расскажу, как женила его на себе, а Лизку в больницу упрятала. Или лучше сразу ему про ребенка рассказать и твою «неземную» любовь к отцу Макса?

- Чего ты хочешь? - еле проговорила Алиса.

- Денег, милая, простых зеленых бумажек. И в твоих же интересах, чтобы я получил их как можно быстрее. Все поняла?

- Да.

- Замечательно, я жду.

В дом Алиса попала на ватных ногах. Ее трясло от страха. Она прекрасно знала, что если обо всем узнает Максим, он просто живьем ее в землю закопает. Умирать не хотелось совсем. Но и платить девушка не хотела. Прекрасно понимала, что стоит отдать деньги хоть раз и все — будет платить до конца жизни. Она нашла другой выход — пошла и все рассказала Семену. Лучше бы она этого не

делала, лучше бы заплатила...

Старов-старший сорвался. Нет, он не просто сорвался, он озверел! Мужчина накинулся на Алису с кулаками. Он бил ее с таким остервенением, что она уже практически простилась с жизнью. Напрасно она молила Семена, просила простить ее, говорила, что беременна его же ребенком — его ничто не останавливало. Когда Алиса упала на пол, он принялся избивать ее ногами. Девушка перестала сопротивляться. И вот, когда Алиса поняла, что скоро умрет, он остановился. Наклонился и схватил ее за волосы, заставляя смотреть ему прямо в глаза.

- Я тебе доверял больше всех, а ты, - заговорил Семен, выплевывая каждое слово, - предала меня, сука. Это тебе урок. Запомни его хорошо, другого не будет — прирежу сразу. А теперь слушай и запоминай: тебя избил Левшин, встретил и накинулся. Кричал, что это Макс за Лизу. Все поняла? Не справишься, отниму сына, а тебя в бордель продам, а лучше — убью. Поняла, спрашиваю?

Он потрянул голову девушки.

- Да, - одними губами ответила Алиса.

- Прекрасно, не справишься с ролью, пуцу в расход. Ко мне больше не смей приближаться, шваль.

Семен вызвал скорую, которая увезла Алису в больницу. Ребенка она потеряла... Лежа на больничной койке Алиса впервые поняла, в какой ад сама превратила свою жизнь. Что она натворила? Как ей жить дальше? Единственный человек, которому она отдала всю себя, свою честь, любовь, жизнь, оказался жутким монстром... Но она настолько зависима от него, что готова простить ему и этот ужас... Больная, ужасная любовь...

Во всем виноват Макс! Это из-за него отец так беситься! Максим — главный раздражитель! Он рушит жизнь Алисы: ей противен один только его вид, а еще приходится с ним спать! Почему он не погиб в Чечне? Нужно убрать его и все. Не будет его, и они с Семеном будут жить хорошо! Но Максим не идет против отца, надо его заставить.

Вся избитая, изломанная Алиса и не думала раскаиваться в содеянном ужасе. Она снова решила мстить Максиму. Через несколько дней она раздобыла левые телефон и симку. А потом сразу отправила смс Максиму: «Ни за что не верь своему отцу! Он тебе врет. Врач жив. Он знает правду. За тобой следят. Будь осторожен».

Цепная реакция была запущена. И, может быть, принесла в итоге свои результаты, если бы не одно но — Алиса просто не желала ждать. Она настолько устала тратить время на «Максима», что решила нанять киллера. Эта мысль грела ей душу приятной истомой. Скоро все закончится, осталось совсем немного. Сегодня ей перезвонили и сообщили, что заказ будет выполнен в ближайшее время. Ура! Осталось совсем немного!

Глава 20. Виктор

Скачано с сайта knigomania.org

Некоторое время назад

Виктор всегда считал, что родился под счастливой звездой. Почему? Да потому что был любим всеми. Вот было только одно но... Его не любила Лиза Колина. И это его бесило, раздражало. Он посвятил всю свою жизнь тому, чтобы добиться ее любви, но... ничего не вышло.

Виктор рос обычным простым парнем. Только был он таким с виду. На самом деле Виктор был другим. Его мать с детства прививала своим детям одно правило — везде надо искать выгоду. И маленький Витя, так же, как его братья, прекрасно запомнил мамин урок. В школу он пошел самую престижную в городе. Пусть родителям пришлось раскошелиться, но в Витином классе было столько деток влиятельных в их городе семей, что затраты того стоили. Ведь мальчик заведет знакомства, которые в будущем принесут ему столько выгоды!

И Витя заводил. Он бы мог запросто стать лидером в классе, если с ним вместе не учился Максим Старов. Настоящей дружбы у ребят не получилось. Нет, они ладили, были в одной компании. Но чувство братства не зародилось между ними. Максим словно чувствовал, что Витя ему постоянно завидует: его положению в обществе, деньгам, вниманию со стороны противоположного пола... пока ребята были детьми, это не сильно чувствовалось, но стоило им подрасти, стоило вступить в период первых влюбленностей, как все стало понятно. Максим пользовался жуткой популярностью у девчонок, их притягивал его бунтарский характер. А Витя, хоть и имел хорошие внешние данные: высокий блондин с голубыми глазами, такого успеха заполучить не смог. Может именно поэтому он всю жизнь потом менял женщин?

Все изменилось в их классе с приходом Лизы. Витя всегда будет помнить то первое сентября. В их класс вошла девочка с тугой русой косой и какими-то нереальными карими глазами. Стоило ей только взмахнуть ресницами и парень готов был стать для нее рыцарем, потому что она стала навсегда дамой его сердца. Витя полюбил. Когда Лиза выбрала место за партой рядом с ним, он вообще ликовал. Из всего класса эта девочка не захотела сидеть ни с кем, кроме него. Так началась их «дружба», в которой один любил, другая просто видела друга...

И снова счастье было недолгим. Появился Старов и все испортил. С первого же дня он полностью завладел вниманием девушки. Виктор ушел на второй план. Вот тут и родилась дикая ненависть Левшина к Старову. Чтобы он не делал, как ни изголялся, Витя всегда будет вторым номером, а Максим первым.

Дружба у ребят осталась, но теперь она была скорее номинальной, чем реальной. С каждым днем в Вите все больше накапливалась желчь. Он уже не мог существовать без нее. Видя постоянно Лизу и Максима вместе, смотря на то, как ребята целуются, он давился рвотой от злости, но ничего поделать не мог.

Зато Витя мог ждать. У него было железное терпение. Он понимал, рано или поздно наступит момент, когда он сможет отомстить. И такое время пришло.

Работа в клубе стала для Вити прекрасным вариантом: родители видели, что сын работает, и не «капали» ему на мозг. Виктор же не только зарабатывал «честные деньги», но и имел хорошую подработку. В клубе было много богатой молодежи, та часто устраивали безумные пьянки, когда люди теряли не только головы, но и кошельки. Виктор частенько находил «потери». Как положено делился с другими, но большую часть оставлял себе. А еще в клубе было много девушек, которые искали секс на одну ночь.

Виктор самоутверждался за их счет. Трх***я очередную девку, он мысленно ставил галочку в своем списке. Его одержимость перещеголять Старова превратилась в болезнь. Он везде хотел быть лучшим. Но, чтобы стать лучше Максима, одних баб было мало, нужны были деньги. Работа — это хорошо, но Виктор хотел разбогатеть мгновенно. А это почти нереально, если... если не попробовать сыграть в рулетку! Сколько людей на его глазах

становились миллионерами, и Виктор так же мог! Все, что он зарабатывал, уходило в казино. Он играл и играл, снова и снова. Иногда ему очень везло, и иногда нет. Но он настолько был ослеплен и захвачен в этот водоворот азарта, что уже не понимал, когда же надо остановиться.

У Виктора была только одна цель в жизни: уничтожить Старова, свергнуть его с пьедестала. Он хотел добиться своего любой ценой. И, когда Алиса пришла к нему с идеей разлучить Максима с Лизой, согласился сразу. Но им двигала уже не любовь к девушке, хотя она еще и жила в его сердце, теперь то была жажда мести. Он дождался, когда накопленная за годы желчь вырвется на свободу и накроет с головой Максима. Левшим бил по больному для Макса.

Он сам разработал этот план. Каждый раз, встречая Лизу в клубе, старался приобнять ее, как бы жалея. И чтобы это обязательно видели друзья Макса, которые частенько бывали в клубе. На все вопросы о его отношениях с Лизой утвердительно отвечал, что они теперь вместе. А со Старовым она была только из-за денег. Узнав, что Максим совсем не пишет Лизе, Витя ликовал!

А потом произошла та история с родами. И очередное появление Алисы с ее признанием... Тут-то Виктор и понял: в его руках не просто информация, он владеет билетом в прекрасное будущее. Теперь он не просто размажет Старова — он заберет у него все, что дорого тому. Парень не знал откуда, но в его голове родился чудовищный план мести...

Информация о том, что ребенок Лизы не умер, а теперь жив, определенно, могла принести огромные деньги. Витя был не дураком, и лезть с шантажом к Старову-старшему не стал. Он решил раскрутить на деньги бабушки Лизы. Тем более, что на днях он слышал один очень интересный разговор.

Витя решил навестить Лизу. Чтобы сократить путь, решил пройти через пустырь. Он хотел было уже завернуть за угол, как услышал разговор мужчины и явно пожилой женщины. Говорили они на повышенных тонах.

- Оставь нас в покое, - кричала женщина, - ты и так столько горя доставил нашей семье.

- Пока вас всех со света не сживу — не остановлюсь, - рычал ей в ответ мужчина.

- Это же твой внук, он тут не при чем, как и Лиза.
- Этот выбл***к мне не внук. Его твоя внучка просто нагуляла, чтобы женить на себе моего сына. Такая же шал***а как и ее мать, - мужчина проговорил с явной усмешкой в голосе.
- Я все сделала, как ты просил. Он не получает ее писем, как и она его. Как только родится ребенок, мы с ней уедем.
- А мне-то что?
- Пожалуйста, позволь нам просто уехать, - женщина взмолилась, - ради памяти Оли, позволь.
- Не смей! - мужчина заорал во всю глотку. - Никогда не смей при мне произносить ее имя!

Дальше послышался хлопок закрывающейся автомобильной двери и шум машины. Виктор быстро заглянул за угол. В машине за рулем уезжал Старов-старший, а на пустыре осталась стоять Нина Викторовна, бабушка Лизы. Маму Лизы звали Оля. Значит у нее и Старова общее прошлое, за которое тот ненавидит всю семью Лизы? Это может пригодится, тогда подумал Виктор.

И пригодилось же! Левшин поздним вечером пришел в дом к бабушке Лизы. Женщина открыла не сразу. Ее лицо было серым от горя. Внутри парня кольнула было жалость, но он ее быстро загасил. Нина Викторовна проводила его на кухню, налила чаю. Парень поинтересовался, как она себя чувствует, как чувствует себя Лиза...

- Витенька, - женщина заплакала, - Лизонька совсем плохая... она не может смириться с потерей малыша, пыталась с жизнью расстаться...
- Нина Викторовна, - Витя взял руки женщины в свои, - вы только не нервничайте, пожалуйста, я должен вам кое-что сказать. Понимаете... малыш Лизы не умер, он жив... это все рук дела отца Максима... он хочет спрятать малыша... есть человек, который может помочь найти ребенка, но нужны огромные, просто очень большие деньги...

Надо ли говорить, что женщина сразу поверила парню и принялась искать деньги. Но откуда ей было их взять? Только продав квартиру. Витя оказал «помощь». Нашел покупателей, помог с «продажей». Деньги, по сути, он не выручил. Зато у него появился прекрасный рычаг давления на Лизу. Весь грандиозный план исполнялся, как по нотам. Брат поверил в слезливую историю и вернул квартиру.

Неизвестно кто, но, видимо, злые силы вели Виктора по жизни. От пережитого горя скончалась Нина Викторовна.

На вышедшую из больницы Лизу свалилось еще одно горе. Тут-то и появился в ее жизни снова Виктор. Он «помог» девушке с квартирой. Поддержал морально и материально. А потом сделал ей предложение. Под гнетом событий Лиза согласилась. Левшин ликовал. Он почти праздновал победу: он будет жить в квартире, которую раньше занимал Старов, иметь его бывшую девушку и упиваться болью Макса. Все было прекрасно!

Но любой план нужно просчитывать до конца. Виктор просто просчитался. Максим не обратил внимания на Виктора и его месть. Он, вообще, не обратил внимания. Не было разборок, битья морды, гневных криков. Лиза для Максима словно перестала существовать, а Виктор и подавно. Идеальный план полетел к чертям. Парень снова оказался ни с чем. Цель его жизни стала недостижимой. Но он не мог винить в этом себя. Он действовал правильно, поэтому Виктор нашел виноватого в случившемся, точнее виноватую — Лизу. Ту, которая его так и не полюбила за его «доброту», ту, которая, скорее всего, продолжала любить Старова, ту, из-за которой все разрушилось, потому что она оказалась ненужной Максиму.

Виктор начало превращать жизнь Лизы в ад. Он врал ей про кредит и деньги, заставляя постоянно работать, а сам жил в свое удовольствие. Не сумев добиться желаемого в жизни, Левшин принялся самоутверждаться за счет тех, кто слабее и наивнее — женщин. Виктор находил очередную доверчивую дуру и вешал ей лапшу на уши. Та верила, принимала его в своей доме, любила, а он играл. Его внутреннее эго ликовало, играя чувствами другого человека. Игра чужими жизнями и эмоциями стала для Левшина вторым наркотиком после азартных игр.

Но он все равно возвращался домой. Почему? Просто его внутренние демоны помнили из-за кого его жизнь стала такой. Ему было мало боли других, он хотел мучить Лизу. Не сумев отомстить Старову, Левшин перенес свою месть на Лизу.

И, может, в конце концов он поломал бы девушку, если бы однажды за игровым столом к нему не подсел Макс. Первым чувством у Вити был страх, но он быстро с ним справился, правда, ненадолго. После проигрыша и угроз Максима страх вернулся. Но и тут Виктор сумел найти выгоду. Он избавиться от ненавистной Лизки, а над Старовым

будет издеваться, что отдает ему «использованную» вещь.

Виктор не учел одно — он настолько погряз в своем мире из мести, что вообще перестал здраво мыслить. Ошибался на каждом шагу: притащил домой проститутку, начал бить Лизу, рассказал ей все о споре, решил шантажировать Алису...

После того, как Максим забрал Лизу, Виктор понял, что Старов не забыл о девушке. Значит он попытается ее вернуть. А Виктор ему явно мешает. Нужно уехать, поменять фамилию и все, но денег снова не было — все проиграл снова. И тут он вспомнил о признании Алисы. Вот откуда можно найти деньги!

Разве знал парень, что совершил самую фатальную ошибку в своей жизни — пошел против семьи Старовых. За это поплатился. Виктор возвращался из клуба в тот вечер. Алиса обещала отдать ему деньги завтра. Все шло как надо. Пока в переулке из темноты не показалась темная фигура, а потом тело парня пронзила острая боль в районе печени.

- Привет от Старова-старшего, он не любит, когда ему ставят условия, - прохрипел незнакомец и исчез.

Виктор с трудом добрался до дома, но суд над ним уже был совершен... человеческий, Божией суд только ждал его впереди...

Глава 21. Семен

Какую роль играет первая любовь в жизни человека? Одну из ведущих. Это один из столпов, на котором формируется личность. Благодаря первой любви, люди учатся созиданию, милосердию, пониманию, взаимности, доброте. Но иногда первая любовь бывает печальной, грустной. Человек, испытавший такое, либо становится сильной личностью, либо, наоборот, замыкается в себе...

В жизни маленького Семы Старова любовь была всегда — к маме. Ближе и роднее человека у него просто не было. Отца Семен почти не помнил, того расстреляли за убийство собутыльника. После смерти отца мать вздохнула свободно, бедной женщине часто доставалось от пьяного мужа, и направила всю свою любовь на сына. Женщина старалась растить сына, много работала. Из-за отца Семена семья Старовых в глазах общества вызывала осуждение. Мальчишку дразнили ребята во дворе, а Лидии Игоревне было тяжело устроиться

на нормальную работу.

Семен очень жалел маму, уже тогда он понимал, что женщине приходится не легко, поэтому мечтал вырасти и заработать как можно больше денег, чтобы они ни в чем не нуждались. Но пока это были просто мечты.

Парень рос худым. Вид у него был хилый. За что часто был бит соседскими парнями. Это потом он вырастит, наберет приличную мышечную массу и сможет ответить всем, кто издевался над ним в детстве, а пока Семен приходил домой с синяками и разбитыми губами. Маме всегда врал, что он с ребятами лазил на дерево, на стройку... Но женщина понимала, что сын врет. Жалела его...

Все изменилось в тот год, когда Семен пошел в первый класс. На торжественной линейке все приветствовали радостный первоклассников. Первый звонок выпала честь давать одиннадцатикласснику и первокласснице из первого «А» класса — Оле Нечаевой. Маленькая, хрупкая девочка, с длинной русой косой и глазами цвета шоколада, который мама иногда покупала Семену, навсегда поселилась в сердце мальчишки. Спустя годы, Семен будет помнить до мелочей тот день...

Надо ли говорить, что теперь у мальчика появился тайный предмет желаний, но, как обычно, не достигаемый. Оля Нечаева училась в «А» классе, а Семен Старов в «Г», чтобы сесть за одну парту с девочкой, парень должен был учиться на одни пятерки, быть активистом... три года ушло у Старова на достижение желаемого. Только переводить Семена никто не спешил.

Отец Ольги был человеком строгим и суровым. Фронтовик, коммунист, член городского комитета партии Илья Филиппович хоть и воспитывал свою единственную дочь в строгости, но баловал ее невероятно. В ее классе детки были умными и из хороших семей. Семену туда путь был закрыт. Но сообразительный от природы парень нашел выход.

Старов в том возрасте уже подрабатывал. В их подъезде жила старая женщина, бывшая аристократка. Как ей удалось уцелеть в годы революции, не известно. Но женщина не только осталась жива, но и была достаточно богата. У нее совсем не было родственников, зато было много связей. Семен помогал старушке: доносил сумки, выгуливал ее собачку. Та давала мальчишке конфеты или печенья.

Однажды парень пришел к ней очень грустным. На расспросы рассказал женщине, что хотел бы учиться в другом классе, но его не хотят переводить. Старушка сделала пару звонков, и на следующий день Семя уже был учеником «А» класса.

Все было бы хорошо, но все знали о его «происхождении», поэтому стать своим в классе Семен так и не смог. Хотя сдружился с одноклассниками. Бывал у многих дома. Богатая, зажиточная жизнь других больно била по миропониманию парня, он хотел такой же для себя, а, может, и лучше. Не принимаемый во многие компании, Семен, тем не менее, нашел себе друзей: ребят из неблагополучных семей. В этой компании парень быстро стал лидером. Его авторитет был непоколебим. Чувство власти над людьми, пусть такое ничтожное, безумно понравилось парню. Он получал от него небывалое удовольствие. Оно стало менять Старова.

Хилый, нескладный мальчишка начал уходить. На смену ему начал появляться стройный, высокий парень. Не было больше забитого Семы, на его место вырос Семен — хитрый, изворотливый, жестокий местами. Друзья Старова быстро превратились в банду, которая стала промышлять мелким криминалом: кража, спекуляция. Семен не боялся правосудия: в кражах лично никогда не участвовал, руководил процессом издалека. Да и кто бы подумал на отличника, активиста школьной работы, что он состоит в какой-то банде малолетних? Никто.

Семен был не дурак. Он никогда не сорил деньгами. Вел себя осторожно. Что-то приносил в дом, объясняя матери, что подработал, но большую часть прятал, копил на лучшую жизнь.

Не смотря на все изменения в жизни парня, он продолжал быть верен одной мечте — быть рядом с Олей. Девушка тоже изменилась со временем. Из маленького ребенка она превратилась в красивую девушку, от которой без ума были многие ребята. Та это прекрасно понимала и, что греха таить, часто пользовалась этим. Ей льстило внимание стольких парней. Все эти годы Семен находился близко рядом со своим центром вселенной, но никогда не осмеливался подойти ближе. Банально боялся. Он не боялся красть, не боялся драться с ребятами, которые были старше его, но боялся подойти к той, которую считал ангелом...

Весна... пора любви и безумных идей... Выпускники десятого класса во всю готовились к сдаче экзаменов и обсуждали предстоящие

каникулы...

- Шалава! - громкий мужской голос быстро заглушил гомон ребят.

Это кричал Колька Перин. Худой парнишка возвышался над сидящей за партой Нечаевой и с багровым лицом орал на нее:

- Ты шалава! Ненавижу тебя! Ты сказала, что будешь встречаться со мной! А сама...

Договорить тот не успел. Семен не смог сдержать бурлящий в крови адреналин. Он знал, что у Оли есть парень, что она встречалась уже с тремя, но для него она все равно оставалась идеалом, а тут такое? Ее позорят при всех. Семен бил обидчика так остервенело, что его ели оттащили от парня. Был скандал. Маму Старова вызвали в школу, хотели устроить публичный суд, но дело быстро замяли. Пришлось бы при всех огласить причину, из-за которой началась драка, а Илья Филиппович этого категорически не хотел. С ребятами провели разъяснительные беседы. Всех поругали и... отпустили. Перин уехал с родителями в Москву, а Ольга стала встречаться с Семеном... Парень был на седьмом небе от счастья.

Семен боготворил свою Олю, пылинки с нее сдувал, на руках носил. Он боялся лишний раз прикоснуться к девушке. Для Старова Ольга была богиней, которую он боялся обидеть. Он всегда приходил к ней с цветами: ромашки, астры, гладиолусы. Водил гулять, много всего рассказывал, но никогда не торопился с поцелуями. Для жестокого главаря подростковой банды Старого, поцелуй с любимой девушкой был чем-то сакральным, не требующим спешки. Поэтому ребята просто ходили, взявшись за руку. Ровно в девять вечера Семен приводил Олю домой, целовал в лоб и уходил.

Ольга считала, что любимый идет работать, но она и представить себе не могла, чем зарабатывает на жизнь Старов. Девушка, привыкшая к постоянному вниманию и обожанию, впервые в жизни по настоящему полюбила. Ее холодное сердце было растоплено. Семен стал для Оли рыцарем из средневековых романов, бросившимся на защиту любимой дамы. Нечаева изменилась. Капризы, вечные ее спутники, ушли на второй план. У нее появился стимул в жизни — быть с Семеном, быть его достойной. Она видела, как парень трудится, работает, меняет свою жизнь, и ей тоже захотелось всего добиваться, а не брать готовое. Тем более, что родители Оли ничего не говорили про их отношения.

Теперь и у Семена появилась новая цель в жизни: нужно было заработать много-много денег, чтобы обеспечить прекрасную жизнь для своей любимой. Каждую ночь Старов теперь засыпал с мечтами о будущем: как построит большой дом, жениться на Оле, у них родятся дети...

В тот вечер Оля позвонила Семену и сказала, что сегодня они не увидятся — к ним приедут гости, папины хорошие знакомые. Парень огорчился, но смирился с ее ответом. Поздно ночью в дверь квартиры Старовых кто-то начал истошно звонить, а потом, вообще, стучать. Матери дома не было — очередное дежурство (женщина подрабатывала сторожем), поэтому Семену пришлось вставать самому. За дверью стояла зареванная Оля. Стоило парню открыть дверь, как она бросилась ему на грудь и принялась отчаянно рыдать. Сквозь ее постоянные всхлипы и рыдания, Семен понял, что привело Олю к нему. Оказалось, что ее родители были не против их отношений только потому, что уже давно решили судьбу девушки — она выйдет замуж за сына их хороших знакомых Никиту Колина. И сегодня был не просто ужин, родители парня приходили свататься. Когда девушка узнала об этом, закатила истерику, но это ни к чему не привело: отец просто влепил строптивнице пощечину и пригрозил расправиться с Семеном. Девушка сбежала из дома.

Семена заполонила злость. Он готов был броситься к Нечаевым домой, чтобы поговорить с Ильей Филипповичем «по-мужски», но девушка не дала ему этого сделать. Оля сказала, что любит только его, и не выйдет замуж ни за кого больше. Она завтра вернется домой, соберет свои вещи и уйдет к Семену. Парень с ней согласился... Они проговорили всю ночь. Признавались друг другу в вечной любви... целовались... занимались любовью... Семен понял, что в этом мире есть еще один человек, кроме матери, которому он нужен...

Утром парень проводил девушку до дома. Он категорически не хотел ее отпускать, но Оля настояла. Вечером он пришел к Старовым за Ольгой. Дверь открыла ее мама.

- Здравствуй, Семен, - проговорила женщина чуть взволнованно.
- Здравствуйте, где Оля? - парень нервничал.
- Оли нет, но она передала тебе записку.

Семен взял протянутый конверт. Дверь закрылась, а парень начал

быстро разворачивать бумагу: «Сема, у нас жуткий скандал. Отец меня никуда не отпускает. Уезжаю на время к бабушке в деревню. Не ищи меня, как все успокоится, я вернусь. Оля».

Письмо парень сначала смял. Бросился было к двери, чтобы разобраться с родителями, но быстро успокоился. Внемлил словам Ольги.

Два месяца Старов был сам не свой. Нервы с каждым днем натягивались все сильнее и сильнее. От Оли вестей не было. Ее мать молчала, говорила только, что с Олей все хорошо. Семен уже был готов ехать к бабке Ольги, чтобы только увидеть девушку... все решилось само...

Лидия Игоревна работала санитаркой в женском отделении. Семен пришел к ней днем — принес обед. Для матери парню было не жалко ничего, он ее очень жалел. Женщина вышла к нему буквально на минуту.

- Не стоило, Сем, я бы в столовой поела, - проговорила Лидия Игоревна.

- Мам, мне не тяжело, - с улыбкой ответил Семен и протянул кулек с едой.

- А ты почему не на учебе? - поинтересовалась женщина, беря из рук сына кулек.

- Нас раньше отпустили, вот я и успел домой забежать и к тебе.

- Понятно, спасибо. День сегодня тяжелый.

- Что такое?

- Да, абортницы пришли... ты же знаешь — запрещено, но за деньги и связи можно... пойду, мне еще операционную мыть.

Мать ушла, а Семен остался. Почему он тогда сразу не ушел? Над этим вопросом Старов будет мучиться все оставшуюся жизнь. Не узнай он тогда правду, может и жизнь по другому сложилась?..

парень уже хотел уходить, но со стороны служебного входа донеслись шаги. Мама что-то забыла? Нет, это была Оля Нечаева. Когда Семен ее увидел сначала, очень обрадовался, хотя не понимал, что она тут делает. Но, посмотрев на бледное, измученное лицо, синие губы, трясущееся тело, понял сразу, зачем девушка приходила в больницу, и почему теперь убегает из нее через служебный вход.

Оля, увидев Семена, остановилась как вкопанная. Ее взгляд был пустым. Она ничего не говорила. Просто стояла и смотрела на парня.

- Это был мой ребенок? - проговорил, наконец, Семен, найдя в себе силы.

- Да, - голова девушки упала на грудь.

В жизни каждого бывает тот момент, когда все меняется. Отправная точка, которая начинает путь. После ответа Ольги Семен первый раз в жизни ударил женщину. Теперь насилие над женским полом станет для него нормой, но про первый раз Старов не забудет никогда...

Голова девушки дернулась, распущенные волосы заслонили лицо. А, когда Ольга снова посмотрела на Семена, ее взгляд полыхал ненавистью и затаившейся болью:

- Да! - закричала истерично она. - Да, это был твой ребенок! И я убила его! Избавилась, потому что он мне не нужен! Как и ты! Или ты думал, что твои розовый сопли мне доставляют удовольствие? Мне нужен нормальный мужик, который может подарить мне стабильное и обеспеченное будущее? А что мне можешь дать ты? У тебя ничего нет. Тебя не принимают в обществе. Ты никто, Старов!

Очередной удар. Семен уже не контролировал себя.

- Ненавижу! - кровь текла по губам Ольги, а она орала во все легкие. - Ненавижу тебя! Убирайся прочь из моей жизни! Прочь! Ничтожество!

Выкрикнув это, девушка упала на землю без сознания. Но парень не бросился поднимать ее. Вместо этого он просто стоял и смотрел на «падшего» ангела... Чистое, невинное создание, которым для него всегда была Ольга, вдруг мгновенно испарилось. Теперь на земле лежала отвратительная гарпия, способная только отравлять собой окружающий мир.

Старов бросился бежать. Трусливый поступок. Но он понимал: останься он там еще на миг и просто убьет Нечаеву. А делать он этого не хотел. Не потому, что было ее жаль. Нет, он просто не хотел сидеть из-за такой мрази. Ольга оказалось обычной дешевкой. Избалованной, капризной девочкой богатых родителей, которой не нужна любовь простого парня, а только деньги.

Семен запил. Привычное занятие для человека, испытавшего горе, заливать его алкоголем. Он тратил накопленные деньги, не видя в них

больше смысла — зачем ему богатство? В этом мире нет ничего святого. Его подкосил даже не аборт, сделанной Ольгой, а ее обман. Лживые признания в любви, побег из дома были только для того, чтобы он отстал от нее. Девочка наигралась в любовь и решила выкинуть надоедливую «игрушку».

Семен лютовал. Он не мог поверить, что с ним так поступили. Возвращаясь домой, он хотел полезть в петлю, потому что везде видел Ольгу. Больное сознание, отравленное девушкой, постоянно вырисовывало картины прошлого: заплаканное женское лицо, трясущиеся плечи, покрасневшие щеки, дрожащие руки, стоны, сплетение обнаженных тел... Для Старова Ольга стала первой женщиной. Первой и последней, которую он любил за свою жизнь. Других не будет. Даже замен ей не найдется. Хотя он и пытался...

Погрузился в мир разврата полностью. На красивого, завидного парня женщины обращали внимание сразу. И он этим стал пользоваться. Менял их, как перчатки. Разбивал женские сердца вдребезги, но не получал желанного удовольствия. Видя, как очередная девушка плачет, стоит порой перед ним на коленях и слезно умоляет не бросать ее, Старов представлял Ольгу. Это она стояла перед ним, молила, унижалась, а он, издеваясь, просто посылал ее и находил новую.

Любовь к Ольге не ушла. Она трансформировалась в страшную, болезненную одержимость, зависимость, от которой невозможно было излечиться. «Ломая» очередную наивную девушку, превращая ее из чистой и непорочной в развратную, Семен видел Ольгу. Его бывший прекрасный цветок вместо благоухания источал аромат гнили. Развращение женских судеб стало своеобразным наркотиком для Старова — нет в этой жизни ничего настоящего, все лжи и полны предательства. И он срывал маску добродетели и показывал миру настоящие лица.

Но Семен немного просчитался. Он так увлекся, что не заметил, как очередная наивная дурочка не захотела становится бывшей, а решила женить его на себе во чтобы-то не стало. Маргарита Козлова, как оказалась, была влюблена в Старова очень давно, со школы. Девушка прекрасно видела, что предмет ее любви даже не подозревает о ней. Но это ее не останавливало. Девушка поступила на тот же факультет, что и Семен. Старалась попасть в те же компании, где был он. Когда Семен начал менять девушек, Маргарита всеми правдами и

неправдами ухитрилась попасть в их число. Удалось это девушке с трудом. Рита от природы имела избыточный вес, который совершенно не хотел уходить от девушки. А еще она жутко картавила и носила очки с сильным увеличением.

Поймать Семена в свои сети ей удалось, только сильно напоив. Козлова пригласила Семена и еще нескольких одноклассников на свое День рождения. Алкоголь, принесенный Семеном, сделал свое дело. Маргарита оказалась в одной постели со своим предметом тайных фантазий. И пусть Старов был жутко пьян, пусть был с ней груб, и Рита чуть не умерла от боли в первый раз, главное, что Семен сделал ее женщиной. Врываясь в девственное женское тело, Семен постоянно повторял:

- Почему, почему, ты так далека от меня?... Почему ты не хочешь быть со мной?... Я для тебя все, а ты?... Я же люблю тебя, суку...

Это в будущем Маргарита поймет, что эти слова были не для нее, а для Ольги Нечаевой, но в ту ночь она думала, что это про нее. Сердце девушки билось с безумной скоростью. Она была на седьмом небе от счастья. Семен ее любит...

А потом было как у классика - «а по утрам они проснулись»... все участники праздника благополучно ушли еще ночью, кроме Старова. Семен так набрался, что прийти в себя смог только утром и то от истошных криков мамы Маргариты. Козловы вернулись домой с дачи и застали их единственное чадо в постели с мужчиной. Отец Риты чуть было не убил мерзавца. Если бы не вмешалась сама девушка. Она со слезами на глазах просила отца не наказывать Семена. Парня просто выкинули из квартиры. Семен посмеялся над «придурками» и пошел к себе домой.

Но через несколько дней в квартире Старов появился неожиданный гость. Отец Риты оказался следователем. Он пришел к Семену. Мужчина поставил парня перед фактом: парень совратил его дочь, лишил невинности, покрыл позором, чтобы исправить свой поступок, он должен жениться на Маргарите. В противном случае на Семена заведут уголовное дело об изнасиловании.

- Да, знаешь, тут ориентировка пришла на одну банду, грабежами занимается. Говорят главарь у них очень скрытный: отличник, активист, студент одного из вузов... по описанию тебя напоминает...

Семен не боялся полиции, но оказаться за решеткой не хотел. Да и

Лидия Игоревна прекрасно слышала разговор. Женщина заплакала. Она, вообще, последнее время постоянно плакала, смотря на страдания сына. Понимая, что его загнали в ловушку, Семен согласился.

Через два месяца состоялось торжество. На свадьбе парень безбожно пил. Родители со стороны жениха всю свадьбу просидели с угрюмыми рожами, но парню было плевать. Внутри у него медленно умирало что-то живое, делающее его человеком... И снова в голове изгнанные фантазии... пышная свадьба, Ольга в белом платье.

Семен не выдержал, наплевав на все, сбежал со свадьбы к Ольге. Остатки веры в лучшее, прекрасное, крупницы надежды повели его к той, которая так долго была его жизнью. Ему было необходимо увидеть Олю сейчас. Все окружающее вокруг казалось дешевой постановкой, которая вот-вот развалиться на части.

Дверь квартиры Нечаевых открыл глава семейства.

- Чего приперся? - грубо поинтересовался мужчина.

- Где Оля? - пролепетал Семен, держась за дверной косяк.

- Нет ее, и для тебя больше никогда не будет, - ответил Илья Филиппович и хотел закрыть дверь.

- Где Оля? - заорал Старов и схватился за дверь.

- Я же сказал — нет ее. Уехала с женихом в Москву за платьем к свадьбе.

- Врешь! - зашипел парень.

- Мне нет смысла врать, - спокойно ответил мужчина, - через месяц Оля выйдет замуж, тем более, что она в положении.

- Тварь! - кулак Семена врезался в дверь. - Шалава! Нечаева, слышишь, а Перин был прав — ты проститутка!

Договорить парню не дали. Илья Филиппович не выдержал и накинудся с кулаками на парня. Бил его долго и сильно. Разнять их удалось только приехавшему наряду полиции.

Семена доставили в больницу. Парень серьезно пострадал. Многочисленные ушибы, переломы, но самое главное тяжелое сотрясение мозга...

С того самого дня все изменилось. Жизнь развернула все на сто

восемьдесят градусов. Тесть Старова взялся за семью Нечаевых. Игоря Филипповича сняли с должности и чуть было не исключили из партии. Ольга вышла замуж, но в семье не было понимания. Муж тайно гулял от жены на стороне. От всего пережитого сердце Игоря Филипповича не выдержало — он умер от инфаркта.

А Семен? Жизнь Семена круто изменилась. Выйдя из больницы, Старов раз и навсегда понял, в этой жизни все решают деньги, ничего человеческого в ней нет. В больнице, на койке, умерло то, что делало Семена человеком, его душа ушла из его тела, а сердце превратилось в кусок гранита. Больше для парня не было ничего святого. Власть и деньги стали его смыслом в жизни.

Старов быстро поднялся. Теперь его банда промышляла не только грабежами, но и разбоями и рэкетом. Лихие девяностые помогли ему проложить себе дорогу в мир «власть имеющих». Тесть прикрывал его по милицеским фронтам. Он, вообще, уважал своего зятя. Сначала Семен его не впечатлил, но пообщавшись с ним, увидев его хватку, понял: Старов — человек дела, тем более он так хорошо относится к его дочери.

И только единицы знали, каким на самом деле стал Старов. Женщины для него превратились в грязь, мусор. Он использовал их для удовлетворения своих потребностей. Но если раньше он был более-менее нежен с ними, то сейчас принимал только сторону силы. Обычный секс не приносил ему удовольствие. Семену нужно было наказать партнершу физически, сломать ее морально. Он превратился в зверя.

Больше всех от него страдала его жена. Сразу после свадьбы Маргарита забеременела. Родился мальчик, Максим. Семен был совершенно не рад. На людях он улыбался и смеялся, а внутри лютвал. Отчасти из-за того, что что-то черное внутри него еще помнило предательство Ольги и убийство их ребенка. Но больше от того, что не хотел этого малыша. Его насильно женили на страшилище. Тесть держит по рукам и ногам, готовый в любой момент сдать его органам. Семену нужна была свобода, а ребенок сковал его полностью. Теперь и речи не могло быть о разводе. Ему не дадут просто так уйти. Вот Старов и вымещал свою злость на жене.

Маргарита первое время покорно сносила побои и верила, что Семен стал таким после избиения: врачи предупредили, что у него могут начаться проблемы с психикой. Лишь спустя годы поняла — Старов

никогда ее не любил, да и не полюбит. Он болен и одержим одной женщиной — Ольгой Нечаевой. Спустя несколько лет после замужества Маргарита хотела сбежать от мужа, но тот поймал ее. Он запер женщину в подвале и долго избивал. Рита поняла, Старов начал сходить с ума.

- Ты разрушила мою жизнь, сломала ее, - он кричал, нанося очередной удар Маргарите, - я ненавижу тебя! Если бы не ты, все было иначе. Я убью твоего ребенка.

После этого женщина никогда больше не перечила мужу. Не лезла в его жизнь. Превратилась в тень. Маргарита посвятила себя сыну. В воспитании ей помогала свекровь, которая так же старалась не перечить сыну. Старова все стали бояться.

С каждым годом Семен становился все богаче и влиятельнее. Давно умер его свекор. Подрос сын, которого мужчина не замечал. Не родилась в нем родительская любовь...

Казалось, что нет в этом мужчине ничего больше гуманного. Оказалось есть. Как бы не ненавидел Старов Ольгу, она еще жила где-то в самом закрытом уголке его каменного сердца, заставляя его биться в груди. И в глубоком пьяном угаре он всегда вспоминал ее. Поэтому весть о смерти Ольги стала для него ударом. Да, он ее ненавидел, злорадствовал, видя тягости жизни ее семьи, но никогда не желал ей смерти. И тут... Никто, никогда не узнает, что в день похорон вечером он пришел на могилу и долго рыдал, обнимая фото любимой... Там, на кладбище, умерли последние остатки разума Старова.

Он помог родственнику избежать жестокого наказания, но потом сам сбросил его в машине с обрыва. Следствие установило, что мужчина был пьян, списали на самоубийство...

Видя, каждый день сына, Семен все больше заикливался на том, что Маргарита насильно женила его на себе. Ольга ушла, и безумию Семена теперь нужен был новый объект преследования. Сперва им стала Маргарита, потом Максим.

Больной разум Семена превратил его в психически неуравновешенного человека. Все видели его нормальным, но это было не так. Только мать, Лидия Игоревна, понимала — ее сын болен. Но что она могла с ним сделать? Ничего. Он ее ни за что бы не послушался.

Старов категорически не хотел видеть рядом с Максом дочь Лизы. Осознание того, что у них все получилось, что дети любят друг друга, больно ударила по психике Семена. У него не вышло, а у сына получилось. Это стало одной из причин ненависти и разрушения жизни Максима. Не себе — не людям. Старовы никогда не будут связаны с Нечаевыми... только один раз Семен все же дрогнул, когда родился его внук... убить ребенка он не решился, более того приказал дать ему фамилию бабушки... а потом отослал как можно дальше...

Разрушая жизнь сына, видя его агонию, Семен внутри торжествовал. Прогрессирующее с каждым годом безумие, заставляло мужчину совершать отвратительные поступки... Ему было необходимо над кем-то издеваться. И если физически он «отрывался» на проститутках и Алисе, то морально он, как раз, уничтожал сына.

Алиса... Старов ее никогда не любил, но ему доставляло удовольствие разрушать ее. Его воспаленный мозг вбил в свою рабочую программу образ Ольги и ставил его, как клише, на каждую новую женщину. Алиса попала в постель Старова невинной, как Ольга. Она приняла его одержимые ласки, валялась у его ног, как собака, просила и скулила. То чего не сделала Оля, а должна была, так рассуждал Старов. И эта «Алиса-замена» приятно скрашивала жизнь Семена. Но была ему совершенно не нужна. «Исполнительная дырка», так про себя Старов называл Алису.

Семен не мог быть отцом ее детей. После того избиения, в купе с психическим заболеванием у Семена развилось бесплодие. Избивая беременную Алису, мужчина даже не думал, что убивает своего внука. В последнее время предел его болезни зашкаливал. Это можно судить по тому, что он заказал сына.

Апогей был достигнут. Семен видел себя у руля власти. Все бразды правления он потом передаст внуку, а «отработанный материал», сын и сноха, будут слиты...

Сидя в своем кабинете, Старов медленно пил коньяк и наслаждался прекрасным видом из окна. Предвыборная компания началась. У него высокие рейтинги. Через пару дней Максим будет убит. Ему, убитому горем отцу, будут сочувствовать тысячи. Победа обеспечена.

Необходимо отпраздновать это событие. Нужна разрядка. Прошло уже три недели с момента избиения Алисы. Она теперь вполне поправилась. Так думал Старов. Он привычно поднялся в комнату

сына. Сноха лежала на кровати в одном халатике и листала журнал.

Семен пробежался по женскому телу глазами. Похудела, но это даже лучше. Он всегда любил худых... как Оля... Волосы Алиса по его приказу покрасила в русский цвет. Сейчас они были заплетены в простую длинную косу... как у Оли...

Больная психика Семена уже не позволяла видеть ему Алису, теперь перед ним была Ольга. Мужчина подошел к ней сзади. Женщина обернулась, быстро посмотрела на него и заулыбалась. Она поняла, что сейчас будет...

Ольга улыбнулась. Да! Семен ликовал.

- Ждала меня, сучка? - спросил он и начал наматывать на кулак косу.

- Да, - с придыханием ответила женщина.

- Как сильно? - вторая рука Семена полезла в ворот халата и больно сжала грудь.

- Очень сильно, - слышалось в ответ, а потом раздался стон, полный наслаждения.

- Кричи, тварь, сильнее кричи для меня... Оля...

Он резко развернул женское тело лицом к себе и рванул халат. Ткань разлетелась на куски мгновенно. Без прелюдии, без каких-нибудь ласк Семен принялся врываться в женское лоно. Ему было плевать на то, что чувствовала сейчас его партнерша. Он видел другую, чувствовал другую, кричал имя другой женщины.

- Сема, Сема, - голос Алисы чуть охладил пыл, он сфокусировал взгляд на ее лице, хотя видел Олю, и продолжал тра**ить тело Алисы.

- Сема, - снова позвала его Алиса, - скоро все закончится. Тебя больше никто не будет мучить. Я наняла киллера, он убьет Максима, а потом Лизу и их ребенка. Останемся мы: ты, я и Ваня. Я люблю тебя, Сема...

Что-то щелкнуло в голове Семена. Словно в нем была заложена какая-то программа, запуск который возможен после произнесения нужной команды.

- Что ты сказала... моего внука...

Ольга! Она снова хочет убить плоть от его плоти! Нет! В этот раз он

ей не позволит этого! Руки сами потянулись к горлу девушки. Сжимая пальцы все сильнее и сильнее, Семен жестко вбивался в чужую плоть. Алиса сперва приняла это все за игру, но, когда воздуха в легких не осталась, а Семен не думал отпускать ее горло, принялась отчаянно вырываться. Ничего не вышло. Безумие, написанное на лицо мужчины говорило, что он ни за что не отпустит девушку. Страшная догадка озарило умирающий мозг — смерть пришла за ней. И тут собственное тело сыграло с Алисой злую шутку: умирающая от удушья девушка забилась в агонии от последнего, самого мощного в своей жизни оргазма...

Семен кончил следом за ней. Вытащив обмякший член из мертвого тела, мужчина с безразличием посмотрел на Алису. Широко распахнутые глаза, раскрытый рот, раскинутые руки и ноги... Внутри не дрогнул ни один мускул. Семену было все равно. Он окончательно сошел с ума...

Глава 22. Лиза

Глава 22. Лиза

Максима не было уже две недели. Мне страшно. Так страшно, что все тело судорогами сводит от напряжения. Постоянно кажется, что сейчас в домик Ольги Никитичны зайдет киллер, посланный убить и меня... В моей голове до сих пор не было понимания, за что родной отец Максима решил его убить. Что должно произойти с человеком, чтобы решиться на такой поступок?

Оправдываю Семена Анатольевича, а потом сразу думаю, зря. Ведь, это он отправил моего ребенка в интернат, больше некому. Но почему? Мог бы отдать его нам, мы бы уехали, исчезли... Почему этот человек так жесток?

Я переживаю за Максима... Я люблю его... Люблю и буду любить всегда. Не вырвать мне это чувство из груди, потому что оно там не растет — оно и есть моя душа, сердце, а без них человек не может существовать. И с каждым новым днем я понимаю: попроси Максим меня сейчас быть с ним, попробовать начать сначала, и я соглашусь. Я готова разрушить его брак... только чтобы быть с ним, потому что устала жить в пустую. Я счастья хочу! Любимой хочу быть! Мне нужен рядом родной и близкий человек!

Порой ругаю себя. Дура, он на тебя столько грязи вылил, столько

слов наговорил. Унизить пытался. А ты его любишь. Но я гоню эти поганые мысли, потому что делал это Максим по незнанию. И если я не найду в себе силы для прощения, тогда зачем жить? Я знаю его и уверена, он сейчас себя корит не меньше за совершенные поступки...

За время отсутствия Максима я поняла, что расскажу ему о нашем сыне. Он должен знать. Не только я страдала все эти годы. И он мучился. Вспоминаю наш разговор в больничной палате... Его обманули, как и меня. Он тоже имеет право знать правду!

Апрель уже во всю хозяйничает в нашем городе. Заметно потеплело. Я с каждым днем все больше отхожу от болезни. Ольга Никитична в прошлом работа медсестрой, ей меня лечить не сложно. Я так прикипела душой к этой милой женщине, что решила никогда с ней больше не расставаться. Она за недолгое время стала мне роднее всех.

Последние дни я стала выходить на улицу. Свежий воздух приятно наполняет легкие и гонит из головы горестные мысли. Вот и сегодня, уже под вечер, выбралась на улицу, чтобы посидеть на лавке в саду за домом.

- Лиза, - я узнаю его голос из миллиона, Максим.

Поворачиваюсь, чтобы удостовериться, что мне не показалось. Нет, не показалось. Он стоит всего в паре шагов и смотрит на меня замороженно. Невольно улыбаюсь от стеснения. Сколько в его взгляде восхищения, радости, желания... Как давно на меня так не смотрели. Подходит ближе. А у меня сердце начинает в груди биться от волнения, и щеки гореть начинают... Я волнуюсь, как девчонка.

Подходит ближе. И я уже полной грудью могу втянуть его запах. Он пьянит меня. Заставляет мою кровь быстрее бежать по венам. Максим садится рядом со мной. И я кожей чувствую тепло, исходящее от него. Оно такое зовущее, такое родное, знакомое, что я усилием воли сдерживаю порыв, чтобы не прижаться к Максиму.

- Как ты себя чувствуешь? - спрашивает он, глядя мне в глаза.

А мне кажется, что он не в глаза мои смотрит, а прямо в сердце. Он все видит, все знает, понимает. И мне не нужно собираться с мыслями, чтобы ему все рассказать. В этом нет необходимости. Но я все равно отвечаю:

- Все хорошо, иду на поправку. Как твои дела? - в моем вопросе

скользит тревога, которую мне не удастся скрыть.

Максим чуть хмурит брови и в глазах сразу усталость появляется, но улыбается мне в ответ и отвечает:

- Все хорошо, скоро все закончится, не переживай.

- Но твой отец, - начинаю было я.

- Маленькая моя, - он касается своим лбом моего и говорит с закрытыми глазами, - давай не будет сегодня о нем. Давай, вообще, ни о чем больше сегодня не будем говорить, только о нас.

«О нас» и это для меня сейчас так много значит. Сколько долгих ночей я мечтала снова услышать это от него. Как беззвучно выла по ночам в подушку, чтобы не услышал муж, мечтая, чтобы вместо него рядом спал Максим... Я выстрадала свое счастье как никто другой. И полностью готова на один день забыть о окружающем мире ради того, чтобы побыть счастливой.

- Хорошо, - шепчу я ему в ответ после недолгого молчания.

Мы так и сидит. Молча, прижавшись друг к другу лбами... кто первый из нас тянется за поцелуем непонятно. Наверное, мы делаем это оба синхронно, потому что являемся половинками единого целого, потому что всегда понимали друг друга с полуслова...

Стоит его губам коснуться моих, и по телу начинают бежать мощные электрические разряды. Я соскучилась по губам Максима. Нет, не так! Я голодна до его поцелуев! Не злых, голодных, а вот таких — нежных, ласковых.

Максим целует не спеша, робко, словно в первый раз. И для нас это, действительно, первый раз после всего пережитого нами. Мы начинаем новую главу нашей жизни, пробуем войти в одну реку дважды.

Я отвечаю ему без раздумий. Отдаю всю себя этому поцелую. Дарю всю нежность, на которую только способна. Мне важно, чтобы Макс понимал, как сильно он мне нужен.

Поцелуй углубляется... И это уже не робкие прикосновения, это танец страсти. Язык Максима проникает мне в рот. Он сплетается с моим. Их танец подобен страстному танго. Каждое новое движение все больше разжигает огонь страсти. Одна рука Максима обнимает меня за талию и притягивает к себе. Другую он запускает в мои

распущенные волосы. Мой рот ловит его стон. И я уже не сдерживаю ответный.

- Лиза, - Максим резко отрывается от меня, - поехали со мной сейчас.

- Поехали, - я не спрашиваю куда, потому что с ним готова на край света.

Мы поднимаемся и идем к дому. Ольга Никитична стоит на крылечке и смотрит на нас с улыбкой. Мне кажется, что она нас знает лучше, чем мы сами.

- Я ее завтра обязательно верну, - говорит Максим женщине, - украду на время.

- Идите, дело молодое, - смеется она, - только будьте осторожны.

- Хорошо.

Мы даже отвечаем с ним хором. Максим сажает меня в машину. Едем молча, но нам слов не нужно. Пальцы наших рук переплетены между собой. Ни я, ни максим не смотрим друг на друга, но оба улыбаемся — «вот оно счастье, нет его слаще».

Максим привозит меня ко мне домой. И, хотя я удивлена, но не задаю ему вопросов. Доверяю, знаю, что он прав. Поднимаемся и заходим в квартиру. Темнота встречает нас в помещении. Раздеваемся. Максим включает наконец свет. Я теряю дар речи. Весь пол усыпан лепестками роз. Красиво. Он приготовил мне сюрприз, как же приятно. Максим отводит меня на кухню. На столе стоит бутылка шампанского и коробка конфет.

- Найдешь бокалы? - спрашивает он.

- Конечно.

- Я сейчас вернусь.

Выходит. Я не спеша достаю бокалы. Ставлю их на стол и подхожу к окну. Город утопает в огнях. И внутри меня сейчас горит море огней. Я снова живу!

За спиной раздается хлопок — Максим открыл шампанское. Возвращаюсь к столу. Он протягивает мне наполненный бокал. А, когда бокал оказывается в моих руках, Максим произносит тост:

- Мы потеряли столько лет из-за недоверия, лжи... давай больше никогда никого не слушать, верить только друг другу, доверять,

чтобы не случилось... за нас, за нашу любовь... за наше будущее.

Последнее слово он произносит с какой-то грустью, но я не предаю этому значение. Важно, что мы снова вместе. Раздается звон бокалов. Я чуть пригубляю шампанское, а вот Максим одним глотком опустошает свой бокал. Его взгляд полыхает. Его серые глаза с каждой секундой становятся все темнее. Желание просто пылает в его взгляде.

Я еле успеваю поставить бокал на стол, как мой рот захватывают в плен. Максим больше не нежен. Он немного груб, но контролирует себя. Чувствую, как его тело дрожит, как напряжены мышцы. Я сама натянута, как струна. Макс хватает меня на руки и несет в комнату. И тут мне приходится удивляться снова. Комната, которую я занимала до этого, вся в свечах. Маленькие огоньки рассеяны по всему пространству. В горле ком, на глазах слезы... я забыла, каким он может быть романтиком. Наша первая ночь была на простынях с лепестками роз и зажженными вокруг свечами.

Максим укладывает меня на кровать и быстро освобождает от одежды, пытаюсь не отрываться от моих губ. Я помогаю ему, раздевая его. Мы, как оголодавшие звери, как наркоманы, накидываемся на желанного, ничего не соображая. Пытаюсь коснуться его везде. Мне это надо, жизненно необходимо. Я его тело забывать начала уже. Его руки лихорадочно блуждают по мне. Он словно не верит, что снова со мной.

- Лиза, - хрипит Максим, зависая надо мной, - прости меня, любимая, но я не могу. У меня просто нет сил на прелюдию. Я тебя сейчас хочу... если не возьму — сдохну. Прости, родная моя...

- Возьми!

Я не успеваю договорить, как Максим резким движением ноги раздвигает мои ноги. Чувствую его возбужденный член рядом со своей изнывающей плотью, и чуть не кричу, чтобы поторопился — сама вся горю от желания. Резкий толчок, и Максим оказывается внутри меня. Мы замираем, потому что не верим оба, что, наконец, снова вместе, снова одно целое... Хватает пары секунд, чтобы понять — это реальность, долгожданная и безумно приятная. Максим больше не терпит. Его планку сорвало. Он начинает врываться в меня ожесточенно и быстро. И я с готовностью принимаю его напор.

Он терзает мои губы, кусает кожу шеи, шепчет какие-то слова, но я

их не слышу, потому что полностью отдаюсь безумной страсти. Мне хватает пары минут, чтобы подойти к краю обрыва — очередной резкий толчок Максима и внутри меня взрывается атомная бомба, снося все на своем пути. Через пару толчков Максим следует за мной.

Мы лежим, тесно прижавшись друг к другу. Оба понимаем, что для нас ночь только началась, и это минутная разрядка, просто пробежка перед большим марафоном, но она слишком многое значит для меня и Максима. Мы вместе. Мы рядом. Мы снова единое целое.

Поднимаюсь на локте и заглядываю в самые любимые глаза на свете.

- Я люблю тебя, - говорю от всего сердца.

- Я люблю тебя, - вторит мне он.

Мы снова сливаемся в поцелуе, чтобы насытить наши сердца, тела. А поздно ночью, засыпая после безумного секса, я слышу, как он шепчет:

- Доброй ночи, моя тростинка. Осталось совсем чуть-чуть, скоро мы снова будем вместе, и наш ребенок будет с нами.

Что это значит? Он, что знает о Матвее? Сон слетает с меня мгновенно. Вскрываю на кровати, он поднимается за мной.

- Что ты сейчас сказал? - мой голос спокоен, но я пристально смотрю ему в глаза.

Максим как-то весь теряется. Из глаз уходит то спокойствие, которое было до этого. Ему, словно, больно внутри.

- Лиза... только не переживай, - ему будто не хватает слов. - Наш ребенок... он не умер.

Произносит это и хватается меня за руки. Смотрит внимательно. Ждет реакции. А я не знаю, как поступить. Что мне сделать? Соврать? Но я не хочу больше лжи между нами!

- Максим, - улыбаюсь и прижимаюсь к нему, - я знаю, что наш ребенок жив.

- Понимаешь, я нашел врача, который у тебя принимал роды, - говорит он не слыша меня сперва, но потом резко отрывает меня от себя и чуть не кричит, - как это ты знаешь? Откуда?

- Я совсем недавно узнала, как раз перед болезнью. Нашла записку от бабушки. Она призналась, что наш ребенок жив.

Мы некоторое время смотрим друг на друга, получается оба знали и молчали? Не доверяли друг другу? Да, но теперь мы вместе и между нами больше нет тайн! Максим укладывает меня обратно на кровать, обнимает крепко и говорит:

- Врач сказал, что ребенка увез мой отец. Завтра я все выясню у него, и мы уедем за Матвеем.

Я не хочу отпускать его к отцу. Внутри какое-то нехорошее предчувствие. Оно лежит во мне приготовившейся к броску змеей и предупреждающе шипит.

- Макс, не ходи к отцу. Я знаю, где Матвей.

- Как? - он смотрит на меня полными глазами удивления.

В подробностях рассказываю ему, как узнала правду. Он слушает и не перебивает.

- Знаешь, - говорит он, после того, как я замолкаю, - я ведь все письма прочел, но фото среди них не было.

- Оно наверное упало куда-то, - говорю я и встаю с кровати.

Бегу в другую комнату, даже не одеваясь. Так и есть! Фотография лежит под диваном. Вытаскиваю ее на свет. Максим подходит и смотрит на снимок.

- Ты такая смешная в детстве была! - говорит он, улыбаясь.

А потом я переворачиваю фото и мы оба видим послание бабушки. Макс бережно берет снимок в руки.

- Как думаешь, - его голос дрожит, - мы сможем найти с ним общий язык? Он примет нас? Простит?

От его слов в горле ком встает, на глазах сразу слезы появляются.

- Я не знаю, - отвечаю я... и начинаю рыдать.

Максим обнимает меня, усаживает на диван. Мы так и сидим на нем долгое время. Голые, плачущие, Максим тоже плачет, но счастливые. Со слезами из нас, наконец, выходит все то плохое, что копилось годами. Мы не стесняемся друг друга. Мы очищаем свои души, сердца. Теперь у нас есть цель в жизни — наш малыш.

Когда слез уже нет, максим берет меня на руки и несет в кровать. Я засыпаю, тесно прижавшись к нему. Впервые, за столько лет, я по

настоящему счастлива!

Утро будит меня ярким солнцем и безумно приятным поцелуем. Потягиваюсь в кровати, как кошка от удовольствия и тут же ойкаю от шлепка по попе.

- Эй! - возмущаюсь. - Это что?

- Вставай соня, пора собираться, - говорит полностью одетый Максим.

- Не хочу, - пытаюсь забраться под одеяло, но он его вырывает со смехом.

- Надо!

Поднимаюсь. Закутываюсь в одеяло и бреду за ним на кухню. Там меня уже ждет горячий кофе в кружке. Второй я не замечаю, поэтому спрашиваю Максима:

- Ты не будешь пить со мной?

- Нет, я уже выпил. Присядь, нам нужно серьезно поговорить.

Его тон не терпит пререканий. Я покорно сажусь на стул и принимаюсь слушать его. Чувствую, то, что он сейчас скажет, будет очень неприятным. Волшебная ночь закончилась, реальность снова зажимает нас в свои стальные тиски. Максим некоторое время молчит, а потом начинает говорить, но как-то глухо:

- Все, что с нами произошло дело рук моего отца. Он ненавидит меня из-за моей матери, которая женила его на себе. Всю свою жизнь он любил только одну женщину — это твоя мама, Лиз. Им не дали быть вместе твои дед и бабушка. Они разлучили их. Дед даже серьезно избил моего отца. Это стало одной из причин развития у него психического заболевания. Мой отец болен, он совсем слетел с катушек в последнее время.

Сказать, что я поражена, это ничего не сказать. У меня нет слов. Семен Анатольевич был влюблен в мою маму? Они знали друг друга и хотели быть вместе? Дедушка и бабушка не позволили? В голове все не укладывается...

- Откуда ты это знаешь? - проговариваю я сиплым голосом.

- Бабушка рассказала. Я вчера отвез к ней Ваню. Мы разговорились. Вот она мне все и выложила. Отец хвастался перед ней, что скоро

покончит с «этим выродком», так он меня назвал. Она очень сильно перепугалась и решила предупредить. Киллера, которого он нанял, я знаю. Он предупредил меня. Отца нужно остановить.

От его слов становится все холоднее и холоднее. Я судорожно кутаюсь в одеяло. И тут до меня доходит — Максим собрался ехать к нему. Он, словно прочитав мои мысли, отвечает.

- Да, я еду к нему. Так надо. Я сам должен его остановить, больше никому.

- Нет! - из груди рвется крик. - Максим, нет! Я не отпущу тебя.

Вскакиваю со стула и бросаюсь к нему. Хватаю его за руки и целую их. А у самой слезы по щекам бегут от страха его потерять.

- Слышишь, нет! Я не хочу тебя потерять!

- Глупая, хватит! - он пытается поднять меня. - Лиз, ну ты чего? Я поеду не один, с ребятами. Поговорю с ним и приеду к тебе. Все будет хорошо.

Ему удается меня поднять. Он прижимает меня к себе, целует в макушку и гладит по голове.

- Любимая, ну ты чего панику разводишь на ровном месте? Все же нормально.

- Я боюсь, - произношу я, уткнувшись ему в грудь. - Не хочу тебя потерять.

- Не потеряешь. Я же уже сказал. Послушай лучше меня. Я не знаю, что там мог напридумывать себе отец, поэтому я должен спрятать тебя на время. Через час приедет человек от меня, его зовут Владимир. Сделаешь все, как скажет он, а пока собирай вещи.

Он целует меня в лоб и уходит. Я иду за ним следом. Максим уже выходит из квартиры, как резко оборачивается и бросается ко мне. Его губы впиваются в мои. Прижимаюсь к нему всем телом, а в поцелуй вкладываю всю любовь к нему. Он так же быстро отрывается от меня и уходит. А у меня внутри все корчится от осознания, что мы виделись в последний раз в этой жизни...

Глава 23. Максим

Я еле ушел от нее. Понимал, что в любую минуту просто сорвусь и

останусь с Лизой, но надо было уходить. Иначе план, который так долго и скрупулезно разрабатывался полетит к чертям. А этого допустить я не мог. Карты сданы, ставки сделаны и на кону наше будущее... Не знаю, увидимся ли мы с ней вновь, но на всю жизнь запомню сегодняшнюю ночь...

Эти две недели я серьезно готовился к сегодняшнему дню. Просчитывал каждую деталь, мелочь. С бабушкой своей я поговорил сразу, как отвез Лизу к Ольге Никитичне. После всего, что она мне рассказала, сразу понял — надо срочно принимать меры. То, что отец нанял для меня киллера, только первый звоночек, дальше будет страшнее.

Я был так зол на отца, что хотел просто его убить, но брать такой страшный грех на душу не хотелось. На мне и так грехов тьма. Да и бабуля чуть не на коленях просила не трогать отца. Как я ей откажу? Но проучить его нужно. Слишком заигрался отец во власть и вседозволенность.

Мне приходилось быть крайне осторожным. В моем окружении явно была крыса, а может и не одна. Доверять нельзя было никому. Но и это не самое страшное. На меня конкретно напали менты. Не дождавшись моего ответа, тот следок приперся вновь, но он уже не был таким любезным. Мне доступно объяснили, что если я не начну «сотрудничать» с правоохранительными органами, то достанется не только мне, но и Лизке... И я начал «сотрудничество». Как последний торгаш бился за цену товара — информацию. Я канючил, просил, лебезил, но добился главного — Лизу и Ваню не тронут, им позволят уехать свободно из города. Этого было достаточно.

Я прекрасно понимал, что отца, скорее всего, признают не вменяемым. И, хотя, будет показательный суд, его отправят в психушку, а меня за решетку. Было наср***ь. Главное, что мои близкие будут в безопасности.

Две недели я был похож на двойного агента, даже не так — тройного. Ментам говорил одно, дома — другое, а сам делал третье. Мне казалось, что сейчас я ошибусь, сделаю что-то не то, но судьба вела меня дальше. По сути полиции ничего не нужно было, чтобы взять моего отца с поличным, я мог выдать им всю информацию. Но я медлил. Сливая постепенно всех, кто был замешан в нашем грязном бизнесе, смог договориться о мести отцу. Только я не оглашал, что это месть. Просто «придумал» способ, как разрушить политическую

карьеру отца. На удивление со мной согласились. В Москве данную «акцию» одобрили — очередной пиар борьбы государства с коррупцией!

Я знал, что для отца власть — это все. Он одержим ей. Вот я и решил отомстить ему, сломав ее «идеальную» карьеру. Но и этого было мало. Помимо власти у отца есть еще одна любовь — деньги. Он, как царь Кощей, «над золотом чахнет». Это я тоже решил у него отобрать.

Димка, тот самый, которого я нанял для уничтожения своего отца, уже все подготовил и запустил. В эту минуту, пока я еду к отцу, со всех отцовских счетов денежки утекают в офшоры, а потом они, пройдя кучу банков, будут переведены на новую фамилию Лизы. Твердо решил отдать ей все деньги. Ей еще наших детей растить...

Дети... оказывается у меня два сына... Эх, мудака я, даже и не увижу, как они вырастят. Десятку мне точно влепят. Так что сидеть мне и сидеть... Как же мне было страшно признаваться Лизке, что наш сын жив. Но, видно, Бог все таки меня любит, раз послал мне такую понимающую женщину. Она не просто все спокойно приняла, так и сама все знала и даже больше. Сперва хотел обидеться на нее, что не сказала сразу, а потом осознал — она так же боялась. Я так ее запугал за эти годы, что она не знала, как поступить. Через пару дней она сможет увидеть Матвея... Какой он? Примет ли ее? Гоню прочь эти мысли, потому что внутри все сжимается от боли. Послать бы все к чертям и рвануть с Лизкой к сыну...

Но у меня есть еще сын, и я за него в ответе. Когда все заварилось, решил — Ваню Алиске не оставляю. Да, эгоистично, но не могу я ей сына отдать. Пришел вечером домой. Она в кровати привычно лежала. И с порога начал говорить:

- Я хочу развода.

- Хорошо, я согласна..

Меня чуть кондратия нехватила от ее спокойного тона. А где истерика, где крики? Она же пару дней назад тут умоляла меня не бросать ее...

- Я заберу Ваню себе, - опять начинаю я.

- Забирай, - даже не смотрит в мою сторону: журналчик листает.

Так и поговорили. А на следующий день мне снова позвонил Пуля.

- Здравствуй, - услышал я от него.
- И тебе не хворать. Что надо? - я явно был удивлен.
- Слушай, а ты популярен. На тебя снова заказ поступил.
- Кто? - хотя совершенно не хотел знать этого.
- Жена твоя, Алиса, тебя заказала. За срочность обещала подкинуть.

В тот день мы с ним встретились. Думал порешу Алиску сам. Вот почему эта тварь так быстро на развод согласилась — уже мертвым меня посчитала. Ну ничего, разберусь с ней скоро. Мы с Вовкой встретились на том же пустыре, что и в прошлый раз, только теперь разговор шел иначе. Пуля серьезно спросил, что у меня случилось. И я, бл***ь, все ему рассказал. Мне чертовски было необходимо с кем-то поделиться, потому что чувствовал себя зверем в клетке — вроде и могу ее сломать, но наказание за это будет слишком суровым. Он меня выслушал и предложил свою помощь на полном серьезе. Так у меня появился еще один сообщник.

Вован должен будет забрать Лизу, Ваню и Ольгу Никитичну (с ней я тоже успел поговорить) и увезти их из города. Он устроит их на новом месте, проследит, чтобы Лизка смогла найти Матвея, а потом вернется обратно. Никто никогда не подумает, что мне помогает он. Бросаю взгляд на часы, прямо сейчас Пуля уже подъезжает к дому Лизы...

А я останавливаю машину у дома отца. Закуриваю и смотрю внимательно на дом. Здесь прошло мое детство, здесь я вырос. Но эти стены никогда не были для меня родными. Я всегда ощущал дискомфорт здесь. Легко мне было только в квартире Лизы. Эх, Макс, обращаюсь я сам к себе. Скоро твоими родными стенами станут казенные палаты, хватит уже лирику пускать.

Итак, все дела сделаны. Часть средств со счетов отца я приказал перевести все тем, кто работает на нас. Скоро эти люди потеряют работу, пусть у них будет небольшая компенсация. Беру в руки телефон и пишу смс: «Можете забирать его через час». Отправляю. Так, у меня ровно час, чтобы поговорить «по душам» со своим отцом, потом приедет полиция. Отключаю телефон. Я знаю, Лиза будет звонить, но так надо.

Тихо захожу в дом. Прислуги нигде не видно и не слышно. Из кабинета отца слышен звук включенного телевизора. Перевожу

взгляд на часы, через пять минут начнется выпуск новостей с экстренной информацией. Я успею. Нужно «переговорить» с женой. Поднимаюсь в нашу комнату. Открываю дверь. На кровати лежит обнаженная Алиса. Подхожу ближе. Взгляд глаз стеклянный. Рот открыт. Руки и ноги раскиданы. Она не двигается. Касаюсь ее кожи. Мать твою! Да она мертва!

Неужели отец? Больше никому! Судя по тому, что Алиска ледяная, ее убили не сегодня. Вот это номер. Но мне срочно нужно спускаться вниз. Осторожно иду к кабинету отца, от куда уже слышен голос ведущей: «Сегодня, сотрудниками полиции была накрыта преступная группировка, которая занималась грабежами, рэкетом, угонами автомобилей, отмыванием денег и мошенничеством. Уже задержаны прокурор и начальник полиции города ***ск. Лидером группировки был мэр города — Старов Семен Анатольевич. Этот человек не просто руководил городом, он шел на выборы губернатора области, но теперь ему придется надолго сесть в тюрьму. Наши репортеры смогли получить эксклюзивные кадры отдыха мэра. На них видно, как Старов в компании прокурора проводит досуг с проститутками». Звук прерывается, но слышен жуткий грохот. Разбил телевизор?

- Интересное видео, правда, отец? - спрашиваю я, входя в его кабинет.

- Ты! - орет он, отворачиваясь от уничтоженного телевизора, в его руках чугунная кочерга от камина.

- Я! - отвечаю ему нагло.

Остаюсь стоять в дверях, я не боюсь отца, но лучше перестраховаться.

- Похоже твоей карьере пришел конец? - знаю, что трясусь красной тряпкой перед быком, но я должен отомстить ему за все!

- Думаешь, сможешь меня уничтожить? - на его лице злобная улыбка.
- Кишка тонка, щенок!

- Уничтожить? Нет, что ты! Я просто разрушу твою карьеру, лишу тебя все денег, а потом сдам ментам, которые уже едут за тобой.

В его глазах загорается нечеловеческая злоба. Он начинает идти в мою сторону. Я продолжаю стоять, но готовлюсь в любую минуту броситься бежать.

- Думаешь, обыграешь меня? - шипит он. - Не выйдет, у тебя кишка

тонка.

- Пусть тонка, - соглашаюсь я, - но испортить тебе жизнь я смогу!

- Выбл***к, - орет он, - надо было убить тебя вместе с твоей матерью сукой. Ненавижу вас! Это тварь слишком быстро сдохла! Как была ни на что не годна, так и умерла, не принесла пользы?

- Ну как же, отец, она тебе родила единственного, горячо-любимого сына — меня.

- Ты мне не сын! - кричит он, все больше теряя человеческий вид. - У меня есть настоящий сын! И я воспитаю его так, как стоит!

- И кто же? - мне даже смешно становится.

- Иван! - на лице отца появляется торжественная улыбка.

- Что? - он определенно лжет, но градус моего спокойствия резко падает.

- Не ожидал? - отец глумится. - Да, Ваня мой сын! Ты думал, что Алиса сама на тебя запала? Нет! Она все делала строго по моим указаниям! Видишь ли, твоя жена просто «обожала», когда ее бьют во время секса. И я давал это ей, а она была моей послушной собачкой. Это она подговорила Виктора обмануть тебя и Лизу, она подстроила так, что у Лизы начались преждевременные роды, она специально женила тебя на себе. Правда немного проболталась, за что была наказана, а ее подельник убит, но ничего! Я трахал ее постоянно! Стоило тебе пьяному заснуть, как она бежала ко мне в спальню и на коленях умоляла взять ее!

- Это бред! - теперь ору я. - Ты сошел с ума!

- Нет, это правда!

- Ты убил ее!

- Да, - он равнодушно улыбается, - она стала не нужна. Как и ты!

Он резко бросается на меня с поднятой кочергой. Я еле успеваю увернуться и выскочить в коридор. Отец несется следом. Его глаза пылают безумием. Рот чуть приоткрыт, он что-то бормочет. Я оборачиваюсь и вижу, как отец застывает на месте. Он смотрит куда-то вперед себя. Кочерга падает из его рук, а он говорит:

- Оленька, ты, наконец, пришла. Как я тебя долго ждал.

Не оборачивайся, Макс, не надо. Но я знаю, кто стоит за моей спиной. Я всегда говорил Лизе, что она очень похожа на свою мать...

Чувствую, как она подходит ко мне сзади. Ее быстрое, взволнованное дыхание обжигает мне затылок. Боже, ну что она здесь делает! Я же велел увезти ее отсюда, как можно, быстрее! Поворачиваюсь к ней, продолжая краем глаза следить за отцом, который замер, наблюдая за нами.

- Я же велел тебе уезжать из города, - злым шепотом говорю ей.

- Без тебя я никуда не поеду, - отвечает она и обнимает меня.

В последнюю секунду успеваю откинуть ее и принимаю удар кочерги на себя. Когда он успел ее поднять? Жуткая боль пронзает правую сторону тела. Отец все таки достал меня! Пячусь невольно назад, пытаюсь сфокусировать взгляд. От боли зрение ухудшилось. Вижу, как он схватил Лизу и пытается ее поцеловать.

- Оля, любимая, он не нужен тебе! - безумно кричит отец. - Я всего добился: у меня есть власть, деньги, я полон сил, слышишь. У тебя все будет. Мы уедем, сейчас уедем отсюда! Заберем нашего мальчика и уедем! Я ему твою фамилию дал. Он в детдоме, прости, но так надо было. Что бы этот урод до него не добрался.

Этот урод лапает тело Лизы, а она кричит и пытается вырваться из его рук. Шатающейся походкой я подхожу к ним. По дороге успеваю подхватить брошенную кочергу. Мне не удобно держать ее левой рукой, но я должен спасти Лизу. Замахиваюсь и со всей силы бью отца по спине. Тот кричит, а потом падает на землю, увлекая за собой Лизу. Она оказывается под ним.

Удар был очень сильным, но отец словно не чувствует боли. Он смыкает руки на горле Лизы:

- Ты снова предала меня, Оля, снова!

Я замахиваюсь еще раз, но у меня почти нет сил: боль невыносимая. И тут раздается выстрел. Отец обмякает. К нему и Лизе бросается Вовка. Он вытаскивает ее и бежит ко мне.

- Ты как? - подхватывает меня и помогает сесть.

- Жить буду. Уведи ее, скоро менты нагрянут, - я не смотрю на Лизу.

- Понял, - коротко отвечает Вован.

- погоди, дай мне пистолет, - нужно как-то объяснить ментам, что

произошло.

Он отдает мне ствол. Лиза все это время молча стоит сзади. Ее лицо залито слезами, губы искусаны...

- Уводи ее! - ору я во всю глотку.

Пуля бросается к Лизе. Она пытается увернуться, но ничего не выходит. Он быстро тащит ее к выходу. А она кричит:

- Максиииим!

Бл***ь, меня просто рвет на части от боли, но не от физической, а от душевной. Я за нем готов броситься! Ее крик мне души в щепки разносит... Но не могу... добродушная тьма накрывает меня с головой...

Эпилог

четыре года спустя

Максим

Осень в этом году подкралась незаметно. Нет, все ее ожидали, готовились — просто я ее не заметил. Я, вообще, больше ничего не замечаю кругом. Для меня нет ярких красок, ароматов, улыбок на лицах... Все превратилось в серую массу. И барахтаюсь я в ней, правда не знаю зачем... И жить не мило, и умирать страшно.

Бреду домой, сжимая в левой руке пакет с хлебом и молоком, а сам где-то далеко нахожусь... Резкий, рвущий душу скулеж собаки раздается рядом. Оборачиваюсь. Да, это и не собака вовсе — щенок. Стоит у куста и жалобно скулит. Озирается по сторонам, ищет кого-то, но не находит. В темных глазах затаилась такая невыносимая тоска. Но есть там и еще одно чувство: страх. Он боится этого огромного, пугающего мира, потому что не нужен ему, как и я. Брошенный... как и я. Только его выбросили сознательно, а я сам ушел.

Двум одиночествам легче прожить. Наклоняюсь и беру щенка на руки. Совсем легкий, видно давно не ел. Зачем я его взял? Не знаю. Но отпускать не собираюсь. Я все же не совсем монстр, хоть и совершал плохие поступки, помогу хотя бы этому четвероногому.

Нести его неудобно. Пакет с продуктами, да еще и животное плохо держать одной рукой. Но хорошо, что зверь не двигается, так легче. Он вообще весь замер, стоило мне взять его на руки и прижать к себе. Словно боится, что я его отпущу, что снова останется один. Не отпущу, только у подъезда дома приходится все же поставить пса на землю, чтобы дверь открыть... а потом еще у двери квартиры...

Только когда беда настигает тебя, понимаешь всю глубину бесполезности и отчаяния... Теперь я инвалид, калека: у меня не работает правая рука, висит беспомощной плетью... Тот удар отца не прошел бес следа. Это сперва мне я думал, что кости сломаны, так, в принципе, и было. Но травма была на столько серьезной, что привела к атрофии мышц правой руки. Теперь я не мог ее двигать. Конечно, при необходимом лечении можно было вернуть движение руке, но кто мне его окажет в тюрьме...

Я отсидел трешку. Могли дать и больше, но «помощь следствию» помогла уменьшить срок. Думал повесят еще и убийства, но не стали. Алиску точно убил Старов, улик была куча. А его самого... Удар кочергой сломал ему пару ребер. Живучий, скотина. В последний момент он чуть уклонил голову при выстреле. Пуля прошла по касательной, но успела задеть голову, ему делали трепанацию мозга. Семен стал инвалидом. Он даже не говорил теперь, только мычал. Его упрятали в психушку. Он до сих пор жив. Вот только больше напоминает овощ. Иногда у него возникают проблески разума, он вскакивает, кидается на дверь.

Мне его совершенно не жаль! Я и отцом Старова больше не называю, хотя знаю, что он мне соврал. Бабуля опровергла все его слова... бабушка, вот кого мне было потерять тяжелее всего. Она умерла в день суда надо мной: уснула и больше не проснулась — не выдержало сердце. Ее смерть на моей совести, мне за нее перед Богом отвечать.

Мне не поверили, что я применил самооборону: за домом, конечно, следили. Менты долго допрашивали меня про приезд Лизы и участие Пули, но я молчал. А потом на меня надели с тем, чтобы я вернул государству деньги. К этому я был готов. Только после суда, когда мне дали минималку, я назвал несколько счетов, с которых специально не были переведены деньги. Знал, что это будет больше всего интересовать правоохранительные органы. Мне, конечно, не поверили, что это все. Но я тупо стоял на одном.

Тюрьма — это не то, чем стоит хвастаться. Да, в определенных кругах уголовное прошлое играет огромную роль, но не в обыденной жизни. Из простого, ничем не приметного человека ты превращаешься в изгоя в обществе. Тебя нигде не ждут, не встречают. Ты никому не нужен. Три года на зоне научили меня многому, а главное тому, что нужно ценить то, что тебе дала жизнь... А я не ценил.

Выйдя год назад на свободу, я уже знал, что не вернусь к ней. Зачем ей калека, который сломал всю ее жизнь? Она достойна большего. Вовка навещал меня иногда, передачи привозил. Письма от нее... Я их рвал, не читая, и сразу в унитаз спускал... Глупо, бессмысленно, но так было легче. У нее должна быть нормальная, счастливая жизнь с нашими сыновьями, а не мученье с калекой мной.

Пуле удалось вывезти их из города. Он обеспечил Лизу новыми документами, помог устроиться на новом месте. Оказал помощь в усыновлении Матвея... До сих пор не верю, что сын, которого я десять лет считал умершим, на могилу которого так часто ходил — жив. Вовка говорит, что парень очень серьезный растет. Лизку на удивление сразу принял, в Ваньке души не чает. Вот зачем им такой урод-отец, как я? А вдруг у меня, как у папаши моего крышу снесет? Нет! Лучше так помру, один...

Лиза вместе с ребятами живет в Алтайском крае, в городе Бийск. Она открыла частный детский сад. Много времени посвящает благотворительности. Построила дом, растит детей. Ольга Никитична жива и помогает ей. Это мне Вовка рассказал, который бывает у нее иногда — он теперь крестный Матвею. А я... живу от нее за триста километров, снимаю квартиру в бараке. Работаю сторожем и медленно качусь на дно жизни... Она постоянно про меня спрашивает, но я строго настрого запретил Вовану говорить мое местонахождение. Сказал, что если расскажет, уеду навсегда, не найдут больше.

Пес отогрелся и наелся молока с хлебом. Завалился у батареи на пол и лежит, посматривая на меня. Как мало нужно для счастья кому-то, и как мало нужно для счастья мне... Просто собраться и поехать к ней. Но примет ли успешная и счастливая Лиза меня инвалида?..

Раздается стук в дверь. Кого на хрен принесло? Вован только приезжал. Соседи? Вряд ли. Стук в дверь повторяется, только теперь он уже более настойчивый. Подхожу. В дверь уже долбят. Открываю

ее и уже хочу заорать на тугу, кто так усиленно лупит деревяшку... но не могу... слова в горле застревают. Меня будто криогенном облили, и я моментально застыл.

На меня смотрит моя копия, только пятнадцатилетней давности. Эти серые глаза я каждый день в зеркале умывальника вижу. Эта осанка, всегда пацаном руки в карманы убирал «для понтов». Прищур во взгляде. Он смотрит на меня, будто ищет во мне что-то. Но не внешне, а внутри, в сердце, капается.

А мне дышать тяжело. Я, бл***ь, вообще не знаю, что делать. Стою и тупо смотрю на сына.

- Здравствуй отец, - говорит он, наконец.

- Здравствуй, - хриплю я и морщусь от боли, потому что одно это слово дерет мне горло до ужаса.

Мы смотрим друг на друга некоторое время, пока я не чувствую, как моих ног касается что-то теплое. Щенок пришел. Матвей переводит на него взгляд. А блохастый недолго стоит, виляя хвостом, а потом смешно плюхается на попу. У меня на лице улыбка появляется сама собой. Смотрю на сына, он тоже улыбается и на меня смотрит...

А потом я просто протягиваю руку и он ко мне бросается. Падает на грудь, сжимает крепко меня в объёме и плачет... а я за ним плачу... И мне не стыдно, ни хрена не стыдно! От радости можно! Я чувствую, что хоть мой сын уже большой, но в душе он еще ребенок, маленький пацан, которому не хватало отца.

Стоя на пороге, сквозь слезы, я слушаю рассказ сына. Матвей не отрывается лот меня. Он говорит и говорит о том, как он хотел найти родителей, как ждал, как ненавидел, как за ним приехала мама... Я его не перебиваю, не размыкаю объятий, я возрождаюсь от его тепла. Он меня к жизни возвращает, снова дает ей смысл.. Мне теперь снова есть ради чего жить! Вот он передо мной стоит! Взрослый сын, которому просто необходим отец. Пусть я не видел, как он вырос, но я буду видеть его дальнейшую жизнь!..

Я почувствовал ее приближение раньше, чем увидел. Мне сердце подсказало, что она близко. Лиза не спеша подходит к двери квартиры, которую я так и не закрыл. Она с улыбкой смотрит на меня и Матвея. Рядом с ней Ванька. Смотрю на нее и не могу наглядеться... какая же она красивая, просто неземная. Она изменилась. Нет, не внешне, Лиза изнутри вся светиться стала. Как

тогда ночью, когда она Ваньке сказки читала...

Меня начинает трясти от страха. Сын, чувствуя мое напряжение, отрывается от меня и оборачивается.

- Мам, мы поговорили.

- Вот и хорошо, забирай его домой, хватит ему уже от нас прятаться.

Матвей отходит. Ко мне бросается Ванька. Хватаю его одной рукой. Вижу взгляд Лизы. Она смотрит на мою правую руку. От отвращения к себе становится плохо.

- Вань, помоги брату папины вещи собрать, - говорит она.

Сыновья уходят. А Лиза подходит ко мне. Берет правую руку и сжимает ее в своей руке. Мы встречаемся взглядами. В ее глазах столько любви, что меня накрывает с головой. Я просто тону, даже не пытаюсь спастись.

- Пора возвращаться, - нарушает она молчание.

- Нужно ли? - пытаюсь в последний раз отойти назад. - Я калека, обуза.

- Ты тот, кого я всегда буду любить, - говорит и целует мою бесчувственную руку.

Стою и не знаю, что сказать.

- К тому же, - произносит она с улыбкой, - я твоя собственность, за которой ты совсем не следишь! Или ты забыл, что выиграл меня в карты?

- Нет, - я, наконец, принимаю самое правильное решение в жизни, - ты права. Ты мой выигрыш, я тебя выиграл в страшной жизненной рулетке, теперь никогда не потеряю.

Наклоняюсь и целую ее. Моя ставка была огромная, но фортуна любит рискованных. И меня она наградила!

История подходит к концу. Остался приятный бонус. У нас с Музей прекрасное настроение, поэтому мы решили сделать грандиозный подарок - бонус будет доступен всем! Загрузка бонуса произойдет автоматически в 12:00 по московскому времени.

А пока жду ваши комментарии))))

Бонус

Скачано с сайта knigomania.org

Спустя пять лет

Лиза

День подошел к концу. Растягиваюсь с удовольствием на кровати. Да, я уже не молода, но внутри меня еще бьет ключ безумной энергии. Скажи мне кто-нибудь девять лет назад, что моя жизнь так измениться, я бы не поверила. Но она, действительно, изменилась.

Вспоминаю прошлое и с трудом думаю, как все это пережила. Отъезд из родного города, когда Максим истекал кровью, я не забуду никогда. Предусмотрительный Вовка просто вколол мне снотворное, чтобы увезти, ибо я визжала всю дорогу. Когда пришла в себя в другом городе, пару раз пыталась тупо сбежать, чтобы сесть на поезд и вернуться к Максусу. Вова меня возвращал. Сейчас понимаю, какой же он молодец, что тогда не дал совершить ошибку. Он просто взял и отвез меня в интернат к Матвею. Это был ужасный удар. Мысли о Максиме ушли на задний план. Теперь я думала о сыне. Я почти полчаса стояла у ворот детдома, не решаясь войти... А, когда вошла, растерялась окончательно. На меня сразу уставилось несколько десятков детских пар глаз, и в каждой паре надежда, что пришли к ним. Мне так больно еще ни разу в жизни не было. Я себя почувствовала извергом, который не может сделать счастливым всех, а только одного.

И этот один сидел на лавке и смотрел на меня пристальнее всех. Я его не просто узнала, по схожести с отцом, я его сердцем почувствовала... Встала на одном месте, рот рукой закрыла, смотрю на него, а из горла не рыдания рвутся, а вой дикой волчицы. Десять лет! Десять долгих, ужасных, кошмарных лет я думала, что мой сын умер, а он сейчас сидит и смотрит на меня не по годам взрослым взглядом.

Подошла к нему, захлебываясь слезами, упала коленями на холодную землю, взяла в руки его грязные ручонки и еще сильнее заплакала.

- Маленький мой... родной... Матвейка... - прижала к себе — никогда больше не отпускаю!

А он меня не оттолкнул. Прижался и спрашивает:

- Ты моя мама?

- Твоя, только твоя, я за тобой пришла...

Но найти сына было пол беды, главная беда вылезла потом — усыновление. Мне, родной матери, пришлось чуть не с пеной у рта доказывать право на воспитание сына. Снова помог Вовка. Его связи, мои деньги (я была в шоке, когда узнала о них) помогли добиться желаемого результата. Матвей стал жить со мной.

Первое время было тяжело. Очень... Сын злился, обижался, сбегал из дома, ревновал меня к Ване... Однажды я не выдержала и, после очередного проступка Матвея, просто рассказала ему всю правду — как он оказался в детдоме. Не знаю, что на него повлияло: мой рассказ или разговор с Ольгой Никитичной, которую он принял сразу лучше меня, но сын начал меняться. С каждым днем он становился все больше серьезным и понимающим. Я готова была положиться на него в любом деле...

Я знала об увечье Максима давно. Когда он вышел из тюрьмы и принялся скрываться от нас, сначала сильно на него обиделась. Все ждала, когда одумается. Но он все не хотел. Пришлось ехать самой за ним.

Знала, что для Матвея эта встреча значит очень многое, поэтому сама заставила его пойти к отцу первым. Если они сразу не найдут общего языка, потом он так и не появиться. Как же хорошо, что все получилось.

Оглядываюсь назад и понимаю, да, жизнь заставила пройти нас через много испытаний, но вознаградила нас за наши страдания. Дети выросли: Матвей — студент военной академии. Он с детства мечтал стать военным. Ванька собирается стать инженером — будет строить новые дома. Оля и Маргарита, наши двойняшки, наше позднее чудо... Их рождение стало для нас божьим благословением. Они родились ровно спустя девять месяцев после возвращения Максима. Баловали их все нещадно: братья, отец, Ольга Никитична. Эта женщина, ставшая для меня матерью, для моих детей бабушкой жила с нами и, по ее словам, совершенно не хотела умирать!

Мы нашли прекрасного врача, который смог вернуть подвижность руке Максима. Пусть никак раньше, но теперь он мог ей двигать.

Взгляд падает на письменный стол. На нем лежит дневник моей матери... Его нашел Вовка в тайнике квартиры моих родителей. Я

продала квартиру Вовке. Он начал делать в ней ремонт — готовился к свадьбе, за старым радиатором была ниша, в которой он и нашел дневник матери.

Так я узнала, с чего же все началось... мама очень любила Семена Старова и хотела с ним быть, но мой дед запретил. Он пригрозил посадить Семена за решетку или вообще убить, если моя мать пойдет против воли родителей... Он вынудил маму сделать аборт... Не мне судить деда, Бог ему судья, но из-за его жестокости было сломано так много судеб...

В конце дневника было небольшое послание от бабушки, она, наверняка, знала о дневнике дочери. В нем бабуля просит у меня прощения за деда, письма и квартиру... Она рассказала, как узнала адрес интерната.

Это сейчас мне легко все вспоминать, но, когда, я прочла все в первый раз, крушила все, что попадало под руку. Столько лет я жила с лжецом и обманщиком! Мне было ужасно противно от самой себя... Спасибо Максиму, он смог меня успокоить...

Максим, мой муж, теперь законный, моя крепость. Как же я счастлива, что мы вместе. Пусть мы потеряли столько лет жизни напрасно, но теперь мы знаем цену счастью, знаем, что судьба обязательно позволит каждому заполучить свой выигрыш в жизни.

Конец

Вот и подошел к концу роман. Жизнь наших героев была нелегкой, но они выстрадали свое счастье.

Спасибо огромное всем: тем, кто не дочитал произведение и удалил его, тем, кто прошел путь с героями до самого конца, тем, кто высказывал в комментариях свои мнения, делился переживаниями, тем, кто наградил произведения, радуя автора за его труд. Вы, мои дорогие читатели, те, для кого хочется творить и творить!

Мы прощаемся с книгой, но, надеюсь, не прощаемся с вами. Впереди работа над новой книгой «Я возвращаю долг». А так же скоро начнется выкладываться новый роман. Для того, чтобы быть в курсе, просто подписывайтесь на автора.

Ваш Автор)))